

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

Архимандрит Дамаскин
(Орловский)

Бог судил мне быть исповедником

Житие
священноисповедника
Романа Медведя

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»
МОСКВА • 2020

УДК 281.93 : 272 / 253 : 256

ББК 86.372-3

Д16

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-015-0397*

Дамаскин (Орловский), архимандрит

Д16 Бог судил мне быть исповедником. Житие священно-
исповедника Романа Медведя. – Москва : Региональный
общественный фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви», 2020. – 291, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-9909778-4-6

Вниманию читателя предлагается житие священноисповедника Романа Медведя (1874–1937) — выдающегося пастыря, прославленного в лике святых Русской Православной Церкви в 2000 году. Протоиерей Роман много времени и сил посвятил осмыслению и созданию подлинно христианской общины и восстановлению прихода, почти переставшего существовать к тому времени как живой и дееспособный церковный организм. Служение отца Романа началось в конце XIX столетия и пришлось на период общественных потрясений — Первой мировой войны, революции, освобождения Церкви от бюрократических пут государства и вскоре затем последовавших беспощадных на нее гонений от вновь образовавшегося государства. Возвышенные суждения и бесценный опыт мучеников XX столетия, которое характерно безмерными страданиями людей и потоками пролитой крови, могут помочь современному человеку точнее ориентироваться в событиях сегодняшнего дня.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 281.93 : 272 / 253 : 256

ББК 86.372-3

© Архимандрит Дамаскин (Орловский), 2020

© Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2020

ISBN 978-5-9909778-4-6

© Оформление. ООО «Издательство «Булат», 2020

В преддверии священства

В первый день февраля 1872 года в соборном храме города Бела* Седлецкой губернии «в присутствии свидетелей — Варфоломея Цыбульского, лет шестидесяти, и Якова Радоминского, лет пятидесяти», бельских мещан, был «заключен религиозный брачный союз между Иваном Медведем — сыном Иосифа и Марии из Солодухов, рожденным в деревне Хорошинке, учителем народного училища в городе Белой, холостым, лет двадцати семи, — и Марией Парафинюк, дочерью Матфея и Екатерины из Олешко, супругов Парафинюков, девицею, рожденной и при родителях в городе Белой проживающей, лет двадцати. Браку предшествовали три оглашения; провозглашены собранному в церкви на богослужение народу в 16-й, 23-й и 30-й день января текущего года»¹. Препятствий для заключения брака не оказалось, новобрачные объявили, что не заключали никакого договора предбрачного. Бракосочетание было совершено священником Николаем Ливчаком**. Акт

* Ныне город Бяла-Подляска в Люблинском воеводстве, Польша.

** Протоиерей Николай Николаевич Ливчак (1837–1909) — один из главных деятелей по возрождению православия в Подляшье. По окончании гимназии в городе Перемышле получил высшее образование — богословское и историко-филологическое — в Вене. Был рукоположен в униатского священника и назначен настоятелем храма в Кракове. Затем был назначен настоятелем храма в городе Бела. Здесь в 1875 году он первый вместе со своим приходом воссоединился

*Церковь святителя Николая
Чудотворца в городе Замостье*

о заключении брака был зачитан свидетелем, а по неграмотности их подписан священником Николаем Ливчаком.

Священноисповедник Роман родился 1 октября 1874 года в городе Замостье Люблинской губернии в семье учителя Ивана Медведя и его супруги Марии, работавшей акушеркой.

Вот как записал о таинстве Крещения

младенца Романа в той неспешной, далекой от больших катастроф эпохе настоятель Свято-Никольской церкви в городе Замостье священник Антоний Решетилович: «Состоялось в городе Замостье 1 октября 1874 года в 3 часа пополудни. Явился лично Иван Осипович Медведь, учитель приготовительного класса Замостской мужской классической прогимназии, лет тридцать от роду имеющий, в присутствии Степана Ананиевича Шарина, инспектора Замостской классической прогимназии, кавалера ордена святого Станислава 2-й степени, лет сорока трех, и Ивана Ивановича Розмаинского, учителя пения Замостских прогимназий и старшего псаломщика православной Нерукотворенного Образа церкви, лет сорока от роду имеющего,

с православием. Впоследствии служил в Смоленске, Минске, Варшаве, Ломже и в поселке Александров-Пограничный в Варшавской губернии.

в городе Замостье жительствующие, и предъявил нам младенца мужеского пола, объявляя, что он родился нынешнего числа текущего месяца и года в 6 часов утра от супруги его Марии, урожденной Парафинюк, лет двадцать шесть от роду имеющей. Младенцу этому на святом Крещении и Миропомазании, по чину Восточной Церкви совершенном нынешнего числа, дано имя Роман (Ярослав), а восприемниками были вышеупомянутый Степан Ананиевич Шарин и Феофила Николаевна Решетилович, жена настоятеля Замостской приходской святого Николая Чудотворца церкви»².

Дома мальчика называли Ярославом. С этим именем он впоследствии учился в духовных семинарии и академии, долгое время подписывал им свои статьи и публикуемые проповеди (иногда двойным именем — Роман Ярослав), и только уже будучи священником в Санкт-Петербурге, стал подписываться одним именем — Роман, с каким он был рукоположен в сан иерея.

Храм, в котором был крещен Роман, был известен с 1589 года, когда Иван Замостский (Ян Замойский), основатель Замостской крепости, дал грамоту с разрешением православным жителям города, в подавляющем большинстве русским, беспрепятственно совершать богослужение по своему обряду и иметь своих священников. Храм существовал исключительно на пожертвования прихожан; они построили при храме школу, богадельню и больницу. В 1606 году православные жители Замостья учредили православное монашество

*Протоиерей
Николай Ливчак*

и Братство и впоследствии получили от Иерусалимского патриарха грамоту, в которой значилось, что они имеют благословение на введение у себя при храме святителя Николая православного монашества, Братства и ставропигии. В 1706 году Анна Замостская (Замойская) насильно ввела унию и учредила при храме святителя Николая униатский монастырь василиан. Православное Братство, в значительной степени содержавшее храм, было разорено, так как часть его членов, соблазненная материальными преимуществами католицизма, перешла в католичество, и в 1762 году храм был отдан униатам. Монастырь василиан считался миссионерским, его деятельность была направлена на проповедь католицизма среди православных, и польские помещики щедро жертвовали на него свои средства для пропаганды преимущества католичества перед православием, а также того, что живущие здесь русские являются поляками. Как только успех был достигнут и большая часть русских, живших здесь, забыла свой родной язык и веру и стала считать себя коренным польским населением, всё имущество у униатов было отобрано и передано полякам-католикам, после чего монастырь быстро пришел в упадок.

Во время настоятельства в Никольском храме священника Антония Решетиловича, крестившего Романа, приход, в который входили город Замостье и пятнадцать деревень, включал в себя 721-го человека — мужчин и женщин. 15 мая 1875 года храм святителя Николая был присоединен к православию. Литургию в этот день совершал архиепископ Холмский и Варшавский Иоанникий (Горский) в сослужении 44 священников, в присутствии 102 делегатов от приходов и многочисленного народа. Всего в Замостье в этот день присоединились к Православной Церкви 44 священника и 51 приход³.

Иван Осипович Медведь

Мария Матвеевна Медведь

В 1877 году в Замостье была возрождена деятельность Николаевского православного братства. Иван Осипович, поселившись с семьей в братском доме, воспитывал и обучал крестьянских детей, взятых Братством на свое иждивение. У Ивана Осиповича и Марии Матвеевны родилось семь детей — пять сыновей и две дочери, один из сыновей умер в отрочестве. Роман был вторым ребенком в семье.

Иван Осипович получил образование в Яблочинском русско-униатском училище. В 1866 году он был назначен учителем Межилесского начального училища. В том же году — поступил на Бельские педагогические курсы, получившие впоследствии статус учительской семинарии; после их окончания в 1869 году со званием учителя второклассного училища он был направлен в Полесское начальное училище. В 1870 году Иван Осипович был назначен в Бельское начальное училище, в 1873 году — учителем подготовительного класса Замостской мужской прогимназии⁴, в 1879 году — учителем подготовительных классов Грубешовской прогимназии. В Грубешове, уездном городе Люблинской губернии, было в то время 522 дома

с 7 912 жителями. Несколько позже, в 1892 году, жителей стало 9 606 человек, из них православных — 3 259, католиков — 1 074, евреев — 5 264. Первоначально древнерусский город Грубешов со всеми его окрестностями входил в состав Владимиро-Волынского княжества. Первый храм был построен здесь во имя святителя Николая. Позже, в 1340 году, бóльшая часть Владимиро-Волынского княжества была включена в состав Великого княжества Литовского и Польши; население города много претерпело от частых нападений со стороны татар, которыми он был разрушен в 1498 году. После присоединения к России и возвращения униатов в православие храмы в Грубешове вошли в состав Холмско-Варшавской православной епархии. В то время когда там стала жить семья Ивана Осиповича, в городе были храмы Успения Пресвятой Богородицы и святителя Николая и два домовых храма — больничный и полковой, а также мужская прогимназия, двухклассное мужское училище и церковно-приходская

*Праздник Холмской иконы Пресвятой Богородицы.
8 сентября. Город Холм*

школа, две больницы, два дома призрения, два православных братства, ссудно-сберегательное товарищество и несколько заводов и фабрик. В Грубешове прошло детство Романа, здесь он получил первоначальное образование.

В 1888 году, когда Роману исполнилось четырнадцать лет, Иван Осипович был назначен учителем образцовой школы при Холмской духовной семинарии, и вся его большая семья переехала в Холм, где для нее руководством семинарии была выделена квартира на первом этаже школы. В том же году братья Роман и Иаков поступили в первый класс Холмской духовной семинарии. Эта семинария отличалась в то время миссионерской направленностью и демократическими порядками — в ней учились молодые люди православного исповедания из всех социальных слоев общества, как обучавшиеся до поступления в духовных заведениях, так и получившие домашнее образование. Ректоры, служившие по обычаю тех лет в таких учебных заведениях всего лишь на время пребывания на определенной ступеньке карьерной лестницы, часто менялись. При поступлении братьев ректором семинарии был протоиерей Михаил Добрянский, на следующий год ректором стал архимандрит Гедеон (Покровский), прослуживший на этой должности до 1891 года, затем один год ректором был архимандрит Климент (Верниковский). В 1892 году ректором семинарии стал архимандрит Тихон (Беллавин)*, будущий патриарх, с которым у Романа сложились хорошие отношения; впоследствии патриарх, как опытный администратор, видя в нем ревностного церковного деятеля, поддержал его начинания.

* Священноисповедник Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925), патриарх Московский и всея России; память 25 марта / 7 апреля.

Холмская духовная семинария

В 1891 году население Холма охватила жестокая эпидемия гриппа, унесшая с собой немало жизней. Гриппом заболел и Иван Осипович. Средств сколько-нибудь эффективных для борьбы с этой болезнью не было, она быстро перешла в воспаление легких, которое закончилось смертельным исходом. В час ночи 22 октября 1891 года Иван Осипович скончался, ему было тогда сорок семь лет. Узнав об этом скорбном событии, на следующий день в квартиру, где жила с детьми Мария Матвеевна, пришли учитель Холмской духовной семинарии Гавриил Хрущевич и эконо-ном семинарии диакон Симеон Сошинский, исполнившие печальную обязанность — засвидетельствовать смерть своего сослуживца и собрата. Роману исполнилось в это время семнадцать лет.

Окончив в 1894 году Холмскую семинарию по первому разряду, Роман поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Во время обучения в академии он стал активным участником Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, которое с 1892 года и в течение многих

лет возглавлял протоиерей Философ Орнатский*. Одной из сторон деятельности Общества была организация студенческой проповеди в различных аудиториях. В 1887 году Троицкая церковь в Галерной гавани на Васильевском острове, две частные квартиры на Песках в густо населенной части города рядом с Александро-Невской лаврой, квартира в доме Федоровой на Обводном канале и приют на Сенной площади стали первыми местами проповеди, в которой принимали участие тогда всего несколько студентов. Через десять лет, в 1897 году, таких мест, где проповедовали уже 56 студентов академии,

*Мария Матвеевна с детьми.
Слева направо стоят: Яков, Ольга, Александра, Роман;
сидят: Мстислав и Михаил*

* Священномученик Философ Николаевич Орнатский (1860–1918); память 31 мая / 13 июня.

стало семнадцать — в храмах, в столовых и школах, при фабриках и заводах. Вскоре эта проповедь стала раздаваться в тридцати четырех местах. Первоначально проповедь студентов охватывала небольшое число слушателей и состояла из чтения поучений, но уже через десять лет она охватила десятки тысяч человек и уже ничем не отличалась от проповеднической деятельности пастырей Церкви. Студенты не только вели духовно-нравственные беседы, но и организовывали общества трезвости, духовные библиотеки, церковно-народные хоры, становились добрыми личными советчиками своих слушателей в вопросах семейной и церковно-общественной жизни.

«Студенческая проповедь в обширной столице, при недостатке и в православных храмах и в духовенстве, — писал протоиерей Философ Орнатский, — является чрезвычайно важным и дорогим подспорьем пастырской деятельности: без нее проповедь православия не могла бы раздаваться так широко, как при ее помощи. И ревностный пастырь, если он один при фабричной или заводской церкви, иногда не в состоянии бывает вести проповедь еженедельно, отдаваясь ей всеми силами души; равно и приходские священники, даже если их несколько, при многосложности обязанностей, лежащих на приходском духовенстве, не могут открыть проповедь в нескольких разных пунктах своего прихода, а это часто является необходимым по искренним и дорогим побуждениям самих прихожан. Они желают собираться и слушать поучения по будням не в храме, а в частных домах, иногда нанимая для этого на свой счет квартиры, — не по холодности к храму, нет! А, напротив, по великому уважению к нему: в частную квартиру на беседу они могут пойти прямо с фабрики или после работы, в будничном костюме, тогда как в храм они стесняются пойти в таком виде.

Санкт-Петербургская духовная академия

Так возникает много мест для проповеди, которая может иметь успех, если она непрерывно раздается в известные назначенные для нее дни и часы, а это возможно по местам устроить только при помощи господ студентов-проповедников. Так студенческая проповедь должна быть дорога всему столичному духовенству, которое в лице студентов имеет своих энергичных помощников, заместителей и продолжателей святого дела учительства церковно-народного»⁵.

Роман Иванович выступал с проповедями и участвовал в миссионерских беседах как в зале самого Общества, так и в тех духовных и миссионерских центрах, которые тогда во множестве возникали при учреждениях и фабриках Санкт-Петербурга. 10 октября 1895 года состоялось открытие духовных бесед при Петровско-Спасской мануфактуре в селе Смоленском за Невской заставой, где привлеченные к миссионерскому делу студенты академии и священники безвозмездно стали вести беседы два

раза в неделю. Первую беседу здесь провел Роман Иванович, сделав в ней основной акцент на том, что «истинное счастье человека заключается не в богатстве и не в чувственных грешных удовольствиях, а в живом союзе с Богом, в повиновении Церкви Христовой и в мире со своей собственной совестью»⁶. Беседа закончилась глубоким вечером и произвела огромное впечатление на слушателей.

Роман Иванович хорошо знал проповедников Западной Руси, в значительной степени находившихся под влиянием образованных и высоко квалифицированных католических проповедников, которые не только в совершенстве владели ораторским искусством, но хорошо изучили психологию своей аудитории и потому знали, что делать, чтобы слушатели, когда проповедник сочтет это нужным, или плакали, или приходили в восторг. Проповедник Западной Руси, как хороший актер на сцене, способен был держать

Петровско-Спасская мануфактура

аудиторию в напряжении продолжительное время, а если он был при этом и талантлив, то его выступления непременно сопровождались овациями, и человеческая слава ему была обеспечена. Одно только оставалось неясным — уходя из аудитории, будет ли он сам следовать тому, к чему призывал своих слушателей, или для него это была всего лишь работа, после которой последует отдых, а затем — снова работа и снова отдых. Совсем иное отношение к слову проповедника Роман Иванович встретил в центральной России, где религиозная деятельность сопровождалась напряженным духовным трудом; на этом поприще равно трудились и проповедники, и слушатели, одинаково заинтересованные в своем духовном развитии.

12 декабря 1897 года Роман Иванович выступил на собрании членов Общества от лица всех студентов-проповедников. «Мы, студенты духовной академии, уже одним поступлением в это учебное заведение предпрещаем свою будущую деятельность, — сказал он. — Изберем ли мы пастырство, монашество или учительство, начиная с высшей школы и кончая низшей, — наше главное дело определяется как воспитание душ живых в вере Христовой. Вполне ли мы подготовимся к этому делу или совсем нет — всё равно, большинство из нас вступит на это поприще и так или иначе будет воздействовать на окружающую среду, только беда, если не в том духе, который будет соответствовать нашему званию. Четырьмя годами академического курса мы должны воспользоваться так, чтобы оказаться возможно более достойными нашего будущего звания. Проповедничество в этом отношении не стоит у нас поперек дороги. <...>

Вот первое впечатление, вынесенное мною от слышания беседы одного не из красноречивых, но ревностных студентов-проповедников. Это было более трех лет

тому назад, спустя месяца два после моего поступления в академию. Хотя я и знал о том, что студенты ведут беседы, но сам не решался взяться за это дело, потому что считал его не по силам для себя. Только однажды, случайно заинтересованный тем, что один из моих товарищей собирался на беседу, и я решил пойти познакомиться с этим делом. Меня провели на Кирилловскую улицу. По-видимому, я ничего особенного там не увидел — небольшую залу в образах, проповедника в стихаре, говорящего с возвышения о святых мощах, и слушателей низшего класса. Но нужно было взглянуть на лица и выражение глаз слушателей. Нужно было видеть, какая пламенная вера горела в них во время пения церковных песнопений, хотя пение было не особенно хорошее; нужно было видеть, как все они обращались в слух во время речи проповедника. Кажется, они ни одного звука не проронили из беседы. Признаться, мне доселе не приходилось видеть ничего подобного в отношении к проповедуемому слову, а я не могу сказать, чтобы слышал доселе немногих проповедников. Я видел на западе России, как проповедники вызывают своим словом и всеобщие слезы, и вздохи. Но там чувствовалась какая-то ложная аффективность, какое-то религиозное мление, а у проповедника — театральность. Здесь же я видел серьезное, вдумчивое внимание и очевидное понимание всего говоримого. Было видно, что сюда приходят на дело — учиться и молиться. Чувства у слушателей я видел не менее, чем на родине, но оно не проявлялось в таких странных порывах, где теряется сознание и ощущается что-то несчастное, неестественно-вымученное. Я сразу почуял здесь что-то новое, чего не видел на своей родине, на западе России; я увидел как будто другую народную душу, которая так непосредственно и так умно, смиренно говорила о себе. Я думаю, этот вечер дал мне больше, чем

Роман Медведь

несколько книг. Когда я возвращался домой, для меня уже не существовало вопроса, буду ли я проповедовать. Я полюбил своих слушателей с уважением, с почтением к ним. Постараться подготовиться к проповеди для меня стало значить всё равно, что не лишиться величайшего удовольствия и пользы находиться в общении с этим народом.

Пусть я вынес это впечатление по особенностям своего характера и своеобразным условиям предшествующей жизни, но я смело могу сказать, что и на большинство проповедников первое впечатление от слушателей имеет решающее значение. Мало ли добрых дел, но не на всякое мы откликаемся всей душой. А если здесь откликаемся, то, очевидно, потому, что это дело нам кажется *близким, родным**, оно нам вполне по душе. <...>

Близкое соприкосновение с народом меня удостоверяет в том, что в бессознательных глубинах народного духа действительно живет неложное христианство, как говорит один из наших философов. Наша обязанность способствовать тому, чтобы его православие стало просвещенным, сознательным. Но я могу давать только то, что есть у меня. И я, взявшись беседовать, таким образом, нравственно обязываюсь следить за собою. Мы должны

* Курсивы в цитируемых текстах здесь и далее сделаны протоиереем Романом.

быть очень и очень осторожны, чтобы не уничтожить чего-нибудь доброго в душах слушателей, чтобы не подменить истинное христианство чем-нибудь выдуманным. Мы должны быть чуткими к народной душе. Едва ли кто станет сомневаться в плодотворности таких мыслей для души проповедующего. <...>

С какой стороны вы ни посмотрите на дело — проповедник много может получить от соприкосновения с этой народной душой. Скажете ли вы, что будущему деятелю нужна искренняя, самоотверженная вера в свое дело, ему нужно единство духа, такое, какое было у мучеников, которые не задумывались идти на костры за Христа, потому что без Него для них жизнь была невозможна, — если такое единство нужно деятелю христианскому, если ему нужно воодушевление, любовь, то здесь, в соприкосновении с народом, не найдет ли он всего этого? <...>

Тем, которые требуют, чтобы будущие деятели были людьми знающими, просвещенными, мы скажем: внимательное проповедничество и общение с добрыми слушателями натолкнут их на то, что важнее всего знать теперь, что нужнее всего. И пусть никто не подумает, что мало придется изучать проповеднику, что на малое натолкнет его жизнь. Нет, на очень многое.

Если сначала ревностный проповедник находится более под влиянием слушателей, то потом он делается более воздействующим. Пусть кругом по его адресу раздаются благодарности от всех слушателей вместе и от отдельных лиц, — он знает, что сам по себе он ничего почти не сделал. Во-первых, сами слушатели нередко проявляют необычайную энергию и самодеятельность при желании основать, например, общества трезвости или при оказании кому-либо помощи. Если его внимательно слушают, то в этом более всего иногда он обязан той почти

богослужебной обстановке, в которой он беседует. Не себе, иногда вовсе не выполняющему того, о чем беседует и что проповедует иногда студент, — а Тому, Кто вложил в его слушателей эти порывы к добру, Кто дал веру в священство и посланных Его, Кто возбудил уважение к богослужению, *обязан проповедник*, что слово, которое он возвещал, исполнено силы иногда для его собственного самоукорения; *Ему он обязан* и теми благодарностями, которые так изобильно выпадают на долю проповедника.

Когда проповедник начинает сознавать всё это, его положение по отношению к народу вполне уясняется. Он видит, что может употребить все добрые чувства народа во зло, с тем чтобы господствовать над наследием Божиим, а не служить ему. Он видит, что своим положением и сравнительной сознательностью он может так воспользоваться, чтобы держать народ в духовной теме. Оглядываясь кругом, он видит, что бессознательно или сознательно многие и в Отечестве нашем вступают на этот путь. Но кто дошел до этого сознания (если он честен), то еще ярче перед ним должен выступить идеал *истинного пастырства* как действительного воспитания душ живых. Он тогда воочию убеждается во всей силе слов Христа Спасителя: *блюдите, да не презрите единого от малых сих*, он чувствует страшную ответственность за всякую душу. Если у него есть некоторое превосходство над слушателями, он сознает, что обязан сделать всё, чтобы уничтожить это превосходство, чтобы стать вполне братом слушателю, чтобы у них одним отцом был Отец Небесный, а одним учителем Христос. Задача пастыря — так воспитать душу, чтобы она сама могла стать пред Господом и вполне свободно и сознательно избрала добро.

А когда пробудившаяся народная душа сразу переменяет свою жизнь в некоторых отношениях, взор

проповедника и пастыря не должен ли быть устремлен на то, что должно быть дальше? Он вспомнит тогда о том, что христианство должно переродить все жизненные отношения по своему идеалу, слабым осуществлением которого была жизнь христиан первых веков, до которой нам далеко. А что здесь затронуты вопросы экономические, государственные, исторические, научные и всякие другие — это стоит вне всякого сомнения.

Здесь не могу еще умолчать о том, как, воспитывая проповедника, народный дух побуждает его и научает быть вполне искренним и не говорить того, что еще пока не пережито сердцем, — не говорить красивых слов.

Принимая во внимание всё сказанное, всякий из слушателей наших видит, что не нам только принимать благодарности, но и нам благодарить <...>. Благодарим прежде всего и после всего Того, Кто устрояет всё это для нашего взаимного благополучия...»⁷

В 1898 году Роман Иванович окончил Санкт-Петербургскую духовную академию по первому разряду со степенью кандидата богословия с правом на получение степени магистра богословия без устного испытания. Кандидатское сочинение им было написано на тему: «Приход, как основная форма церковной жизни»⁸. В соответствии со своими нравственными и религиозными пожеланиями он 1 сентября того же года был назначен регентом и проповедником при церкви святого Иоанна Предтечи на Выборгской стороне⁹.

Живя в Петербурге, Роман Иванович познакомился с протоиереем Иоанном Кронштадтским и, став его духовным сыном, ничего впоследствии не предпринимал без его благословения. Духовное окормление отца Иоанна оказало на него большое влияние, и, рукоположенный во священника, он центром своей деятельности сделал

Иоанно-Предтеченская церковь на Выборгской стороне

литургическое служение, и были периоды, когда он служил ежедневно.

12 августа 1899 года Роман Иванович был назначен помощником инспектора Литовской духовной семинарии¹⁰. Ректором семинарии был тогда архимандрит Палладий (Добронравов), инспектором — Иосиф Васильевич Щербицкий, а затем священник Евстафий Сергеевич Гроздов, надзирателем — Владимир Кузьмич Ходкин. Все были выходцами из Западных и Северо-Западных губерний Российской империи — Могилевской, Виленской, Ковенской и Люблинской¹¹.

В 1900 году в семинарии произошло событие, которое потрясло всех, — и не столько своим непосредственным содержанием, ибо нет ничего более обычного и привычного на земле, чем смерть, сколько своей внезапностью. В последних числах мая утонул ученик 5 класса Всеволод Парчевский. Это произошло столь стремительно, что

Слева направо: помощник инспектора Литовской духовной семинарии Роман Иванович Медведь, надзиратель семинарии Владимир Кузьмич Ходкин, инспектор семинарии священник Евстафий Гроздов

никто не успел оказать ему помощь, а затем прошло еще некоторое время, пока полицейские смогли отыскать его тело. После отпевания, совершенного в семинарской церкви, гроб был отнесен семинаристами на кладбище. И здесь, у открытой могилы, Роман Иванович сказал надгробное слово, в котором отразилось его стремление проникнуть в тайны жизни за гробом: «Еще несколько мгновений и сырая земля навсегда скроет от нас прах возлюбленного брата нашего, воспитанника Всеволода. В эту минуту тяжелой разлуки последнее слово должно принадлежать тебе, брат наш Всеволод!

Ты знаешь теперь больше нас. Ты знаешь тайну жизни и тайну смерти, и мы не ошибемся, когда скажем, что твоя откровенная душа хотела бы поделиться с нами твоим новым знанием. Увы! безмолвные уста закрылись навеки и не откроются никогда. Тщетно с напряженным вниманием мы будем прислушиваться к твоему праху. — Но твоя душа жива. Ее не видят телесные очи, не слышат земные уши. Но у людей веры есть видение веры, и у людей любви есть слух любви. Проникая в твою душу, это видение и этот слух слышат, что из-за пределов смерти ты обращаешься ко всем нам с тихой мольбой. Она есть плод новоузнанной тайны твоей и того тихого покоя, который должны были возбудить в тебе молитвы Святой Церкви.

Послушайте же, братья и сестры, эту последнюю мольбу Всеволода. Он надеется, что мы выслушаем его внимательно. Он видел, сколько любви проявили его товарищи в отыскании и в заботах о его бранных останках. Он ощущает и те добрые чувства, которыми одушевлены все мы здесь, у его могилы. Послушаем же, что скажет Всеволод. Вот его слова: „... Молитесь обо мне; это самый лучший ваш дар для меня. Вы обещали молиться всегда. Благодарю вас. Молитва — возношение человеческого

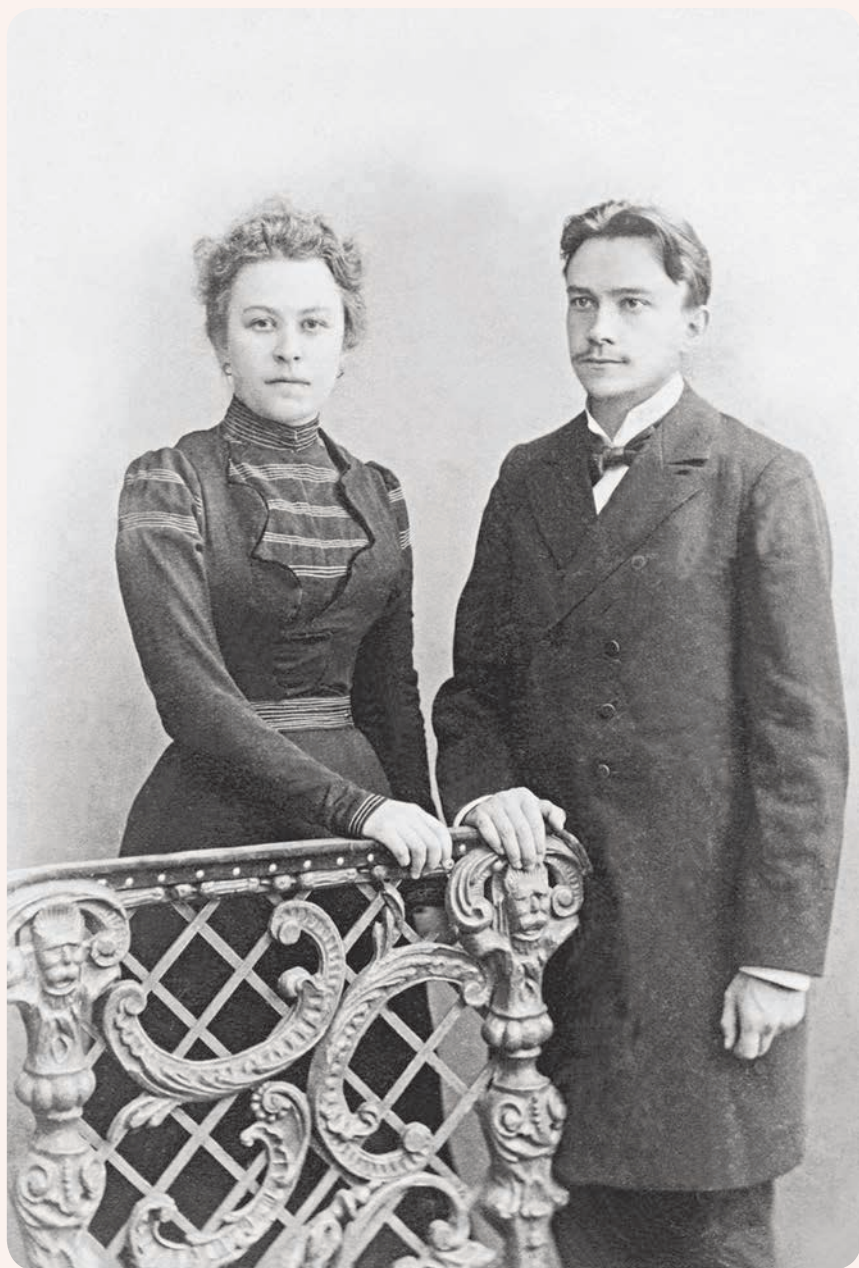

*Роман Иванович Медведь.
1900 год*

существа к Богу. Мне теперь ясно, откуда раздается и она, и сладостная вера. Я знаю, те из вас, души которых застилают тягостные сомнения, — не могут молиться. Но и вы можете мне дать драгоценный дар. Живите добром. Дорожите всякой искрой добра в себе и в других! Раздувайте ее в яркое пламя. Нежно обходитесь с этим благородным растением в себе и других. Живите добром. Не измените ему. Знайте, что все

ручейки добра нашей Богозданной природы текут в одно море Божией любви. Жизнь добром приведет вас к вере, любви и молитве. Не ослабевайте же, живите добром и надейтесь, трудитесь в добре. И моя радость будет совершенной, когда вы так вживетесь в небесную правду добра, что смерть не станет вам страшной. Большого я не могу желать, чем то, когда тяжелое смущение, трепет, вызванные моей неожиданной смертью, заменятся в вас той радостью, которую испытывали мученики первых веков перед смертью...»¹².

После окончания академии Роман Иванович был намерен отказаться от брака и всего себя посвятить служению Господу, но, увидев Анну Николаевну Невзорову, которая училась тогда на медицинских курсах в Санкт-Петербурге вместе с его сестрой Ольгой, он стал колебаться в своем решении, и ему подумалось: Господь показывает ему, что и в браке возможно святое, ревностное

*Роман Иванович с супругой Анной Николаевной.
1901 год*

служение Господу. И 19 октября 1900 года он сделал Анне Николаевне предложение. 9 декабря того же года Роман Иванович был уволен с должности помощника инспектора семинарии, согласно своему прошению¹³, и, готовясь к рукоположению в сан священника, уехал в Санкт-Петербург.

В Петербурге ему было предложено несколько священнических мест, и митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) обещал поддержать его выбор. Тогда же с особенной настойчивостью его стали звать на место священника в Крестовоздвиженское трудовое братство, находившееся в Глуховском уезде Черниговской губернии. В конце концов Роман Иванович склонился к служению в Крестовоздвиженском братстве и, остановившись на этом решении, как он говорил, все другие предложения стал воспринимать как помеху, соблазн, который, «чем более шумит и хочет кружить ... голову, тем опаснее».

Проблемы христианской общины

В 1901 году 7 января Роман Иванович обвенчался с Анной Николаевной Невзоровой, дочерью священника, служившего в церкви в Старорусском уезде Новгородской губернии. 22 января 1901 года епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) назначил Романа Ивановича на место священника в Крестовоздвиженскую церковь на хуторе Воздвиженске и 25 февраля рукоположил его во диакона, а 4 марта — во священника¹⁴.

Хутор Воздвиженск и храм располагались в имении помещика Николая Николаевича Неплюева, который был не только основателем, административным главой, но и духовным руководителем Крестовоздвиженского трудового братства. Приехав на место своего первого пастырского служения, отец Роман был в какой-то степени ошеломлен порядками, имевшимися в приходе. Если до своего приезда он обещал редакции «Миссионерского обозрения», что будет регулярно посылать в журнал свои статьи, описывая в них жизнь знаменитого Крестовоздвиженского братства, то теперь он понял, что еще долго не сможет выполнить своего обещания, потому что ему самому еще предстояло во всём разобраться. Только через год он смог

*Священник Роман Медведь, его супруга Анна Николаевна
(стоит), Николай Адамович Семеняко
и сестра отца Романа — Ольга*

писать о Братстве, не возводя напраслины, не преувеличивая и не преуменьшая его достоинств.

Изложив свои соображения относительно Братства письменно, в виде отчета о своей деятельности за минувший год епархиальному архиерею, епископу Черниговскому и Нежинскому Антонию, отец Роман сначала предполагал послать доклад по почте, но затем подумал, что к нему могут понадобиться и устные разъяснения, тем более необходимые, что в течение года он ничего не писал о проблемах в Братстве, и потому решил лично встретиться с епископом и, если будет нужно, ответить на все могущие быть недоумения.

Объяснения действительно потребовались; для епископа прежде всего было неясно, почему священник столь долго молчал. Отец Роман объяснил, что молчал потому, что не хотел ошибиться, высказать в столь важном вопросе что-то скоропалительное и, может быть, ошибочное, что не вполне бы соответствовало действительности. На уяснение неординарного — религиозного и социально-общественного — явления, внутри которого он оказался, потребовался год. Но теперь он мог вполне взвешенно высказать епископу Антонию взгляд на свое положение в Братстве как пастыря Православной Церкви. Епископу Антонию сказанное священником показалось столь существенным, что он пожелал, чтобы отец Роман лично сообщил об этом Святейшему Синоду.

Отец Роман отправился в Санкт-Петербург и 8 июля 1902 года представил свой доклад о положении дел в Братстве обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, также направил копии докладов митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому), которого он знал по его

деятельности епископом Люблинским, а затем Холмско-Варшавским, и некоторым другим.

Вопросы, которые поставила священнику жизнь во время его служения в Крестовоздвиженском братстве, оказались исключительно важными, так как Братство, состоя из людей православных, являлось в то же время замкнутой социально-экономической общиной, как бы небольшим государством со своими уже сложившимися правилами

*Священник Роман Медведь
у Крестовоздвиженской церкви*

и обычаями, так что предстояло решить, что пастырь считает принципиальным и существенным для себя, от чего ему ни в коем случае не следует отступаться, столкнувшись с уже установившимися в Братстве порядками. Служение в общине побудило отца Романа четче сформулировать для себя задачи пастырства. В дополнение к докладу он написал большую статью под названием: «Какими принципами я руководствуюсь в своей пастырской деятельности?»

В ней он, в частности, писал: «... молю Бога, чтобы и мое пастырство не было тщетным, но вполне бы соответствовало носимому мною сану православного иерея <...>, чтобы быть верным служителем Пресвятой Троицы. Я понимаю, что пастырство есть высшее служение для христианина на земле, и не дай Бог ни мне, ни всякому другому пастырю служение Богу променять на служение человеку, каковы бы ни были его личные достоинства и высокое земное положение. Высота пастырского служения несравнима. <...>

Способы пастырского руководства <...> не могут быть однообразными. Одно можно сказать с совершенной несомненностью. Везде громадное значение имеет исповедь как констатирование во всей действительной наготе настоящей действительности. *Исповедь* есть *лот*, которым определяется церковная глубина и отдельного христианина, и христианских обществ. Без неё невозможно определить настоящего уровня церковной жизни, сохранить правду церковную и нормальное развитие вперед. Исповедь является как бы почвой всего христианского делания, основное выражение любви пасомых к пастырю и пастырей к высшим руководителям христианской жизни. Равно и обратно: духовническое руководство — высшая форма любви к пасомым. Исповедь и нормальное ее положение вырастает в первостепенный вопрос для

Церкви и государства, потому что она есть истинное самопознание, без которого немислимо никакое христианское движение. А пастырское разрешение и вязание является самым интенсивным охранителем церковной целости, высоты и роста. Дело — необычайной важности и трудности для каждого пастыря. <...>

Пастырство есть основной узел к разрешению всех христианских проблем. Вопрос о пастырстве вырастает в первостепенный вопрос Церкви и христианского государства. И едва ли прозвучит неправдой, если мы скажем, что только должное решение его даст надежду, что наконец мгла, облегающая наше Отечество, рассеется, Церковь и христианское государство прочно станут на свои исторические устои...»¹⁵

Отец Роман не скрывал своего отношения к духовным проблемам Братства, как он их видел, не пытался выстроить «лояльных» отношений с братчиками в ущерб христианским принципам, но, наоборот, попытался публично указать на их недостатки, чтобы тем вернее найти путь к их исправлению. Священнику было не по душе, что самой формой устройства Братства и установками его руководителя у людей была отобрана свобода нравственного поступка, возможность относиться ко всякому человеку по-христиански, вне зависимости от того, является ли он или нет членом Братства. Не по душе было и то, что жизнь в Братстве устраивалась на условиях лидерства одного человека, председателя Братства, которому было выгодно держать остальных в некотором невежестве, не давая им права на свои собственные воззрения. Прискорбным было и то, что руководитель Братства не испытывал ревности относительно исполнения церковного устава, например поста. Но, не желая показать свою слабость перед подчиненными ему членами Братства, он оправдывал себя

казуистическими рассуждениями с ложными ссылками на Священное Писание, чтобы иметь возможность и самому не поститься, и подталкивать к тому же других. Свободное обращение с церковным уставом и ничем не оправданное отступление от него приводило к душевному и телесному расслаблению членов Братства.

В 1902 году отец Роман, в соответствии с уставом Крестовоздвиженского трудового братства, подал в общее собрание всех полноправных и приемных его членов заявление о религиозно-нравственной стороне жизни Братства. В нем он попытался ответить на кардинальные для Братства вопросы: «Сознательно ли православно Братство? Насколько Братство восприняло истины православия? Каково в Братстве братское общение? Каков в Братстве труд?»

Особенно поразило отца Романа нехристианское отношение к людям, не состоящим в Братстве. «В отношениях к „не братьям“, — писал он, — рекомендуется жесткость и бесчувственность через принципиальное отвержение необходимости для себя частной благотворительности. Это показывает, что „высшая систематическая благотворительность“ Братства — мертвая умственная выкладка для замаскирования своего эгоизма и скупости, а не составляет истинной потребности Братства на основе жалости к человеческому горю. <...> Отсекать от себя частную благотворительность — значит <...> отсекал от себя питающие соки живого чувства, значит застраховать себя от возможного сознания своих ошибок и мертвости своего дела через встречу с истинной человеческой бедой»¹⁶.

Отец Роман заметил руководителю Братства Н. Н. Неплюеву, что тот сознательно держит членов Братства в невежестве. «Усвоения православного учения почти нет, — писал он. — Первоначальное научение в начальной

школе и то же первоначальное научение в низших сельскохозяйственных школах при одном-двух уроках в неделю и только — этого времени для приобретения полноты учения Церкви крайне недостаточно. Так дело обстоит в школах. В Братстве еще хуже. <...> Учредитель Братства не желает большого умственного развития для членов Братства; он прямо боится его и считает излишним...»¹⁷

Эти общие установки Братства создавали тяжелые отношения между членами Братства и служившими здесь священниками — ни один из них не смог прослужить в Братстве в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Столкновения с жесткими порядками Братства подтолкнули отца Романа к тому, что он вынужден был определить четко для себя самого, каким он видит образ христианского пастыря, что считает идеалом и от каких христианских принципов считает невозможным отказаться. Его церковные представления о месте пастыря в приходе и принципы, которыми руководствовалось Братство, оказались в непримиримом противоречии.

Отец Роман писал по этому поводу в своем заявлении общему собранию Братства: «Братство доселе еще не стало на путь чистого, святого добывания хлеба. Этому мешают винокуренный завод [с наемными рабочими] и смешение помещичьего хозяйства с чисто братским*. <...> Настоящая экономическая организация Братства грозит обратить его в коллективного помещика, весьма тяжелого для окружи, поскольку всякая частная благотворительность

* Экономическую основу Братства составляла меньшая часть имения Воздвиженское (состоявшего из 16 935 десятин земли с лесами, постройками и заводами), переданная Братству на правах собственности. Большая же часть собственности оставалась за Н. Н. Неплюевым и членами его семьи (Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 2. Отдел неофиц. С. 47–48).

Винокуренный завод

является запрещенной по уставу. Получается самая жесткая форма капиталистического строя без всякого приращения не только христианских, но и просто человеческих чувств. Труд Братства потерял нравственно оздоравливающее значение, следовательно, по своему жизненному принципу Братство неуклонно стремится в самоуслаждение. Между прочим, это доказывается и отношением Братства к постам Церкви. Напрасно оно не решается до конца послушать ее — сделать у себя все ее посты обязательными. В уважении христианской свободы у Церкви только надо учиться.

По вопросу о постах у Братства существует грустный софизм. Не соблюдавший их истово блюститель странно переиначил слова Апостола о ядении мяса, говоря, что по нашему времени их надо бы понимать так: не буду поститься вовек, чтобы не соблазнить брата моего (соседнюю крестьянскую округу, твердо соблюдающую посты, но часто незнающую с основными истинами христианства, не считающую грехом преступление, но считающую грехом несоблюдение поста). <...>

*Граница полей Братства,
обозначенная крестом*

Итак, Братство принципиально закрывает себе дорогу, ведущую к самоотречению и смерти для мира и греха.

Могут ли после этого быть у Братства чистыми отношения к главному условию духовного развития — Церкви и ее служителям? Есть в Братстве ходячий принцип о предпочитающих торговать своим трудом и духовными силами, вместо того чтобы состоять членом трудового Брат-

ства. По этому принципу священник, получающий от Братства жалованье, есть лицо, продающее ему свой труд и духовные силы. Уж не покупает ли у него Братство и благодать таинств за платимое ему жалованье? Едва ли благоразумно ставить себя в такое странное положение в отношении таинств.

Исторические отношения Братства к православному священнику ненормальны. Братство постоянно разделяло в священнике нравственную личность и носимый им сан и через то открыло себе широкую дорогу для осуждения и попирания священства. Согласно этому разделению, всё в пастырском руководстве неприятное для овцы и стада может быть относимо к личности священника,

не имеющей никакого отношения к носимому им сану. Пастырь должен пасти овец, как того желают овцы. Если же согласно указаниям своей совести и долга пастырь станет призывать овец к покаянию в сладких для них грехах, овцы назовут это недостойным сана православного священника стремлением к духовному деспотизму и попранием прав мирян Православной Церкви на устроение жизни согласно их личным убеждениям.

Священство — не колдовство, таинства — не шаманские действия. Возможно, и бывают священники, сана недостойные, когда необходимо отделять личность от священства, так как Господь может действовать и через недостойное посредство. Но общая норма — не такова. Священство есть сила нравственно-мистическая. Огульное разделение между священным саном и личностью священника вносит разделение смерти в основную церковную жилу. Презирать священника как личность и получать от него Святые Тайны — не дело доброго мирянина.

Крестный ход

Добрый мирянин, если увидит болезнь в пастыре, отнесется к ней по образу Сима, а не несчастного его брата, будет болеть от мысли, как прикрыть отчую наготу, сам пойдет во священники и покажет его истинный нравственный образ. Если же Братство этого не сделало даже на одном примере, то пусть убоится предаваться осуждению священства. <...> В противном же случае пусть вспомнит об участии третьего сына Ноева»¹⁸.

Становилось всё более очевидным, что служить дальше при таком устройстве Братства отец Роман вряд ли сможет, и он принял решение просить церковное начальство перевести его на другой приход. Для себя он дал четкий ответ на вопрос, «почему священники долго не могут жить в Крестовоздвиженском трудовом братстве». «О своих предшественниках говорить не имею права, — написал он 16 октября 1902 года, — но о себе должен сказать, что основной причиной, побуждающей меня оставить Братство, есть моя нравственная немощь, которая помешала Братству принять мое пастырское руководство в той форме, в какой оно представлялось мне неизбежным сообразно с духовными немощами моей паствы. Оставаться же в иных отношениях к Братству, кроме пастырских, пребывая священником в Братстве, я не могу.

Осмеливаюсь думать, что, согласно уставу и практике Братства, доселе ни один священник не мог вступить в Братство в роли пастыря. Согласно уставу Братства все права священника как настоятеля приходского братского храма в существе являются номинальными.

В обычных православных приходах священник, являясь ответственным за свою паству перед Богом и Церковью, в своем пастырстве со стороны прихожан не ограничен никакими религиозно-нравственными учреждениями и санами.

В Братстве священник ограничен в своем пастырстве Думой и Блюстителем. Дума устанавливает внутренний уклад жизни Братства в религиозно-нравственном отношении. <...>

Дума с Блюстителем во главе, таким образом, в деле устройства религиозно-нравственной жизни являются лицом и учреждением, параллельным со священником. Священник, по существу, является ниже и Блюстителя и Думы. <...>

Дума имеет право избирать священника.

Ни по какому параграфу устава священник не влияет на избрание Блюстителя, членов Думы и даже рядовых членов Братства, если священник получает жалование.

Если же жалования священник не получает, он пользуется даже низшими правами, чем члены Думы, и уравнен с ними лишь в праве голоса.

И в том и в другом случае положение священника является унижительным, не соответствующим его исключительному и единственному положению общего для всего прихода пастыря. <...>

Положение священника, получающего жалование, ниже положения всякого члена Думы, и члены Братства не могут по уставу иначе трактовать священника. Несомненно, истинное нравственное достоинство может завоевывать священнику все принадлежащие ему права. Апостолы их завоевали и в языческих организациях. Но в обычных православных приходах священник является на традиционное — готовое. После того как он послан от епископа, ему выслуживаться перед паствой не приходится. Она принимает его со всеми его прерогативами, а не только с обязанностями.

В Братстве дело обстоит иначе. Даже после избрания священнику приходится свое положение завоевывать.

Дума Братства. В центре Н. Н. Неплюев

Братство предъявляет к нему требования полного удовлетворения тому идеалу священника, какой у него есть, и в своих требованиях опирается на всю свою организацию. Священник на положении испытуемого. Предъявлять к Братству требования в смысле полного удовлетворения его идеалу православной паствы — преждевременно. Прежде докажи нам, что ты на это имеешь нравственное право, и тогда мы признаем тебя свободно, хотя по видимому это сделано гораздо ранее в факте избрания. Священник на этом испытании, неожиданном, но едва ли уставном, не может иметь опоры ни в чем, кроме своего нравственного достоинства.

От подобного положения священника до признания, что он подчинен и юрисдикции Думы наряду с обычными членами Братства, всего один шаг. Священник совершенно очутился в положении овцы у своего пастыря — Думы. И по совести Дума Братства не может утверждать, что свою юрисдикцию она туда никогда не простирала.

У священника параллельно с архипастырской властью явилась другая. <...>

В действительности положение священника гораздо тяжелее, чем даже принимаемого в Братство на испытание.

Братство в отношениях к священнику имеет за собой десятилетнюю историю одного направления и образование соответствующих привычек. Все же бывшие священники Братства по своему опыту жизни в Братстве — одиночки, официально и реально вовсе не связанные в единство преемственного духовного опыта и пастырского руководства. Это делает Братство в отношениях ко всякому новому священнику слишком вооруженным, священник же является, напротив, в полной наготе незнакомства с практикой Братства.

Священника слишком часто трактовали как врага Братства, создалась грустная привычка и в этом отношении, и потому при значительной собранности Братства не может укрыться ни один действительный и даже мнимый промах священника. Обо всём будет оповещен центр именно так, как оповещать привыкли чувствительные нервы.

Если прибавить к этому свойственную и нервам и центру вследствие духовной юности способность за внешностью мелочей и проявлений не видеть основного духа, то положение, в которое попадает священник, будет обрисовано вполне точно. <...>

Настоящий духовный отец Братства есть его учредитель, в действительности и воспитавший всех членов Братства. Будь он и священник, не было бы ничего страшного. Но священник при Блюстителе должен стать духовным отцом Блюстителя со всеми его духовными детьми. А это, конечно, и в той и в другой части зависит от Блюстителя. Когда последний станет истинным духовным сыном

Священник Роман Медведь. 1901 год

священника, станут в нем и все, насколько они его дети. Тяжелая коллизия уничтожится.

Для пастыря подобный приход, как собранный во едино через Думу и Блюстителя, представлял бы явление весьма желательное. — Иначе это две воюющие стороны.
<...>

В подобном положении дела общая организация Братства остается почти без перемен. А это положение дела является тем более удобоисполнимым и для Братства не тягостным, что право избрания священника принадлежит Братству.

Впрочем, если практически трудно исполним, но теоретически вполне допустим и этот выход, чтобы священником Братства стал сам Блюститель»¹⁹.

Общение с членами Братства, граждански грамотными, но церковно невежественными, привело отца Романа к мысли о необходимости написания катехизиса в виде рассказов и диалогов, какие обычно бывают среди простых людей, когда они захотят поговорить о вере. И он написал книгу «Вечерние разговоры священника о вере», которая была издана в 1902 году в Санкт-Петербурге Александро-Невским обществом трезвости. Учебный комитет при Святейшем Синоде предложил направить ее «в фундаментальные и ученические библиотеки духовных училищ мужских и женских, в качестве пособия при преподавании и изучении Пространного катехизиса [митрополита Московского Филарета (Дроздова)]»²⁰.

В Церкви нет овец бессловесных

Вскоре отцу Роману представилась возможность перейти на иное место служения. Протоиерей церкви великомученика Георгия Победоносца при Главном штабе Григорий Словцов в соответствии со своим прошением был уволен за штат, а на его место 4 октября 1902 года был назначен священник храма равноапостольной Марии Магдалины при училище лекарских помощниц и фельдшерниц, что на 2-й Рождественской улице в Санкт-Петербурге, Павел Левашев²¹. Освободившаяся вакансия была предложена отцу Роману. 27 ноября 1902 года он был назначен настоятелем этого храма и законоучителем училища лекарских помощниц и фельдшерниц²². Храм от своего создания в 1875 году и до закрытия советской властью принадлежал военному ведомству, и его духовенство подчинялось протопресвитеру армии и флота, которым был в то время Александр Алексеевич Желобовский. При нем были заведены в церквях внебогослужебные собеседования для низших чинов, открыты в военных частях церковно-приходские школы, приведены в порядок воинские кладбища, при которых стали строить храмы, большое значение стало придаваться торжественности захоронения нижних чинов. В это время было сооружено более семидесяти полковых

*Храм равноапостольной Марии Магдалины
при училище лекарских помощниц и фельдшерниц*

храмов и существенно улучшено материальное положение военного духовенства — увеличены жалования и пенсии. Отец Александр Желобовский говорил о возглавляемом им ведомстве, что ведомство военного и морского духовенства — это наибольшая в России по своей территории и исключительная по своему положению епархия.

В 1901 году при храме Марии Магдалины было учреждено Братство Святого Креста. Председателем Братства в 1902 году стал священник Александро-Невской церкви при Николаевской академии Генерального штаба Георгий Шавельский, секретарем — священник Роман Медведь, почетным членом Братства — протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский.

21 февраля 1903 года Братство отпраздновало вторую годовщину своего основания. Литургию совершил молитвенно и благоговейно начальник Урмийской миссии

архимандрит Кирилл (Смирнов)* в сослужении причта. «Священнослужителю, обычно совершающему служение в единственном числе, воочию доказывалось превосходство соборного служения, где отдельные огоньки теплящихся молитвою сердец сливаются в общее пламя умиления, возношения и духовного торжества»²³, — писал отец Роман.

После того как в 1904 году священник Георгий Шавельский отбыл на русско-японскую войну, исполняющим должность председателя Братства Святого Креста стал священник Роман Медведь. Эту должность он занимал с 1903-го по 1908 год²⁴. Основной его деятельностью в Братстве стала религиозно-просветительская работа: устройство бесед с членами Братства и с больными, находившимися в Рождественском барачном лазарете, приобретение для больничной библиотеки книг, газет и журналов. Частично Братство брало на себя обязанности и по содержанию церковного хора. Те небольшие средства, которыми оно располагало, направлялись на благотворительность, в частности на устройство ёлок с подарками для детей из бедных семей. В больницу поступали в основном бедняки, иногда прямо с улицы; Братство оказывало материальную помощь им и их семьям, а также воспитанницам училища лекарских помощниц и фельдшериц. Члены Братства регулярно посещали больных и читали им религиозные книги, и часто между чтецами и больными после окончания чтения завязывались долгие дружеские беседы. Сами члены Братства также нуждались в религиозном просвещении, и с этой целью для них устраивались чтения докладов на различные темы с разбором их содержания.

* Священномученик Кирилл (в миру Константин Иларионович Смирнов; 1863–1937), митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

Отец Роман был одним из постоянных участников чтений. 17 февраля 1904 года он прочел доклад о деятельности русской женщины в войнах Крымской и 1877–1878 года, что было как нельзя кстати, учитывая то, что в это время началась война русско-японская.

В отчете о деятельности Братства Святого Креста при храме равноапостольной Марии Магдалины за 1903 год отец Роман напомнил, что всегдашней заботой Братства было поддержание благоустройства храма, и сообщил, что была отремонтирована лестница для прихожан, сооружены мраморный престол и жертвенник. «С утешением считаем возможным отметить, — писал отец Роман, — что дело церковного пения и в 1904 году, по примеру прошедшего, было поставлено удовлетворительно, и временами казалось, что даже делает шаги вперед»²⁵. Во всё время председательства отца Романа, придававшего большое значение просвещению, продолжали приобретаться журналы и книги для больничной библиотеки и устраиваться чтения.

Рождественский барачный лазарет

*Протопресвитер Александр
Желобовский*

В 1904 году Святейший Синод удовлетворил просьбу протопресвитера Александра Желобовского и утвердил «Устав похоронной кассы» для военного духовенства. Целью похоронной кассы стала поддержка единовременными выплатами тех семей, в которых умер священник. Взносы в кассу были распределены на три разряда, и в соответствии со взносами выплачивалось и пособие. Но бывало так,

что и тем семьям, где священник при жизни вносил недостаточную сумму или вносил ее нерегулярно, несмотря на это выплачивались не соответствующие таким взносам пособия. «Уповаю, что мои сослуживцы, всегда отзывчивые на доброе дело, сочувственно отнесутся и к этому учреждению», — сказал протопресвитер Александр Желобовский при начале этого совершенно нового дела. 4 февраля 1904 года был избран состав Правления; председателем был избран священник Роман Медведь, товарищем председателя — священник Преображенского всей гвардии собора Михаил Тихомиров, одним из членов ревизионной комиссии — священник церкви святых Захарии и Елисаветы Кавалергардского Ее Величества императрицы Марии Федоровны полка протоиерей Евгений Аквилонov. Отец Роман, участвовавший в братских собраниях военного духовенства и иногда ведший их краткую запись, которая затем публиковалась в «Вестнике военного духовенства», счел нужным записать фрагмент из речи

протопресвитера Александра Желобовского на состоявшемся 16 ноября 1904 года собрании, которая касалась деятельности похоронной кассы.

«...Вдовы и сироты в нашем военно-духовном ведомстве не забыты и пользуются, сравнительно с епархиальным духовенством, значительным пособием, — сказал отец Александр. — Пособие это могло бы выдаваться в еще большем размере, если бы обращено было подведомыми мне пастырями должное внимание на доходность от продажи церковных свечей. Дело это, к прискорбию, до сих пор не упорядочено, и главным образом по причине равнодушного отношения к нему настоятелей церквей и отцов благочинных. А дело-то святое — помощь вдовицам, сиротам и питомцам разных учебных заведений»²⁶.

28 марта 1905 года состоялось общее собрание членов похоронной кассы военного духовенства под председательством протопресвитера Александра Желобовского. Прошел год после основания этого учреждения взаимопомощи, и отец Александр с радостью засвидетельствовал успех его деятельности. «Были опасения за результаты нового начинания, — сказал он, — но, слава Богу, они оказались напрасными. За один год дело стало на прочную почву, в чем каждый интересующийся может убедиться из отчета Правления кассы»²⁷.

По уставу кассы Правление и ревизионная комиссия избирались только на один год. И на 1905 год нужно было избрать новый состав, но, согласно общему желанию, состав остался прежним и председателем Правления вновь был избран отец Роман Медведь. Председатель ревизионной комиссии поднял вопрос о затруднительности собираться ежемесячно, как того требовал устав. Отец Роман, абсолютно уверенный в безупречности своей и своих помощников работы, предложил делать ревизии тогда,

когда это сочтет нужным ревизионная комиссия. Но протопресвитер Александр отклонил это предложение, так как по его убеждению отношение ревизии к Правлению должно быть основано на принципе доверия, а внезапные ревизии, напротив, будут свидетельствовать о недоверии. А это доверие должно иметь и ожидать по праву, тем более что все работающие в кассе — священнослужители. «Уж если священникам не верить, тогда кому же верить?» — заключил он.

Было решено, в соответствии с определением Святейшего Синода, внести изменения в устав похоронной кассы после пяти лет ее существования. В заключение собрания протопресвитер Александр еще раз выразил радость по поводу успешной деятельности нового учреждения и предложил общему собранию ходатайствовать о поощрении отца Романа очередной наградой, с чем все выразили свое полное согласие.

Следующее собрание военного духовенства состоялось 31 мая 1905 года и почти полностью было посвящено событиям, связанным с русско-японской войной. Некоторыми высокопоставленными военными перед духовенством был поставлен вопрос, почему на панихидах об упокоении умерших воинов молятся только о православных воинах и исключают лютеран и католиков. Протопресвитер Александр предложил обсудить, нельзя ли опустить слово «православных» и молиться вообще — «об упокоении душ усопших рабов Божиих, воинов-христиан, за веру, царя и Отечество на поле брани живот свой положивших»? Он поручил заняться этим вопросом докторам богословия — протоиереям Евгению Аквилонovu и Сергию Соллертинскому. Отец Александр привел случай, связанный со смертью генерал-адъютанта графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, принадлежавшего

к армяно-григорианской церкви, скончавшегося в Ницце во Франции и похороненного в Тифлисе. Уже была назначена панихида, на которую собралось до двух тысяч солдат, но священник отказался ее служить, и солдаты разошлись с недоумением и огорчением.

Протоиерей Евгений Аквилонov на предложение обсудить этот вопрос высказался однозначно — установленная молитва о православных воинах есть принцип нашей Церкви, а принцип не справляется с тем, какое он производит действие — приятное или неприятное на иноверцев — лютеран и католиков. Протоиерей Сергей Соллертинский предложил направить вопрос о молитве за инославных воинов на рассмотрение Святейшего Синода. Но настоятель Сергиевского всей артиллерии собора протоиерей Иоанн Философов возразил, сказав, что инославные солдаты и иноверцы имеют свое духовенство, которое и может совершать молитвы по умершим воинам согласно со своими обрядами. А кроме того, лютеране и не придают значения молитвам об усопших.

Посреди скорбных рассказов о событиях русско-японской войны весьма отрадным и утешительным стало сообщение отца Романа о благотворительной деятельности по отношению к семьям почивших священнослужителей. Никто из родственников почивших не остался не утешенным или обиженным.

*Протоиерей
Евгений Аквилонov*

*Священник Роман Медведь.
Санкт-Петербург. 1905 год*

Во время служения отца Романа в храме равноапостольной Марии Магдалины образовалась многочисленная община, и при ней было организовано общество трезвенников.

События 1905–1906 годов: революция с ожесточенными боями на улицах города и многочисленными жертвами, учреждение совершенно нового для политической жизни в России парламента, принятие Конституции, ограничивающей верховную власть

царя, обновление общественной жизни, образование братств и новых политических партий — застали отца Романа в Санкт-Петербурге. Стали публиковаться программы и предложения, как перестроить жизнь в России. Даже религиозные общины стали объединяться, чтобы представлять собой единую силу. Часть единоверцев решили организовать во Всероссийское братство православных старообрядцев-единоверцев, а православные — в Православное братство для объединения всех приходов в России под началом одного из членов Союза русских людей князя Александра Григорьевича Щербатова. Как человек не равнодушный к историческим судьбам отечественной Церкви и Отечества отец Роман внимательно всматривался в эти динамичные перемены. Он не без оснований заподозрил, что единоверцы под руководством священника Симеона Шлеева собираются в самостоятельную организацию

вовсе не для блага Церкви и Родины, а для отделения себя и от Церкви, и от Родины в поисках собственных выгод; а православные приходы объединяют под возглавием одного из весьма уважаемых членов национальной партии для использования их в узких политических целях. Для всех было очевидно — пришла беда, и общество и политическая система, в значительной степени повинные в приходе этой беды, находятся в состоянии смертельной болезни, расслабившей и государственный, и общественный, и церковный организмы. В воображении общественных деятелей невольно возникали образы Смутного времени и тогдашних спасителей Отечества — гражданина Минина и князя Пожарского.

«В наше время положение спасителей Отечества гораздо труднее, чем положение Минина и князя Пожарского в Смутное время, — писал отец Роман. — Тогда у всего русского народа был один церковно-государственный идеал, и достаточно было воззвания к совести русского народа, чтобы все концы земли нашей откликнулись на горячий патриотический и церковный призыв.

В настоящее время дело обстоит совершенно иначе. Идея связи Церкви с государством в той форме, в какой она сказала за два последние столетия нашей истории, совершенно дискредитирована, помрачен и самый церковный идеал. О той или иной связи Церкви с государством говорить преждевременно — сначала нужно утвердить и в теории и на практике идеал чистой церковности как известного нравственного института, который представляет собой нечто вожденное для всякого любящего правду независимо от какого-либо другого политического и социального строя»²⁸.

Недоумение вызвало у отца Романа и то, что запланированное Братство единоверцев собралось далеко

не сразу, как бы сомневаясь, стоит ли подражать мытарю Левию, который, услышав призыв Христа, сразу же последовал за Ним. Или, может быть, им нужна была особая санкция человеческого начальства, чтобы последовать за Христом, или они, плохо думая о церковной власти, подозревали ее в том, что она может стать в противление Христу? Или сами учредители нового Братства по совести не могли сказать, что Спаситель уполномочил их на эти действия? И в этом случае «понятна задержка с учреждением Братства не только на несколько месяцев, но и на целую вечность», — написал отец Роман.

Россия в 1905–1906 годах находилась в бедственном состоянии, и перед политическими и религиозными деятелями невольно вставал вопрос о причинах этого бедственного положения и путях выхода из него. Предстояло прежде всего понять причины происходящего. Бóльшая часть образованного общества видела причину бедствий в политической и экономической областях, соответственно в этих областях и предлагала рецепты реформ, несправедливо, по мнению отца Романа, игнорируя нравственную и религиозную сторону вопроса. С некоторой долей справедливости политики видели причины бедствий в несправии русского народа и в абсолютистском характере Российского государства, с большой долей враждебности относящегося к народному просвещению, а следовательно, и к формированию народного самосознания. Соответственно с этим предлагались политические и экономические реформы, в которых, увы, полностью игнорировалась нравственная и религиозная сторона дела.

В отличие от политиков и экономистов отец Роман видел главную причину бедствий в нравственном состоянии русского народа. Свидетельство тяжелого нравственного положения в стране он видел в том насилии, которым

сопровождалась жизнь людей и которое стало едва ли не привычным состоянием общественной жизни. Исходя из этого, он пришел к выводу, что причину всех бедствий следует искать в самих себе. И это тем более справедливо, что созидателями несчастного строя жизни являются сами православные русские люди, поскольку православие еще оставалось верой большинства русского народа.

«Но кто же такие мы сами? — спрашивал отец Роман. — Я член своей семьи, член своего прихода, член своей епархии, член Российской Православной Церкви, член Церкви Вселенской. Сообразно с этим на мне, кроме моих личных, лежат еще и обязанности соответственно возвышающихся организаций. На мне лежит ответственность не только за характер моей личной жизни, но и за характер жизни моей семьи, моего прихода и так далее до Церкви Вселенской включительно.

Исключительно личного „я“ в Церкви нет, так как оно переходит в „я“ всё высшего порядка, оканчиваясь Церковью Вселенскою как одним живым организмом, одним лицом, имеющим название Невесты Христовой.

Каждый христианин получает право говорить не только о своей вине, но и о винах общецерковных, так как границы между тою и другою виновностью точно провести невозможно. <...>

Но, прежде чем продолжать свое исследование, мы считаем необходимым ответить на следующее недоумение: имеем ли мы право искать вин у матери нашей Святой Православной Церкви, непогрешимой носительницы истины Христовой?

Если бы, говоря о вине Церкви, я бы имел в виду подвергнуть ее публичному позору, то, конечно, мой поступок напоминал бы известное всем деяние второго сына Ноева; но если эта речь имеет в виду отыскание средств для

общего освобождения от вин, то, очевидно, это дело носит глубоко нравственный характер, потому что, несомненно, на нашей обязанности лежит каяться в своих винах и к тому же побуждать других.

Что касается святости нашей Церкви Матери, то относительно неё возможны два суждения.

Если эта святость такова, какою была Божественная святость Христа, то она всемерно должна побудить Церковь принять на себя вины других, как Спаситель понес на себе грехи мира.

Если же святость Поместной Русской Церкви гораздо низшего порядка, т. е. есть святость относительная, то, очевидно, Церкви повинить себя в своих собственных винах глубоко необходимо, как необходимо и всем вообще приносить покаяние в своих прегрешениях.

Что касается непогрешимости Церкви, то обычно относят это свойство только к Церкви Вселенской, а так как нам предстоит речь о Церкви Российской, то и с этой стороны поле для нашего исследования остается свободным.

В Православной Церкви в деле церковного устройства на первый план выступает епископское служение, за ним следует пресвитерство с прочими членами клира и, наконец, народ. Сообразно с этим распределяется и церковная ответственность: большая на епископах, меньшая на священниках, еще меньшая на народе.

Но, так как в Церкви нет овец бессловесных, а все овцы — словесны, ответственность народа может бесконечно возрастать в те моменты, когда епископство и пресвитерство оказывается не на высоте своего служения. В Церкви нет и не может быть такого закона, который заставлял бы народ слушать епископов и пресвитеров более Христа Спасителя, слепо им подчиняться независимо от того, оправдывают ли они свое служение смиренных

преемников Христовых или нет. Носителем Христовой жизни является решительно всякий духовно рожденный, поэтому и на страже интересов Христовых в Церкви обязан стоять всякий, тем более в трудные минуты, когда многие епископы и пресвитеры оказываются ниже своего положения.

Да и помимо того, ни епископство, ни пресвитерство не могут ставить Духу Святому препятствий воздвигать из среды народа таких духоносцев, которые своею высотой превосходили бы всех епископов и пресвитеров, взятых вместе. С этой стороны все положения и все служения в Церкви являются уравненными, и от личных подвигов каждого зависит привлечь к себе и большее освящение.

Поэтому, нисколько не отрицая относительной ответственности в Церкви епископства и пресвитерства, нельзя забывать о нравственной ответственности за всю Церковь решительно каждого ее члена, причем виновность первых не только не освобождает от вины последних, но, наоборот, требует с их стороны повышенной ревности о славе Церкви»²⁹.

Анализируя нравственное и религиозное состояние российского общества, состояние Поместной Российской Церкви, которая, как любая Поместная Церковь, не является носителем всей полноты истины Христовой, ибо Невеста Христова — это только Вселенская Церковь, а каждая из Поместных Церквей, живя в том или ином обществе, страдает немощами и болезнями этого общества и в иных случаях далеко не является носителем высоких идеалов Христовых, — отец Роман попытался увидеть причины современных ему церковных и общественных болезней. Его выводы звучали как приговор. «Церковь, — писал он, — в отличие от личности как явления в земной жизни преходящего, есть существо высшего порядка,

проходящего через лица и поколения, но ими не исчерпываемая. Хотя в данный определенный момент судьбы Церкви часто являются сосредоточенными в лице даже одного, стоящего во главе ее управления епископа, но этот епископ отойдет, а Церковь останется. Отношение Церкви к деятельности первого по власти епископа может быть разное. Церковь может ее усвоить, но может и не усвоить, и сообразно с этим характер нравственности этого епископа на Церковь переходит или остается принадлежностью этого епископа. Если Церковь усваивает добродетель данного лица, общая нравственная атмосфера церковной жизни повышается; если усваивается порок, эта атмосфера понижается.

Представим себе следующее положение. Порок церковных правителей одного поколения Церковью Поместной был усвоен; последующие поколения от этого порока не только не освободились, но, усвоив его, прибавили к нему еще нечто и от своих немощей. Если практика церковного управления в этом духе продолжится в течение целого ряда поколений, то, очевидно, жизнь церковная придет в крайнее расстройство, потому что эти закоренелые грехи распространяют во всей Поместной Церкви такую мертвящую атмосферу, в которой истинному христианину нельзя будет ни жить, ни дышать.

К глубокому сожалению, приходится сознаться, что в таком именно положении находится наша Поместная Российская Церковь. Старые исторические грехи тяжелым гнетом лежат на ее совести и довели современную церковную жизнь до совершенно расслабленного, полупарализованного состояния»³⁰.

Учитывая справедливость поставленного отцом Романом диагноза и то, что последствия болезни, которая охватила церковную жизнь, могут явиться крайне

тяжелыми, так как нравственное состояние церковного общества со временем только ухудшалось, можно представить, сколько требовалось внутреннего напряжения и усилий, чтобы нравственно не погибнуть в то время. Только для мучеников был открыт свободный и прямой путь на пажити Христовы, в Царство Небесное.

16 ноября 1907 года состоялось очередное собрание священно-церковнослужителей военного и морского духовенства, на котором первым выступил протопресвитер Александр Желобовский, сообщив о чрезвычайной важности, по его мнению, событии — увеличении вдвое жалования священнослужителей, прослуживших двадцать лет. «Обеспеченность для каждого и особенно для семейного человека имеет великое значение, и моральное, и служебное, — сказал он. — Я разумею не роскошь, не корыстолюбие, а относительное довольство. При отсутствии горькой нужды спокойствие душевное дает возможность работать и усердно и полезно»³¹.

Он напомнил, что военное духовенство этим почти целиком обязано настоятелю Санкт-Петербургского святителя Спиридона Тримифунтского Адмиралтейского собора протоиерею Алексию Ставровскому*, потратившему много сил и времени, чтобы это решение наконец состоялось. Отец Александр сообщил, что было увеличено жалование и псаломщикам. «Я глубоко сочувствую обеспечению меньших сослуживцев, — сказал он. — Как сын псаломщика, я знал всю тяготу церковной службы и материальную наших церковнослужителей и в течение двадцати лет заведования военным духовенством хлопотал об улучшении их быта и сердечно рад за них»³².

* Священномученик Алексей Андреевич Ставровский (1834–1918); память 1/14 октября.

Немалый успех имела и деятельность отца Романа Медведя по благотворению семьям священнослужителей, потерявшим своего кормильца. «Его Высокопреподобие, отец председатель настоящего собрания, изволил высказать свою радость по поводу успешного развития дел кассы, — сказал отец Роман. — Мы принимаем с глубокой благодарностью этот лестный отзыв, но считаем своим долгом не скрывать перед общим собранием и тех отрицательных сторон, которые в деятельности кассы существуют»³³.

Об отрицательных сторонах деятельности кассы помощи семьям почивших священнослужителей сделал доклад протоиерей Георгий Шавельский. До этого такой же критике деятельность кассы помощи подверг протоиерей Евгений Аквилонov. Суть состояла в том, что в параграфе устава этого учреждения было записано, что всякий член кассы, не сделавший ни одного взноса в течение трех месяцев со дня кончины последнего почившего священнослужителя, должен быть исключен, и соответственно его семья не могла уже получить пособие. Однако на практике это не соблюдалось. «Правление за все три года ни разу не прибегало к этой мере, — сказал отец Роман. — Почему? В первый год существования кассы, пока военное духовенство еще не привыкло к новому учреждению и судьба кассы могла внушать опасения, требовалась особая осмотрительность и возможная мягкость к членам кассы, чтобы слишком жесткое отношение к членам кассы не оттолкнуло военное духовенство от молодого учреждения. Затем началась война с Японией. По случаю военных действий для многих членов кассы, находившихся на театре военных действий, сношения с кассой стали затруднительными...»³⁴

Правление в соответствии с пожеланием протопресвитера Александра Желобовского пошло еще дальше — до последней возможности оно не лишало

материального пособия семьи почивших священнослужителей, даже в том случае, если сами почившие были не исправными должниками. Все члены кассы изначально записывали себя в тот или иной разряд, который зависел от суммы, внесенной в первый раз, а также суммы последующих взносов. Но бывало так, что внесший большой взнос вначале затем переставал платить, а внесший вначале меньший продолжал вносить и далее, а после их кончины семья почившего, который почти ничего не платил, получала значительно больше, чем семья того, кто платил регулярно. В результате третьеразрядные аккуратные плательщики внесли на дело общей благотворительности в четыре раза больше, чем перворазрядные. Бывали случаи, когда уже взрослый сын покойного священнослужителя начинал настоятельно требовать выплаты всего пособия, хотя его отец числился должником. В этих случаях отец Роман всегда склонялся в сторону благотворительности и милосердия, и пособие выплачивали полностью, хотя многие из почивших были недоимщиками и совокупный их долг вырастал до немалой по тем временам суммы — трех тысяч рублей.

Отец Роман обратил внимание собравшихся и на то, что «отцу казначею и отцу делопроизводителю приходится работать по кассе очень много, и три года оба они трудятся безмездно. Я находил бы справедливым, — сказал он, — положить им жалование по меньшей мере по 300 рублей в год и начать выдачу его с настоящего же ноября месяца.

При условии оплаты труда своих основных работников Правление получает возможность свободнее располагать их трудом для пользы кассы. Жалование переводит нас из сферы благотворения в область деловых обязательств, а в этой последней часто можно ввести через затрату труда такое улучшение, над которым при

*Церковь святителя Николая
в городе Томашове*

благотворительной постановке дела приходится задуматься, потому что улучшение вводится за чужой счет.

Хотя касса и страдает еще неизлеченным недугом недоимочности, но выгоды кассы несомненны. Мы начинали дело с одной тысячи, а теперь их у нас почти двадцать одна; каждый год дает по несколько тысяч. Поэтому новые расходы в несколько сотен касса понесет совершенно свободно»³⁵.

Затем отец Роман прочитал заявление священника Антония Мшанецкого, который предлагал ввести в устав новый параграф, позволявший тратить уже имеющиеся средства на постройку и ремонт церквей. Но это предложение категорически было отвергнуто, так как не соответствовало благотворительным целям учреждения, направленным на помощь семьям священнослужителей.

На собрании состоялись выборы членов Правления и ревизионной комиссии на следующий год. Председателем Правления был вновь избран отец Роман, председателем ревизионной комиссии — протоиерей Евгений Аквилонov, а одним из членов ревизионной комиссии протоиерей Георгий Шавельский. В конце собрания протопресвитер Александр тепло поблагодарил отца Романа

и его сотрудников за их труды, принесшие в столь краткий срок обильные плоды.

Став священником, отец Роман всего себя посвятил приходской деятельности, и этот напряженный труд через несколько лет сказался на его здоровье: он заболел туберкулезом, туберкулезом заболела и его супруга, и дальнейшее их пребывание в климате Санкт-Петербурга врачи сочли нежелательным.

3 октября 1908 года архиепископ Варшавский Николай (Зиоров) назначил отца Романа настоятелем Николаевской церкви в городе Томашове Петроковской губернии и законоучителем местного Александровского 4-х классного училища. На очередном собрании военного и морского духовенства, состоявшемся 17 ноября 1908 года, протопресвитер Александр Желобовский сообщил, что священник Роман Медведь по слабости здоровья переходит на службу в епархию на родине. Он поблагодарил отца Романа за добросовестность, усердие и рачительность, с которыми тот вел дела благотворительности. «За четыре года своего существования, — сказал отец Александр, — касса имеет уже капитала до 25 тысяч рублей, и за эти же годы выдала пособий 16 тысяч рублей. Мне и в голову не приходило, чтобы это дело дало такой блестящий результат»³⁶.

Богом дарованную свободу мы вправе употреблять лишь на служение Ему — Богу правды

После кончины протопресвитера армии и флота Александра Желобовского на эту должность 7 мая 1910 года был назначен протоиерей Евгений Аквилонov, придерживавшийся во многом взглядов своего предшественника. Будучи сам ученым богословом, он был ценителем высшего богословского образования и старался привлекать на службу в ведомство военного духовенства священников с академическим образованием. Через неделю после своего назначения протоиерей Евгений исхлопотал возвращение отца Романа в военное ведомство и 14 мая 1910 года назначил его настоятелем построенного в 1857 году обширного Адмиралтейского собора в Севастополе³⁷, вмещавшего до восьмисот человек, освященного в честь святителя Николая Чудотворца. К собору были приписаны храм святого равноапостольного князя Владимира и церковь Черноморского флотского экипажа во имя святого Ростислава, вмещавшая до тысячи человек, построенная для матросов, которые жили на берегу, и для обучавшихся новобранцев³⁸.

Адмиралтейский собор святителя Николая в Севастополе

Причт собора размещался в расположенном рядом с собором каменном двухэтажном доме. 20 июня 1910 года отец Роман был возведен в сан протоиерея³⁹ и назначен благочинным над Севастопольскими недвижимыми военноморскими храмами Черноморского флота.

Еще в 1905 году командование Черноморским флотом было обеспокоено религиозным и нравственным состоянием моряков. Командование видело главным средством воспитания команд их духовно-нравственное развитие, проведение бесед для противодействия влиянию сектантов и антиправительственных агитаторов. Однако при массе живущих в Севастополе моряков их религиозные пожелания удовлетворить было почти невозможно. Имеющийся в Севастополе небольшой штат морского духовенства при существовавших трех храмах морского ведомства едва мог удовлетворить религиозные потребности офицеров и их семей. Сами храмы могли вместить лишь небольшую часть моряков, на судах находилось всего два священника,

и потому бóльшая часть моряков не только была лишена духовного руководства, но и лишена возможности посещать богослужения. По этой причине командование Черноморского флота просило штаб флота увеличить число штатных священнослужителей, добавив к двум имеющимся восемь священников, по числу флотских экипажей. Или хотя бы даже трех — на два экипажа по одному священнику. Командование просило назначить священников «достаточно подготовленных, обладающих даром слова и могущих относиться к делу не с официальной лишь стороны, а вложить в него все свои силы и способности»⁴⁰.

Назначение отца Романа благочинным явилось благоприятным для созидательной деятельности флотского духовенства. В конце 1910-го и в начале 1911 года был проведен ряд собраний берегового духовенства и офицеров Черноморского флота под председательством командующего флотом вице-адмирала Ивана Федоровича Бострема. На этих собраниях духовенство дружно свидетельствовало о низком религиозно-нравственном уровне моряков, причем именно тех, кто уже служил некоторое время во флоте. Нравственное состояние новобранцев, по мнению духовенства, было вполне удовлетворительно. Отец Роман сообщил, что доля новобранцев, не пораженная добрачным сожителем и развратом, была от 60 % до 90 %, зато старослужащие были задеты различными формами разврата от 90 % до 99 %. Причины этого он видел, в частности, в неблагоприятных условиях служения духовенства на флоте. Например, литургии на кораблях совершались только в двенадцатые праздники, и для ведения бесед с нижними чинами священникам флотским начальством времени не предоставлялось. Только во второй половине 1911 года в связи с широким распространением сектантства и по инициативе вице-адмирала Бострема духовенству

было разрешено собраться на совещание, которое привело наконец к практическим результатам: «Стали более точно соблюдаться статьи морского устава относительно богослужений, то есть чаще стали совершаться обедни и всенощные бдения; священнику было предоставлено два часа в неделю для бесед с командой; было назначено по одной копейке с человека для приобретения и бесплатной раздачи командам брошюр и листов религиозно-нравственного содержания...»⁴¹

После назначения командующим Черноморским флотом вице-адмирала Андрея Августовича Эбергарда к этим положениям добавились новые: «Благочинные, сначала судовой, а потом флагманский, получили права непосредственных докладов командующему флотом; те суда, где не было священников, были распределены между наличным составом духовенства; не осталось ни одной части флота, которая не была бы поручена духовному наблюдению того или другого священника; священники стали вести беседы не только на тех судах, на которых числились, но и судах, им приписанных; было вменено в обязанность командам судов, не имеющих своих священников, посещать богослужения в береговых морских храмах, и главным образом во Владимирском соборе»⁴². Морякам наконец была дана возможность соблюдать пост и подготовиться к исповеди и принятию Святых Христовых Таин. Хотя результаты этих мер и получились утешительными, но, однако, недостаточными в сравнении даже с тем, что было тогда в армейских частях.

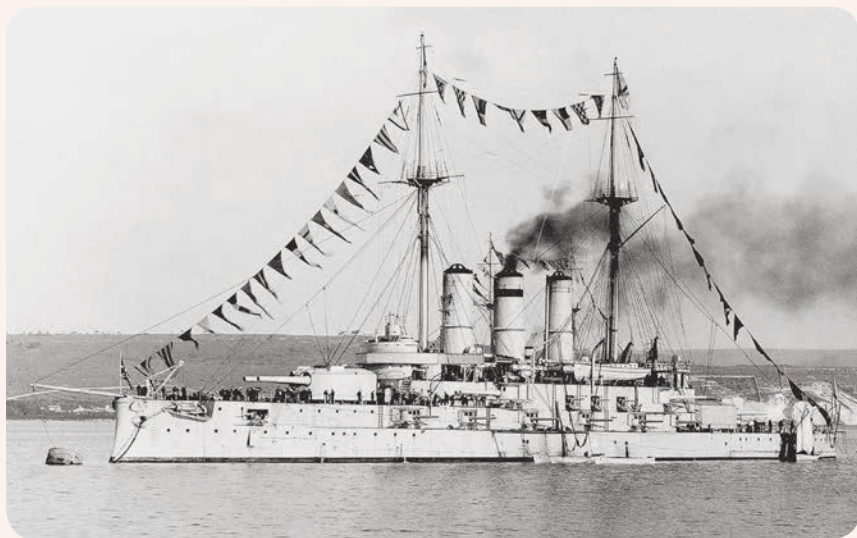
Приближалось смутное время, обнажавшее не только социальные, но и религиозные проблемы. «Таврические епархиальные ведомости» в 1911 году писали о них: «Злоупотребляя дарованной Высочайшим Манифестом 17 апреля 1905 года религиозной свободой, всюду в городах

и в селах появились разного рода лжеучителя, которые под видом благочестия и проповеди о спасении во Христе стали распространять в народе пагубные ереси...

Город Севастополь в этом отношении является наглядным, весьма характерным, хотя и печальным примером. Здесь приютились и ведут деятельную пропаганду всякого рода сектанты. Здесь есть баптисты, „евангелические христиане“, адвентисты, есть хлысты, „новые израильтяне“, духоборы, толстовцы. Все эти сектанты враждуют друг с другом, в одном только они сходятся — в крайней вражде и ненависти к Церкви Православной»⁴³.

Летом 1912 года восстали матросы на линейных кораблях «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Пантелеимон», «Синоп», «Три святителя», крейсерах «Кагул», «Память Меркурия» и корабле службы связи «Кронштадт». Восставшие предполагали убить офицеров и захватить корабли. После подавления мятежа были арестованы и предстали перед судом 143 человека. 17 человек было приговорено к расстрелу, 106 — к каторжным работам от 4-х до 8 лет.

Линейный корабль «Иоанн Златоуст»

20 человек было оправдано. Командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард утвердил смертный приговор 10-ти из 17-ти приговоренных. Для оздоровления нравственной обстановки среди моряков отец Роман предложил командованию флотом употребить духовное средство — индивидуальную исповедь, дабы с помощью таинства Покаяния поднять дух моряков. Командование согласилось.

После ликвидации восстания адмирал Эбергард обратился к протоиерею Роману с вопросом, нужно ли вводить во флоте тайную полицию для выявления настроения моряков. Священник заверил командующего, что настроение моряков здоровое, и тайная полиция введена не была. По просьбе командующего протоиерей Роман написал и выпустил книгу о дисциплине и товариществе во флоте⁴⁴.

У отца Романа сложились прекрасные отношения с командующим Черноморским флотом, о чем протопресвитер Георгий Шавельский в свойственной ему желчной манере писал: почтение адмирала к протоиерею

Линейный корабль «Три святителя»

*Адмирал А. А. Эбергард.
1912 год*

Роману таково, что во флоте стали говорить, что «флотом командует не адмирал Эбергард, а протоиерей Медведь»⁴⁵.

В послепасхальные дни 1914 года адмирал Эбергард предложил отцу Роману совершить двухнедельное плавание по Средиземному морю на яхте «Алмаз». Отец Роман давно уже хотел познакомиться с деятельностью судовых священников на греческих

военных судах, а учитывая, что российские военные суда из Черного моря выходили редко, это предложение было для него большой удачей. Во время плавания отец Роман исполнял обязанности судового священника. На «Алмазе» церкви не было, и отец Роман взял с собой всё необходимое для богослужения, в том числе и антиминс. С собой он взял несколько сотен листов религиозного и патриотического содержания и «Троицкие листки» для раздачи матросам. Испросил он разрешить ему взять с собой церковного сторожа, который был хорошим чтецом и певцом.

Знакомясь с постановкой дела религиозного просвещения на греческих кораблях, отец Роман выяснил, что на малых кораблях храмов не было вовсе, но зато на больших кораблях храмы были подобающим образом благоустроены — с резными иконостасами красного дерева и с лампадами, которые не гасились во всё время похода. Зато с церковным уставом греки не церемонились, и лишь присутствие русского священника их несколько

сдерживало. На литургии после чтения Евангелия сразу следовала Херувимская, а после Херувимской — Символ веры. На военных больших кораблях дело было поставлено несколько лучше — здесь служили архимандриты, так как греки справедливо считали, что для флота хорошие священники имеют большое значение. Поскольку число священников было ограничено, то они служили поочередно на разных кораблях. Если корабли стояли вместе, то моряков перевозили на один корабль, где совершалось богослужение; если корабли были рассеяны, то команды шли в приходские храмы на берегу. Все священники вели по две беседы в неделю на евангельские темы, причем беседы проводились и на всех приписных кораблях и продолжались не менее часа. Обязательная общая молитва совершалась один раз в день, около 10 часов утра. На молитву собирались все — от адмирала до матроса. Молитва читалась священником, а если его не было, то церковником. Читались из утреннего правила только начальные молитвы, и затем сразу следовало окончание: «Молитвами

Яхта «Алмаз»

святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». Вечером молитва заменялась спуском флага и пением гимна, для чего присутствие священника считалось необязательным. Греки на кораблях строго постились в среду и пятницу, весь Успенский пост, последнюю неделю Рождественского поста, первую и последнюю недели Великого поста. Причащались моряки два-три раза в год. Священники исполняли на кораблях все требы, но платы за это не получали, так как имели жалование. Всенощных бдений на кораблях не совершалось, а только литургия, причем по́скору. В общем религиозная жизнь на греческих кораблях и в греческих приходах произвела на отца Романа впечатление весьма неожиданное, которое еще предстояло обдумать.

1 июля 1914 года в Санкт-Петербурге открылся первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства⁴⁶. Он оказался и последним из-за начавшейся вскоре войны и последовавших вслед за ней событий. В 9 часов утра в Преображенском всей гвардии соборе депутатами съезда были отслужены литургия и молебен. Затем состоялось открытие съезда. Заместителем председателя съезда протопресвитера Георгия Шавельского был избран протоиерей Константин Богородицкий, секретарем — протоиерей Роман Медведь. Было образовано девять секций — по составлению памятки, богослужебная, учительная, библиотечная, миссионерская, правовая, благотворительная, свечная и морская, председателем последней был избран протоиерей Роман. После двух собраний морской сек-

ции протоиерей Роман передал председательствование в ней другому священнику ввиду своей чрезвычайной загруженности обязанностями секретаря. В процессе работы было добавлено еще три секции — по борьбе с алкоголизмом, по религиозно-нравственному воспитанию заключенных и о суде чести. Работа съезда продолжалась до 10 июля.

1-й Всероссийский съезд военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге. Протоиерей Роман Медведь в среднем ряду слева в светлой рясе

Впоследствии отец Роман описал свои впечатления от съезда. На съезде состоялось семь общих заседаний, на которых было заслушано 12 докладов, по числу секций. Заседания начинались в половине девятого утра и продолжались в иные дни до одиннадцати и до половины двенадцатого ночи. Секции работали чрезвычайно интенсивно, доклады некоторых секций были обширны и обстоятельны, а предложения серьезны и многочисленны. Секции справились со своими задачами «только благодаря самоотверженной работе ее членов, — писал отец Роман. — Большинство членов съезда работало сверх сил — и дни, и ночи, недоедало и недосыпало. Многие сознавались, что во всю жизнь им не приходилось так усиленно работать. Добавьте к этому и необычайную духоту, редкую в холодной северной столице, прибавьте общежитие, где пастыри, впервые съехавшись и повидавшись друг с другом, не наблюдали часов, иногда забывая и окружающих, во взаимных беседах о разных сторонах своего пастырского служения, — и вам станет ясным, что некоторые депутаты не вынесли этого напряжения и захворали, а все крайне устали, осунулись, точно прожили в усиленных трудах не полторы недели, а несколько месяцев.

Но при всём том в духовном отношении представители съезда показали великое напряжение идеального пастырского настроения. Духовенство, искренне преданное своей задаче, не побоялось возложить на свои обремененные рамена еще новые, немалые тяготы по резолюциям секций: учительной, богослужебной, миссионерской, противоалкогольной и прочих. Говорило духовенство и о своих незначительных ныне правах, много высказало в этом отношении пожеланий... но обязанности новые возьмут немедленно, а права — придут нескоро, и дай Бог, чтобы еще и пришли в желанном объеме.

Умилительно было наблюдать этот съезд, это истинно братское, любовное, доверчивое отношение друг к другу. Ни одной резкости, ни одного некорректного выпада в чью бы то ни было сторону. <...>

Душа радовалась, глядя на это высококультурное, интеллигентное, истинно христианское сообщество. В трудолюбии и доброй настроенности точно все конкурировали друг с другом. <...> Духовенство столичное и провинциальное соперничали друг с другом во взаимном уважении и христианской любви. Можно смело сказать: это был съезд невиданный. Это был не съезд — это была выставка подлинного пастырства. <...>

Все воочию убедились, насколько военные пастыри на высоте своего положения. Едва ли будущие съезды сравняются с первым съездом по его громадным трудам»⁴⁷.

15 июля в половине третьего дня император Николай II в Большом дворце в Петергофе принял делегатов съезда, поговорив с каждым из представленных ему священников. В конце беседы он сказал, что рад видеть свое военное духовенство, и пожелал священникам успеха в их дальнейшей службе.

Как человек широких взглядов, ценящий все положительные достижения культуры, отец Роман участвовал и в деятельности религиозно-философского Общества в Санкт-Петербурге, в которое входили тогда многие священники, историки и религиозные философы, такие как священники Константин Аггеев, Иоанн Егоров и впоследствии принявшие сан священника Сергей Булгаков и Валентин Свенцицкий, историк Антон Карташев и философ Николай Лосский. Состоял членом Общества и Владимир Бонч-Бруевич⁴⁸, ставший впоследствии известным советским чиновником, управляющим делами Совета народных комиссаров РСФСР. Духовные дети отца Романа не раз

*Протоиерей Роман.
Севастополь, 1915 год*

обращались к нему за помощью, когда власти арестовывали священника.

Одним из существенных аспектов в воспитании личности христианина в представлении отца Романа было соотношение христианской личности и культуры, которая была создана людьми предшествующих поколений, причем не только в области светского, но и богословского наследия. Он уловил важную для своей

эпохи черту, когда современники оказались не способны усвоить то наследие, которое выработали предшествующие поколения, а следовательно, не могли и прибавить к нему свою лепту как нечто созидательное.

«Достойное и полное усвоение исторического наследия — дело нелегкое. Богатствами, добытыми усилиями предшествующих поколений, современное поколение далеко не *владеет*; громадное большинство об этих богатствах даже не имеет понятия, — писал отец Роман. — Мы похожи на беспечного наследника громадных поместий, библиотек, художественных ценностей, который точно не знает, что у него есть, и потому *неучтенное* может быть свободно расхищаемо всякими прохожими и без ремонта и правильного употребления теряет свою ценность.

По отношению к унаследованному прежде всего необходимо иметь точную опись; во-вторых — живое хранение. Христианство требует от человека, чтобы он был подобен мудрому хозяину, у которого ничто не теряется и который одинаково пользуется для выгод хозяйства и новым и старым.

Вторая часть задачи — *творческое* прибавление к историческому достоянию посильной лепты — хорошо может быть выполнена только после тщательного выполнения первой части.

Творчество и *свобода* — родные братья. К творчеству способна нерабская душа. Развитие творчества в себе идет рядом с развитием добрых качеств. Душа, придавленная и подавленная, творить не в состоянии. Нежный задаток творчества, сказывающийся в природной склонности к той или другой деятельности, требует и такого же нежного ухода. В деле воспитания других развить индивидуальное творчество и самая трудная, и самая благодарная работа. Дать человеку творчество — значит сделать его воистину свободным, сыном Божиим, а не рабом. Истинное христианство тем и дорого, что отмечает это достоинство в каждом и развивает его»⁴⁹.

Деятельность протоиерея Романа в Севастополе была настолько обширна и энергична, что даже равнодушное в религиозном отношении население портового города после его прибытия сюда постепенно под влиянием этого выдающегося пастыря стало менять свое отношение к вере, храмы стали наполняться молящимися, стали исчезать и пороки, свирепствовавшие среди моряков, до сего времени казавшиеся неискоренимыми.

В 1914 году было утверждено Положение о штабе главнокомандующего морскими силами, предусматривающее должность флагманского благочинного, и 18 февраля

*Храм святого равноапостольного князя
Владимира в Севастополе*

1915 года флагманским благочинным при штабе командующего Черноморским флотом был назначен настоятель севастопольского Адмиралтейского собора протоиерей Роман Медведь⁵⁰.

Отец Роман во всё время своей пастырской деятельности считал для себя обязательным тщательно готовиться к проповедям, хотя ему были хорошо известны и тема, и материал. Он составлял план проповеди, в которой прослеживалась основная мысль, зачастую связанная с замыслом Божиим о спасении человека и миссией Христа на земле, который затем последовательно раскрывался. После составления конспекта он писал и саму проповедь. Из проповедей того времени сохранилось слово, сказанное им 1 января 1916 года во Владимирском храме.

*Владимирский храм в Севастополе
(внутренний вид)*

В этом слове священник среди прочего сказал: «Нормальная жизнь христианина проходит в постоянном подвиге, не в резких переменах всего строя жизни, а в последовательных небольших усилиях. И все учителя духовной жизни утверждают, что духовная жизнь строится именно таким образом. Немного усилия, немного перемены, но всегда, ежедневно, чтобы постоянно жизнь шла в некотором напряжении, не в ленивом покое, а в постоянной деятельности. Тогда у христианина является в душе то чувство внутреннего самоодобрения*, которое всегда должно сопровождать всякую добрую деятельность. Это не наш собственный домысел. Апостол Павел в послании

* Ср.: Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом. (Гал. 6, 4).

к галатам требует, чтобы каждый христианин, твердо стоя на основах веры, имел в себе это внутреннее самоодобрение. Апостол прибавляет лишь одно неперемнное условие: лишь бы это одобрение не было за счет другого, то есть происходило от сознания добропорядочности избранного пути безотносительно с точки зрения идеала правды, а не от фарисейского „несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее“, и проч.

Имея в себе это внутреннее одобрение, мы знаем твердо, что из нашей прошедшей жизни подлежит сохранению и в чем необходимы перемена и раскаяние. Только при этом условии в нашем внутреннем хозяйстве [всё] обстоит благополучно. Определенное добро постоянно возрастает, а ясно сознанное зло последовательно и неуклонно исчезает из атмосферы нашей жизни.

Нередко приходится слышать, что жизнь наша, в частности русская, слишком связана неустройствами и дурными условиями как в области государственной, так равно и в области церковной. Эти обстоятельства настолько связывают волю и отдельных лиц и целого общества, что при их наличии почти невозможно никакое органическое развитие. Тяжесть этих обстоятельств будто бы обрекает на полное бесплодие всякие усилия и повергает всех в общее равнодушие и уныние.

Отрицать существование подобного рода условий и обстоятельств нет никакой возможности. Но в этих утверждениях заключается только доля правды.

Кроме условий дурных, мы унаследовали от наших предков и массу условий благоприятных, что побуждает всех и каждого в отдельности вспоминать предшествовавшие поколения с чувством глубокой признательности. Это чувство благодарности должно нас понудить не только принять добро, унаследованное от предков, но и потрудиться

над уничтожением унаследованного от предков зла. Это будет и самым лучшим к ним отношением, так как наши предки заинтересованы, как живущие доселе у Бога живых, а не мертвых, чтобы на их совести не оставалось никакого зла, особенно наследственно вредящего целым поколениям.

Во-вторых, существующие тяжелые условия нашей жизни в области и церковной и государственной, например несоответствующие идеалам Церкви и христианского государства узаконения, вовсе не обнимают всю жизнь нашу, во всех сторонах. При добром желании можно отыскать совершенно свободные новые духовные территории, которые можно занимать свободно по праву первого завладения. Всё дело лишь в добром настойчивом желании и вдохновенной инициативе.

А наконец в нас есть Бог, через нашу совесть предписывающий нам свои ненарушимые законы. В нас есть Богом дарованная свобода, которую мы вправе употреблять только на служение Ему — Богу правды. А посему зло, нас окружающее, в каких бы формах оно ни сказывалось, в каких бы сторонах церковной и государственной жизни ни выражалось, должно вынуждать нас к энергичной и неуклонной с ним борьбе и ни в каком случае не может стать извинением нашей апатии и уныния.

Общие узаконения не обнимают всех сторон жизни, и отдельные представители Церкви и государства при добром согласии на местах имеют полную возможность достигать весьма важных улучшений и в этой области, и в той. Закон предоставляет значительный простор для своего применения на местах. И добрые усилия здесь гораздо предпочтительнее постоянного бесплодного уныния...»⁵¹

26 июня 1916 года адмирала А. А. Эбергарда на посту командующего Черноморским флотом сменил

произведенный в вице-адмирала Александр Васильевич Колчак. В это время протоиерей Роман исполнял обязанности флагманского благочинного или, говоря иначе, благочинного штаба командующего Черноморским флотом.

18 января 1917 года на линейном корабле «Георгий Победоносец» под председательством вице-адмирала А. В. Колчака состоялось собрание флагманов* и духовенства Черноморского флота. Собрание открыл вице-адмирал Колчак, который обратил внимание офицеров на несогласованность между морским уставом, практикой богослужений на кораблях и правовым положением духовенства. Он попросил офицеров устранить все обстоятельства, препятствующие пастырской деятельности священников, которую он считает очень важной, и просил отца Романа рассказать о состоянии команд, об условиях служения священников на кораблях и высказать свои предложения.

Отец Роман поблагодарил вице-адмирала Колчака за то, что собрание было устроено не только с командующим флотом и начальником его штаба, как это было заведено ранее, но с участием высшего офицерского состава флота; факт подобного собрания подчеркивает, какое значение придает командующий религиозной стороне дела на флоте. Обратив внимание присутствующих на настроение моряков, вызывавшее беспокойство не только у него, но и у начальника штаба контр-адмирала Сергея Сергеевича Погуляева, отец Роман сказал, что такие же опасения высказывают и все священники флота, — это вероятность возникновения беспорядков, как это было

* Флагман — командующий флотом или командир соединения кораблей.

в 1905–1906-м годах и в 1912 году. Практически все во флоте осознают такую опасность. И происходит это потому, что духовное настроение команд значительно ниже, чем в сухопутных войсках. И отец Роман зачитал выдержку из письма священника, служившего и во флоте, и в сухопутных войсках: «Из настоящей своей службы я вынес немало поучительного для себя и наглядное еще в большей степени убеждение в сложившемся у меня мнении относительно службы и деятельности в войсках вообще и на флоте в частности, но к глубокому прискорбию не в пользу последнего.

Разница между тем и другим войском одного же Российского государства огромнейшая. Упущение, допущенное веками во флоте в религиозно-нравственном отношении команд, действительно огромно. Нужно много времени и еще более усердия пастырей перевоспитать команды. Если священники на флоте будут такими же бесправными, как были, то и при всём желании и усердии и сами златоусты ничего не сделают... Если сказать о поведении воспитавшихся некогда на флоте, а ныне призванных из запаса — это что-то не русское: безбожники сплошь, воры, пьяницы, хулиганы высшей марки — срам Русского государства, и едва ли не в большинстве...»⁵²

Затем было дано слово священнику Николаю Семеняко*, служившему и в сухопутных войсках, и во флоте. Он сообщил, что во флоте в настоящее время атмосфера для духовной деятельности неблагоприятна: у нижних офицерских чинов нет никаких духовных запросов, почти нет потребности в богослужении и таинствах, нет никакой заботы о целомудрии и чистоте жизни. «Трагизм священника в том, что распоряжения судового начальства

* Протоиерей Николай Адамович Семеняко, впоследствии епископ Минский Феофан.

идут иногда вразрез с каноническими, обязательными для священника распоряжениями духовной власти»⁵³, — завершил отец Николай свое сообщение.

После этого отец Роман сказал, что духовенство настойчиво свидетельствует о низком религиозно-нравственном уровне команд флота. Об этом же рассказывают и члены семей моряков, вернувшихся в свои дома. Уже в качестве поговорки сложилось дурное мнение о флоте: «Мы посылаем во флот детей, а получаем чертей», — говорят о морях в их семьях.

Отец Роман обратил внимание командующего и офицеров на существенное несоответствие идей пастырства с положением священника на корабле, морского устава и церковных канонов. «Для примера вспомним следующее, — сказал он. — Когда начальником морских сил был адмирал [Владимир Симонович] Сарнавский, то по случаю смерти английского короля Эдуарда было издано приказание отслужить на кораблях панихиды. Один из священников <...> это приказание исполнять отказался, как противоречащее церковным правилам, разрешающим служить панихиды только по православным. Адмиралу было доложено, и он свое распоряжение отменил.

Другие случаи: недавно на двух неплавающих кораблях в праздник Рождества Христова командиры запретили священникам служить литургию, а приказали служить обедни. Священники подчинились. Флагманский благочинный не может одобрить слабости этих священников, не сумевших настоять на служении в этот день литургии. <...>

Духовенство свидетельствует, что результаты его пастырской деятельности были бы в значительной степени более высокими, если бы священнику на каждом корабле оказывалось соответствующее содействие со стороны

офицеров. К глубокому огорчению, духовенство свидетельствует, что в большинстве случаев в своей деятельности на корабле священник бывает совершенно одиноким. <...>

Статистические таблицы, сделанные на основании богослужебных журналов, подписываемых ежемесячно командирами кораблей, свидетельствуют, что большинству священников и доселе на кораблях приходится испытывать большие стеснения от старших офицеров, а посему духовенство просит усердно освободить его от такого грустного положения, когда ему приходится выпрашивать у старшего офицера каждую службу, и на этой почве приходится переживать священнику не только много огорчений, но и оскорблений. <...>

Большинству священников приходится выпрашивать каждое богослужение у старшего офицера и нередко, подобно собачонке (выражение одного старого морского священника), для этой цели бегать за старшим офицером по кораблю по целым дням»⁵⁴.

Выслушав собравшееся на совещание духовенство и офицеров, командующий сказал, что считает необходимым предоставить священникам широкое право читать лекции на кораблях, и не менее двух часов в неделю. Признавая всю важность бесед частного характера с командой, Колчак потребовал, чтобы беседы с духовенством велись как можно шире, а со стороны судового начальства священникам в этом отношении оказывалась полная поддержка и всемерное содействие. Чтобы устранить ненормальности в положении священника на корабле, командующий распорядился, чтобы священники вели отношения не со старшими офицерами, а непосредственно с командирами кораблей.

После того как командующий объявил собрание закрытым, отец Роман попросил дать ему возможность

сказать слово. Предупреждая офицеров о последствиях пренебрежения духовной стороной жизни, он сказал, что «хотя здесь твердо высказывалось утверждение о том, что духовное состояние команд флота весьма высоко, от лица духовенства он почитает своим долгом заявить, что если бы не было грустных явлений в Черноморском флоте в 1905-м, 1906-м и в 1912-м годах, а также в Балтийском флоте в настоящую войну, хотя и в меньших размерах, то еще можно бы было отыскивать какие-либо основания для оптимистических заключений, но в настоящее время этих оснований нет, а посему духовенство считает своим долгом заявить: Caveant consules!*»⁵⁵

Далее протоиерей Роман сказал, что духовенство считает своим долгом заявить, что само руководство кораблей и его врачебный персонал толкают пришедших служить во флот молодых людей на разврат, разъясняя им якобы пользу хождения по публичным домам города и снабжая их соответствующими средствами от заражения заболеваниями. «Об этих мерах, — сказал он, — делаются публичные сообщения, совершенно не считаясь с настроением молодых матросов, в большинстве

* Caveant consules! (лат.) — «Пусть консулы будут бдительны!» или: «Да позаботятся консулы!» Первые слова формулы постановления Римского сената о предоставлении консулам диктаторских полномочий в мирное время, впервые примененного в 121 году до Рождества Христова против Гая Гракха. При этом торжественно произносилась клятва: «Консулы, будьте бдительны и следите, чтобы Республике не было причинено никакого ущерба!» Со временем остались только первые слова клятвы. М. Е. Салтыков-Щедрин, применяя это выражение к современной ему действительности, писал: «Этой смуты не было бы и в помине, если б наши предостережения были своевременно выслушаны и приняты во внимание. „Caveant consules!“ — повторяем мы и при этом прибавляем для не знающих по-латыни, что в русском переводе выражение это значит: „не зевай!“» (Салтыков-Щедрин М. Е. Вяленая вобла // Собрание сочинений в 20 томах. М., 1974. Т. 16. Кн. 1. С. 71).

совершенно целомудренных, и для них положительно ненужных и соблазнительных»⁵⁶.

Вице-адмирал Колчак не согласился с заявлением благочинного и сказал, что он не видит противоречия между вопросами медицинской профилактики и этики и потому и в дальнейшем требует самого широкого распространения профилактических мер. В ответ отец Роман заявил, что с этим он совершенно несогласен и считает, что лучшая профилактика — это проповедь добрачного воздержания и брачного целомудрия. Духовенство не протестует против «медицинских» советов, но только по отношению к тем, кто уже встал на дорогу невоздержания, и он еще раз повторил, что медицинским персоналом делалось и делается в этом отношении много ошибок.

Выступивший после отца Романа капитан I ранга Леонид Леонтьевич Иванов подтвердил, что, к глубокому сожалению, все сходящие с корабля на берег моряки снабжаются средствами, предполагающими посещение публичных домов, в том числе и моряки, имеющие семьи.

В конце собрания, вероятно всё же осознавая, что отец Роман прав относительно подталкивания руководством флота матросов к разврату, но не желая поддерживать благочинного, вице-адмирал Колчак сказал, что, поскольку не оказалось возможным обсудить все вопросы, в особенности касающиеся нравственного состояния команд, он считает желательным, чтобы в ближайшее же время состоялось еще совещание. — Но оно уже не состоялось.

17 февраля 1917 года отец Роман был переведен на должность благочинного крепостных церквей Севастополя. В приказе о его переводе на новую должность вице-адмирал Колчак написал: «Расставаясь ныне с отцом протоиереем Романом Медведем, более двух лет

исполнявшим обязанности благочинного штаба командующего Черноморским флотом, приношу ему мою искреннюю благодарность за усердные труды его по организации церковно-религиозного дела на флоте и желаю от души успеха в делах служения его, как благочинного крепостных церквей Севастополя»⁵⁷.

После Февральской революции в марте 1917 года в Севастополе был организован Совет рабочих и солдатских депутатов, куда на тот момент вошли по большей части эсеры, а также кадеты и меньшевики, с которыми у командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака сложились хорошие отношения.

На путях сохранения церковной свободы

После крушения царского строя и слома государственного управления активизировались процессы политической самоорганизации общества, части которого стали собираться вокруг тех или иных политических и социальных лозунгов и программ. Эти процессы в обществе развивались настолько стремительно, что на их фоне организм церковный казался по-прежнему дремлющим. А между тем все чуткие люди уже чувствовали тогда, что наступившая пауза в государственной жизни будет недолгой, и надо было спешить церковным организациям начинать по-настоящему христианское делание.

19 апреля 1917 года протоиерей Роман опубликовал объявление об учреждении Братства при Адмиралтейском соборе. «Не стало искусственных преград, мешавших общению, обрекавших всех на одиночество! — писал он. — Зашевелилась Русь, зашумела, точно могучее море! Сколько новой энергии, сколько работы, ума, вдохновения!

Наступила свобода: к свободе в добре и правде мы призваны (Гал. 5, 13). „Стойте в свободе, в которую освободил вас Господь, и не возлагайте на себя снова иго рабства“ (Гал. 5, 1). Свободные от зла и свободные для Господа разве не порадуются свободе и на земле? <...>

Не станет жалеть о старом строе Русская Церковь, так как она испытывала от него страшные утеснения. Называли ее Церковью господствующею, а на деле поработили ее государству гораздо более, чем все другие исповедания. Вспомним хотя бы о том, что более чем в течение двухсот лет не позволяли собратъся ни одному православному Собору. Хотя и с трудом, но разрешались разнаго рода мирские съезды, устраивали свои соборы старообрядцы, сектанты, а Православной Церкви собратъся на Собор и обсудить свои дела не давали. Если власть земная воспрещала нам собиратъся явно, мы обязаны были собиратъся тайно, под страхом наказания, ссылок, истязаний, до смерти включительно, — ведь Бога нужно слушать более, чем людей (Деян. 4, 14). Если мы этого не делали, если мы Христа достойно не исповедовали, если за имя Христо-во мы мало шли на Голгофу, то в этом, кроме старой мирской власти, повинны и мы сами, христиане, перед своею совестью: миряне — что блага небесные не ставили выше благ земных; [но] гораздо более повинны те пастыри, которые не всегда подавали надлежащий пример исповедничества. Однако мы должны признать, что как среди мирян, так и среди духовенства немало было и явных, и тайных исповедников за свои убеждения, за Христа. <...>

Радуюсь наступившей свободе вероисповеданий, мы вместе с тем должны помнить, что разовьется всякаго рода пропаганда со стороны всех инославных учений. Наша Церковь дезорганизована, не собрана; и при старом строе многие от Церкви отпадали — будут отпадения и теперь, если мы будем оставаться в прежнем разобщении. Между тем истина, мы верим, на нашей стороне, а посему мы должны не только удерживать натиск на нас других исповеданий, но и сами победоносно сражаться мечом слова и убеждения.

Слышны речи о предстоящем отделении Церкви от государства. Мы об этом не печалимся. Угрожают нам отнятием у духовенства жалованья, конфискацией церковных домов, церковных земель и даже самих храмов, как это произошло так недавно во Франции. Мы и этого не боимся, лишь бы нам сохранить свою церковную свободу. <...> В первые три века христианство пережило неимоверные гонения, когда считалось религией недозволенной, но, с помощью Божией, из борьбы с язычеством оно вышло победителем. Не боимся и новой борьбы. Христос — наш Глава — Победитель и смерти, и ада! Кто может противиться Богу? Лишь бы мы Ему остались верны. <...>

Все происходящие события властно требуют от христиан немедленной стройной организации.

Достаточно политики! Достаточно политических союзов, собраний! Достаточно всякого рода коопераций, съездов и прочего по вопросам земным! Пора заговорить и о небесном! Пора вспомнить и о едином на потребу! Пора нам сказать друг другу, что Господь приказывает нам искать прежде всего Царствия Божия и правды Его, а о земных благах говорит, что все они приложатся нам. Если доньше не прилагались, то единственно только потому, что мы слов Христа не исполняли. Исполним их — и тогда убедимся в их вековечном значении и силе.

Собирайтесь, христиане, в православные союзы, в братства, сплывайтесь около своих пастырей! Записывайтесь в члены христианских братств! Такое Братство основывается при Адмиралтейском соборе; записываться можно ежедневно в соборе.

Давайте соберем свои силы, подсчитаем, сколько нас, постараемся сначала укрепить то, что доселе у нас сохранилось ценного и святого, и на основе этого будем стремиться далее к совершенству.

Мы не спросим вас, к какой политической партии вы принадлежите. Не наше дело политика. В Церкви представители разных политических партий должны себя чувствовать спокойно. Одно, о чем мы спросим, — веруете ли вы во Христа и в свою родную Церковь. А политика — ваше частное дело. Верующий, к какой бы ты политической партии ни принадлежал, Церковь скажет тебе: честно служи избранному тобою знамени! Исповедуй свои политические убеждения, какие укажет тебе совесть. Только оставайся верующим христианином. Христианство не связано ни с какою формою политического строя. <...> Пусть в наше общение идут все православные. Для всех открыты братские объятия, для всех открываем святыню своего сердца. Всех Церковь вдохновит и успокоит. Одного лишь желает она — это того, чтобы в христианском братстве не было лжи и никакого лицемерия»⁵⁸.

Вскоре отцом Романом был написан проект устава Православного братства, который был подан на рассмотрение архиепископу Таврическому и Симферопольскому Димитрию (Абашидзе) и главному священнику Черноморского флота Георгию Спасскому. Устав, открывавший широкое поле деятельности для христиан, получил их одобрение и был отцом Романом опубликован⁵⁹.

«Настоящий „Устав“ считаю составленным на точных основаниях православной веры, то есть Христова Евангелия и священных канонов, — писал архиепископ Димитрий. — Почитаю для себя большим утешением и честью быть принятым в состав Братства Севастопольского Адмиралтейского собора»⁶⁰. Священник Георгий Спасский в свою очередь написал об уставе: «Приветствую проект устава Православного братства как попытку построить церковную общину на подлинно православно-христианских церковно-исторических основаниях»⁶¹.

В конце ноября 1917 года отец Роман направил проект устава патриарху Тихону, в сопроводительном к нему письме написав, что хотя современная действительность и далека от идеала, но добрые души всё же пытаются служить Господу, предпринимая попытки устроить церковную общину на истинно церковных основаниях.

Весна и лето 1917 года в Севастополе, средоточии морского российского флота, выдались беспокойными. 10 мая Исполнительный комитет потребовал ареста помощника главного командира порта генерал-майора Николая Павловича Петрова. Вице-адмирал Колчак заявил Временному правительству, что если арест произойдет, то он попросит уволить его с поста командующего, как не обладающего необходимыми полномочиями. Генерал Петров был арестован. Находившийся в это время в Одессе военный и морской министр А. Ф. Керенский прибыл

А. Ф. Керенский выступает перед моряками линкора «Императрица Екатерина Великая», за несколько недель до этого переименованного в «Свободная Россия»

*Военный и морской министр А. Ф. Керенский
и вице-адмирал А. В. Колчак (слева)*

в Севастополь, и в его присутствии вице-адмирал Колчак подтвердил на заседании Исполнительного комитета всё то, что сообщал ранее Временному правительству. Правительство потребовало немедленного освобождения генерала Петрова, и тот был освобожден.

Вскоре в Севастополь прибыла группа большевиков, которые начали активную агитацию против вице-адмирала Колчака и вообще моряков Черноморского флота, обвиняя их в том, что они не участвовали в революционных событиях, — и во флоте таким образом революция прошла без эксцессов, флот продолжал участвовать в боевых действиях, и весь его офицерский состав во главе с вице-адмиралом Колчаком остался на месте. Большевиков встретили в Севастополе и вообще в Крыму недружелюбно; они были арестованы и некоторое время даже находились в заключении. Тогда большевики перенесли агитацию на черноморскую дивизию, состоявшую из военнотружеников, стремившихся как можно быстрее разъехаться по домам. В это же время с одного из кораблей была отпущена на берег команда, которая, благодаря агитации

большевиков, приняла участие совместно с черноморской дивизией в митингах.

Такой митинг состоялся 4 июня, на нем было предъявлено обвинение в контрреволюции трем офицерам, от которых потребовали сдать оружие, после чего они были арестованы. После митинга собравшиеся, придя в состояние крайнего возбуждения, потребовали учинить обыски у всех офицеров и арестовать вице-адмирала А. В. Колчака.

6 июня Временное правительство получило донесение о происшедшем от командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака. Правительство потребовало, чтобы Колчак немедленно прибыл в Петроград для объяснений, а командование Черноморским флотом было возложено на контр-адмирала Вениамина Константиновича Лукина, который должен был восстановить порядок среди моряков и потребовать от них возвращения оружия офицерам. На следующий день состоялось делегатское собрание и пятнадцатитысячный митинг, на котором было принято решение о немедленном возвращении оружия всем офицерам, об исполнении распоряжений командующего и прекращении обысков и арестов.

Происшедший в Петрограде большевистский переворот бóльшая часть населения Крыма встретила отрицательно, но дисциплина на кораблях и в крепости при общей численности флота в сорок тысяч моряков быстро падала, и на иных кораблях в командах складывались отношения, свойственные скорее преступным сообществам, нежели армии. Часть матросов быстро становилась более радикальной в своих погромных устремлениях, чем сами большевики. Летом 1917 года крымские города захлестнули преступность и мародерство. Осенью 1917 года начались стихийные протесты против роста цен

на продовольствие. 15 ноября в Севастополь прибыла делегация из двадцати пяти кронштадтских матросов, подробно инструктированная председателем ВЦИКа Яковом Свердловым, которая категорически потребовала от черноморских матросов, чтобы те убили своих офицеров. Еще сохранявшиеся в это время остатки умеренной гражданской власти воспротивились убийствам и самочинным арестам, и начальник тюрьмы отказался принимать незаконно арестованных.

«Поводом» для начала массового террора против офицерского состава Черноморского флота стали рассказы о военно-полевых судах в 1905-м и в 1912-м годах над восставшими матросами, распространявшиеся одним из матросов, вернувшимся из ссылки. 15 декабря матросы эсминцев «Фидониси» и «Гаджибей» расстреляли на Малаховом кургане тридцать двух офицеров и священника. К вечеру того же дня убийства офицеров уже шли по всему Севастополю, а трупы их выбрасывались в море. Всего в это время было убито сто двадцать восемь офицеров. Севастополь и Черноморский флот были захвачены большевиками. В Крыму началась гражданская война.

Складывающаяся обстановка грозила полным разрывом контактов между Севастополем и центральной церковной властью. 25 декабря 1917 года главный священник Черноморского флота Георгий Спасский направил распоряжение настоятелю Севастопольского Адмиралтейского собора протоиерею Роману Медведю. «Предлагаю Вашему Высокопреподобию, — писал он, — с получением сего отправиться в город Москву в командировку для выяснения спешных церковных вопросов, а также для передачи патриарху Тихону благодарности за присланную в благословение православному населению города святую икону»⁶².

Отслужив Рождественскую службу, отец Роман сразу же отправился на вокзал. Хорошо знакомый ему начальник вокзала посадил его в вагон задолго до того, как состав был подан к перрону. Все вещи Анна Николаевна отвезла накануне, и они были заблаговременно перенесены в купе.

Приехав в начале января 1918 года в Москву, отец Роман сразу же направился к патриарху Тихону, чтобы сообщить ему о положении дел Братства при Адмиралтейском соборе в Севастополе. Патриарх Тихон благословил его прочитать на эту тему доклады, чтобы организовать такие же Братства и в Москве. Осенью 1917 года в Москве по инициативе Ивана Васильевича Борисова, часовых дел мастера из Ярославля и человека очень религиозного, был создан Союз ревнителей и проповедников православия, официальное учреждение которого состоялось 1 октября в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Первое время Союз работал под председательством протоиерея Иоанна Чанцева, настоятеля церкви Воскресения Словущего в Барашах. Сначала деятельность Союза ограничивалась религиозными собраниями по воскресным дням в храмах города. Каждое собрание предвлялось молебном, затем шла беседа священника или мирянина. Беседы перемежались церковными песнопениями в искусном исполнении хора слепых певчих из храма Воскресения Христова в Сокольниках. Отец Роман стал принимать активное участие в этих собраниях, на которых, в частности, обсуждались пути решения церковных проблем. 11 января он участвовал в собрании Пастырского союза, на котором был заслушан его доклад об организации при церквях и приходах православных братств — ревнителей Христовой Церкви. Эти братства, по мнению отца Романа, должны были стать центрами организации всех истинно церковных людей для защиты Православной Церкви от нападков

ее врагов. Доклад отца Романа вызвал столь оживленную дискуссию, что за невозможностью исчерпать обсуждение вопросов за одно заседание было решено продолжить их обсуждение на следующем заседании⁶³.

В это время был упразднен институт военного и морского духовенства, и патриарх Тихон благословил отца Романа остаться в Москве. Войдя в состав Союза ревнителей и проповедников православия, он все свои силы посвятил организации его деятельности. К названию «Союз» было добавлено наименование «Братство», которое более соответствовало деятельности братств, издревле возникших на Руси для защиты православия. Братство было реорганизовано в соответствии с тем опытом, который накопился у отца Романа к этому времени. Обо всех принимаемых им шагах и о том, как продвигается организация Московского братства, отец Роман сообщал патриарху Тихону. Ближайшим помощником его стал основатель Братства Иван Васильевич Борисов.

После вхождения протоиерея Романа в Братство деятельность того значительно расширилась. Было организовано издательство, выпускавшее религиозные брошюры; беседы велись уже не только в религиозных кружках исключительно между членами Братства, но начала организовываться проповедническая деятельность по всей Москве. 30 января «Московские церковные ведомости» опубликовали сообщение о деятельности Братства, в котором говорилось, что Братство «продолжает в праздничные дни устраивать собрания для народа после вечерни в разных пунктах Москвы. На этих собраниях выступают по очереди несколько проповедников как из священников, так и из мирян-миссионеров. Богослужение (молебен) совершает или архиерей, или архимандрит. Участвует обычно и какой-нибудь певческий хор, исполняющий

церковные песнопения. Народу на этих собраниях бывает очень много, и многие находят здесь душевное облегчение в тяжелые, переживаемые нашей Родиной дни»⁶⁴. На собрания приглашались известные проповедники, такие например, как ключарь Храма Христа Спасителя протоиерей Александр Хотовицкий*.

В Севастополе тем временем местные власти начали искать протоиерея Романа, чтобы арестовать. 18 февраля 1918 года Следственная комиссия Совета военных и рабочих депутатов выписала распоряжение Комиссии по охране крепости, флота и города «немедленно арестовать священника Медведя и сдать на содержание в гражданскую тюрьму»⁶⁵. Ночью члены Комиссии пришли в дом, где жила его семья, перерыли весь дом и допросили супругу священника Анну Николаевну, которая сказала, что ничего не знающей о месте нахождения мужа. Впоследствии они приходили искать отца Романа еще несколько раз. В конце концов Комиссия вынуждена была сообщить, что священник «не арестован ввиду того, что такового не оказалось дома, и, по словам домашних, он выехал из города»⁶⁶.

Протоиерей Роман написал проект устава Московского братства союза ревнителей и проповедников православия, который был представлен на рассмотрение патриарху Тихону. За основу был взят уже известный патриарху устав севастопольского Братства. 22 февраля 1918 года патриарх назначил руководителем Братства протоиерея Романа⁶⁷ и 25 февраля утвердил устав, написав: «Одобряется. Господь да поможет ревнителям православия совершить то дело, кое так нужно ныне!»⁶⁸ Всем вступавшим в Братство выдавались членские билеты. На 2 февраля 1918 года было выдано 319 билетов.

* Священномученик Александр Александрович Хотовицкий (1872–1937); память 7/20 августа.

14 (27) февраля в Московском епархиальном доме, в котором проходили в тот период заседания Поместного Собора, состоялось общее собрание членов Братства. Здесь присутствовали и некоторые члены Собора. Всего в собрании участвовало около шестисот человек, так что были заняты не только все стулья в соборной палате, но и все проходы. Собрание открылось в 4 часа дня молебном, после которого к присутствовавшим обратился патриарх Тихон, сказав, что Церковь и Родина ныне переживают тяжелые времена, и потому в настоящее время возникла настоятельная необходимость организации в церковные союзы всех верных сынов Церкви в единении с архипастырями и пастырями; он видит большое для себя утешение в деятельности на этом поприще Московского братства союза ревнителей и проповедников православия и призывает на его деятельность Божие благословение.

Ввиду того что патриарх Тихон должен был вскоре уехать, по благословению патриарха председательствовал на собрании епископ Никольско-Уссурийский Павел (Ивановский). Открыл собрание протоиерей Роман Медведь, который рассказал о целях и задачах Братства. Затем член Собора миссионер Лев Захарович Кунцевич зачитал устав Братства, и протоиерей Роман пояснил содержание его главных статей.

Был также прочитан текст обязательств, которые принимали на себя вступающие в Братство⁶⁹. В перечне этих обязательств были общие для всех христиан обязательства, такие например, как исповедание православной веры по учению Святой Соборной и Апостольской Церкви и обещание по этой вере жить и спасать свою душу, содействуя в этом и другим членам Церкви. По силам служить Церкви Божией, исповедовать Христа и веру православную бесстрашно, никого не боясь и не стыдясь,

проповедовать Христа и православную веру всюду, где к тому будет возможность, — на фабриках и заводах, в казармах, на улицах и площадях, в селах и деревнях, в частных домах и, с благословения духовных отцов, в храмах. А также частные обязательства — предоставлять Братству помещения для собраний, конторы, редакции, библиотеки, читальни и т. п. В случаях выселения священников, иноков и инокинь из церковных домов члены Братства, в соответствии со своими возможностями, давали обязательство приютить на какой-то срок столько-то человек в своих домах, а также принять их на свое иждивение. Они могли ежемесячно жертвовать посильную для себя сумму для организации преподавания Закона Божия или помогать священнику при надзоре над детьми на уроках, или помогать детям готовиться к урокам Закона Божия. Иные призывались к помощи неимущим членам Братства — посещать нуждающихся, приносить им продукты и ухаживать за больными в удобное для себя время; другие — убираться в храме, заведовать библиотекой, помогать при похоронах бедных, читать Псалтирь. Имеющие возможность призывались давать лошадь или телегу для Братства и его членов бесплатно или по уменьшенной цене, отпускать товары для нужд Братства или для неимущих членов Братства по себестоимости или со скидкой, присылать для Братства определенные товары, предлагать работу для ищущих труда, обучать мастерству или хотя бы исполнять поручения по разноске повесток, талонов, наклейке объявлений.

Текст обязательств заканчивался так: «Сие мое обязательство обязуюсь исполнить точно по совести, если же что мне будет не под силу, о том заблаговременно обязуюсь заявить Совету. Прошу сим принять меня в братскую любовь и зачислить меня в члены Союза»⁷⁰. При этом

поступающий в Братство не обязан был принимать на себя все обязательства (кроме вероучительных), а лишь те, которые ему были по силам. Заполненные бланки обязательств передавались старшине Братства И. В. Борисову. Руководитель Братства всегда знал, кто какими располагал возможностями для наиболее эффективной деятельности Братства и для взаимной помощи между его членами. Отпадала необходимость случайных обращений за помощью к тому, кто оказать эту помощь не мог или не хотел, о чем было сообщено заранее. Так сберегалось много времени и сил, освобождаемых для созидательной деятельности, отпадала необходимость тратить время на предварительные выяснения и переговоры. Человек сам сообщал, предварительно всё обдумав и взвесив, что он мог сделать.

Устав Братства и обязательства были приняты на первом общем собрании единогласно. После голосования выступил учредитель Братства И. В. Борисов, сказав, что считает этот день счастливейшим в своей жизни. Он вряд ли когда-либо мог ожидать, что его начинание, которое было всего лишь малым ростком и в начале имело лишь пять человек помощников, разовьется в столь мощное движение. Он просил членов Братства поддерживать непосредственных его организаторов, чтобы они могли безраздельно отдаться созиданию Братства.

В соответствии с одобренным патриархом Тихоном и принятым общим собранием уставом состоялись выборы. На пост председателя Братства единогласно был избран протоиерей Роман Медведь, старшиной Братства — Иван Борисов, секретарем — Леонид Рыбчевский, казначеем — Иван Яковлев. Все трое были первоначальными членами созданного учредителем Союза. Были также избраны члены Совета Братства и ревизионная комиссия.

Служение Христу — чистое, без примеси лжи и лукавства

Приехав в Москву, отец Роман до начала февраля 1918 года жил в Покровском миссионерском монастыре, а затем на частной квартире, хозяин которой предоставил ее не только для священника, но и для немногочисленных бесед и собраний. В ней также была размещена канцелярия Братства, сюда могли беспрепятственно приходить люди для обсуждения возникавших вопросов и проблем. Импровизированная канцелярия была открыта для всех с 10 часов утра до 6 вечера, кроме воскресных и праздничных дней.

Братство начало свою активную деятельность перед началом Великого поста 1918 года и в связи с этим посчитало нужным опубликовать особое послание. «Безмерно наше падение! В один год мы ухитрились погубить то, что создавалось нашими предками целыми столетиями, их потом и кровью, путем бесчисленных жертв. <...>

Не говорите, что в этом и других наших безмерных бедах — полном внутреннем бесправии, общем обнищании, голоде, в атмосфере постоянной злобы, ненависти и убийств — мы не виновны, что виновны другие.

Нет, в разной мере, но виновны все.

Одни виновны в том, что, уже давно отдавшись сатане и давно отступив от Бога, дьявольской проповедью развращали своих младших братьев, звали их к классовой ненависти и вражде; вместо единственно надежного единения во Христе, сами стали и других звали на служение сатанинскому интернационалу, объявили своими врагами своих братьев во Христе и по общей Родине, не постыдились проповедать, а потом и начать братоубийственную войну против своих же русских людей и наполнили всё наше Отечество неслыханными преступлениями, зверствами, убийствами и полным бессудием.

Другие повинны в том, что слушали преступные речи и шли за сатанинскими слугами, что исполняли преступные веления отступников от Бога и веры.

Третьи небезвинны в том, что совершенно не боролись с этими злыми явлениями, с этим злым потоком, весьма мало или совершенно не ограждали своих братьев от хищных волков.

Все остальные повинны в своей слабой духовной сплоченности: не достаточно солидарно и крепко связавшись друг с другом в служении Богу и Родине, допустили, чтобы из нашей среды были вырваны столь громадные массы братьев и отданы во власть сатаны.

Нет такой заповеди, чтобы нам оставаться слабыми. Силен Господь безмерно, а посему виновны мы в том, что своею отданностью Богу не привлекли к себе Его силу на борьбу со злом, вовремя не усмотрели его размеров и не остановили его развития Божьей силою.

Все виновны! Виновны и пастыри и миряне, и бедные люди и богатые, интеллигенция и простецы, мужчины и женщины!

О, как тяжело ныне пастырям, сознающим всю глубину ответственности за своих погибших овец! Ведь сказано через пророка, что кровь погибшего грешника будет взыскана от руки нерадивого пастыря.

Бедные, несчастные архипастыри! Как бесконечно тяжело должны себя чувствовать вы: ведь большинство губителей России — из среды ваших православных пасомых! <...>

Более всех должны каяться те, кто понимает, от каких причин произошли с нами столь великие бедствия.

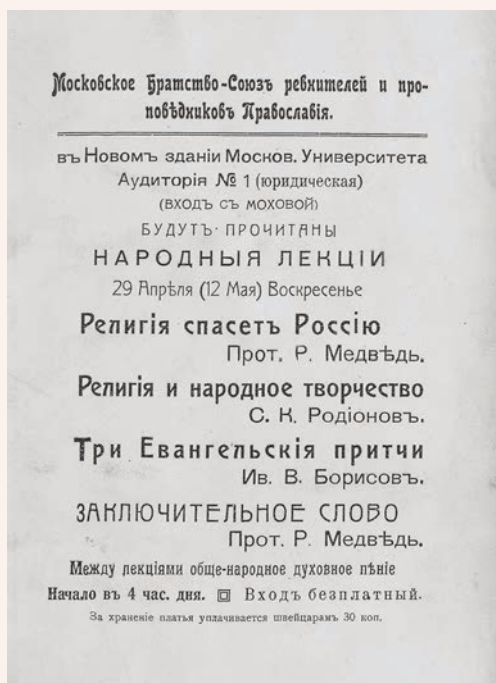
Независимо от церковного положения каждого, степень вины всякого определяется именно этим пониманием.

Иной мирянин, знавший, что происходит, и представлявший, что надо предпринять для борьбы со злом, но не всё сделавший для этой борьбы, повинен более того епископа, которому не было дано подобное понимание. <...> Но кто скажет, что безвиновен епископ в том, что, будучи поставлен наверху и предназначенный к водительству, он оказался сам несведущим и совершенно неспособным повести паству свою?

Все виновны! Виновны не только в личных грехах, виновны в грехах общественных, виновны за Родину, виновны за Церковь, виновны за дело Христово на земле»⁷¹.

Много пришлось потратить времени и усилий членам Братства и его руководителю на поиск соответствующего помещения. В конце концов определилось, что в перспективе у них появится возможность использовать для Братства большой зал и несколько храмов. А тем временем они активно использовали те возможности, которые у них уже были.

11 марта, на праздник Торжества Православия, в храме святителя Николая Чудотворца рядом с Прохоровской Трехгорной мануфактурой была отслужена великая

Объявление о лекциях

епископ Барнаульский Гавриил (Воеводин) начал свое слово с объяснения смысла праздника. Затем выступили члены Поместного Собора: миссионер Михаил Александрович Кальнев, рассказавший о происходившем в то время в России — убийствах, грабежах и раздорах, раздирающих русский народ, и протоиерей Емилиан Бекаревич, сообщивший о трагических случаях, когда верующие остаются без таинств.

Затем выступил протоиерей Роман Медведь. Грозный и строгий его вид, по воспоминаниям очевидцев, как будто олицетворял всю трагичность переживаемого времени. «Братья и сестры, — сказал он, — народ, провозгласивший свободу, равенство и братство, отошел от этих лозунгов, ибо свободу, истинную свободу, может дать Церковь Христова, и только в ней найдем мы свободу, равенство и истинное братство, — не будь Церкви, нет и свободы.

вечерня, начавшаяся в 4 часа дня, затем состоялся духовный концерт, вслед за которым членами Братства были произнесены проповеди. Храм был полон молящихся. Здесь присутствовали епископ и священники, хозяин и работники фабрики, солдаты и матросы, дети и старики, богачи и бедняки — все молились и слушали вдохновенные слова проповедников. Епи-

Кто против Церкви Христовой, тот против свободы, равенства и братства, тот против самого себя и братьев своих»⁷².

С проповедью выступил Федор Федорович Давыдов, преподаватель Виленской гимназии, живший в то время на патриаршем подворье в Москве. Богослужение вместе с проповедями завершилось в 8 часов вечера, и хотя люди простояли четыре часа, но «не чувствовалось ни малейшей усталости, наоборот, хотелось еще больше и больше упиться мне, жаждущему, из этого колодезя воды живой»⁷³, — вспоминал очевидец.

29 апреля (12 мая) для проведения лекций Братству была отдана 1-я юридическая аудитория Московского университета, в которой собралось в тот день около семисот человек. Здесь были и представители интеллигенции, и представители простого народа.

Первым выступил отец Роман, тема его беседы была — религия спасет Россию. «Только религия, — сказал он, — является основой всякой культуры; спасение наше в религии; если она доселе не спасла нас, то потому, что мы были плохие христиане; наша жизнь вовсе не была построена на основах веры. За это Бог и послал на нас разные тяжкие наказания. Необходимо исполнить правду веры в жизни, организовать на основах христианства все стороны жизни. В ужасах, нами переживаемых, виновны решительно все: и интеллигенция, заразившая народ безбожным социализмом, но виновны и люди церковные, виновны священники, что не уберегли своих чад и из интеллигенции, и из народа, виновны и все верующие, что не привлекли к себе Божественной силы, что не выставили из своей среды такого количества праведников, ради которых Бог помиловал бы Россию. Наши обеты крещения почти никем не исполнены. Своему священству миряне не помогают; своею отданностью Богу они должны бы

привлечь особые Божии дары, но они их не привлекают, потому что не исполняют обетов крещения. В нас почти вовсе нет основ общественной святости, что непременно требуется от Братства о Христе.

Наши общественные и экономические отношения были полны неправды. Только этой неправдой и питался безбожный социализм, объявивший борьбу и всякой религии, и всякой нравственности. На Западе безбожный социализм не представляет такой опасности, потому что там существует стремление осуществить христианскую правду в жизни во всей полноте. Весьма интересно на Западе — в Англии, Баварии, Австрии, Франции, Бельгии и т. п. — явление так называемого христианского социализма, во главе которого встало местное духовенство. Социализм христианский имеет в виду построить истинно по-христиански, на основах взаимной любви все отношения хозяйственные, прийти в этом отношении на помощь народным массам и уже успел сделать весьма много для народа. Христианские социалисты остаются во всём верными сынами Церкви, исповедуют все догматы и учение Церкви, подчиняются во всём законной церковной власти, всем церковным законам. Новое, что они желают, — это осуществить и провести христианские основы братства и справедливости в отношении труда и производства. <...> Но, конечно, решение христианское не всем под силу, так как оно требует глубокого самоотвержения и самоограничения во многом. Хозяйственные отношения должны быть построены на основах чистого и нелицемерного братства, чтобы не было никакой лжи и нечистоты во взаимных отношениях, чтобы не повторялись случаи наподобие поступка Анании и Сапфиры*. Лучше меньшее

* См.: Деян. 5, 1–5.

самоотвержение, но в правде и чистоте, лучше отсутствие общения в имуществе и труде, чем ложь и неправда»⁷⁴.

После небольшого перерыва собравшиеся спели «Воскресение Христово видевше...». Следующим выступавшим была прочитана лекция на тему «Религия и народное творчество». Затем В. Т. Гузов сделал объявление о задачах Братства и о том, когда и где состоятся ближайшие собрания. Третья лекция была прочитана И. В. Борисовым, который говорил о евангельских притчах — о сеятеле, о блудном сыне и о десяти девах.

Заключительное слово было предложено сказать протоиерею Роману; он зачитал две поступившие к нему записки. Автор первой записки писал, что согласен с отцом Романом в том, что при осознании общей вины следует идти путем взаимного прощения и любви и гасить в себе инстинкты злобы, ненависти, мести. «Но тогда как же быть с войной — воевать нам дальше или нет?» — спрашивал он, имея в виду, что Мировая война еще не закончилась.

Отец Роман ответил, что это вопрос праздный, — сначала нам надо объединиться в христианское братство, а то теперь и воевать-то некому. А когда народ соединится в братство, тогда будет ясно, надо ли нам воевать или не надо.

Во второй записке отца Романа упрекали в том, что он говорил о социализме, вместо того чтобы говорить о Христе. Слушатели возмущенно зашикали на писавшего, видимо невнимательно слушавшего, о чем говорил священник.

В заключение отец Роман обратился к собравшимся со словом, напомнив им, что с самого начала у христианства были противники и были еретики. О них Сам Спаситель говорил и святые апостолы. Современным богопротивником и союзником сатаны является проповедуемый

Карлом Марксом безбожный социализм, произведший у нас в России столько бедствий и столько живых душ увлекший в сети злобы, ненависти и убийства. И этого врага мы должны обличать. Но поскольку он питается исключительно нашей общественной неправдой, то наша обязанность — осуществлять во всём Божию правду и, в частности, в экономической жизни. Мы сможем победить безбожный социализм, если вырвем у него из-под ног почву, по-христиански устроим свои трудовые и производственные отношения. И если нас при этом назовут христианскими социалистами, то мы не станем против этого протестовать. На путь христианского социализма стали христиане других стран, и ничего, кроме пользы для Церкви и народа, из этого не последовало.

Последнее слово отца Романа произвело на слушателей огромное впечатление, и одна из присутствующих женщин с горечью заметила, что действительно все виновны в бедствиях Родины, но во многом здесь виной была не народная темнота, а та литература, с помощью которой развращали народ. Отец Роман согласился с ней, но заметил, что в этом случае единственным выходом бороться с развращающей литературой — это противопоставить ей положительную литературу, чем по мере сил и занимается Братство. Оно также озабочено нравственным оздоровлением народа, посылая для исцеления нравственных недугов проповедников христианского учения.

После того как руководителем Братства стал протоиерей Роман, оно развернуло широкую организационную и проповедническую деятельность в Москве. Уже не только сами члены Братства изучали и проповедовали среди своих членов Священное Писание и основы православной веры, но Братство направляло в московские храмы проповедников, которые с благословения настоятелей

произносили проповеди во время богослужения. 2 февраля в храме Рождества Иоанна Предтечи за Пресней состоялись выступления проповедников, перемежаемые духовными песнопениями. В тот же день подобное выступление состоялось в храме Святой Троицы в Лужниках, 4 февраля — в храме святого Ермолая на Садовой, 11-го — в храмах святителя Спиридона на Спиридоновке и Богоявления в Дорогомилове, 18 февраля — в храмах Покрова Пресвятой Богородицы на Красносельской и Воскресения Христова в Монетчиках, 25 февраля — в храмах Девяти мучеников Кизических в Девятинском переулке и святителя Василия Кесарийского на Тверской, 4 марта — в храмах Казанской иконы Божией Матери и Николая Чудотворца в Хамовниках и в тот же день — в храме великомученика Димитрия Солунского на Страстной площади. Члены Братства проповедовали не только в пределах Москвы, но и в ближайших к Москве городах. 13 марта Братство командировало для проповеди в город Кимры священника Александра Гомановского. Чем дальше, тем успешней и активней развивало Братство проповедническую деятельность, организовывая выступления проповедников одновременно в трех, а иногда и в четырех храмах в один день, как например 25 марта, — в храмах святого Панкратия близ Сухаревки, апостолов Петра и Павла на Лефортовской улице, апостолов Петра и Павла у Преображенской заставы и святителя Николая, что на Щипке. Во многих из них непосредственное участие принимал отец Роман, произнося проповеди и участвуя в дискуссиях.

Многие приходы, где выступали проповедники Братства, воспринимали это с большой благодарностью. Иногда приходские советы и священники направляли Братству благодарственные письма. «Церковно-приходской совет церкви святого Димитрия, что на Тверской, сим почитает

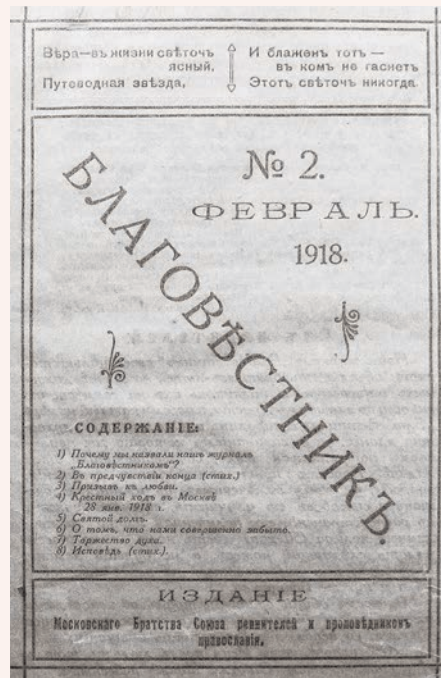
своим приятным долгом, — говорилось в одном из писем, — принести сердечную благодарность от лица нашего прихода Совету Братства за присылку проповедников за поздними обедами в воскресные и праздничные дни, а также за помощь, оказываемую Братством при устройстве по четвергам братских бесед, которые привлекают все более и более народа и в сильной мере способствуют оживлению приходской жизни и возвышению духовной настроенности окружающего населения.

Приходский совет питает надежду, что и в будущем Братство не откажет ему в своей братской помощи, командировав проповедников за богослужениями, а также на братские собрания по четвергам»⁷⁵.

Однако настоятели и прихожане некоторых храмов, несмотря на осознание ими насущной необходимости той положительной деятельности, которую вело Братство в помощь московским приходам, очень медленно отходили от той духовной спячки, с которой они свыклись в предшествующий исторический период, воспитавший в мирянах и в духовенстве пассивность, так что иногда могло показаться, что для того, чтобы исполнить заповедь Христову, им было необходимо сначала испросить письменное разрешение начальства. Настоятель храма Дмитрия Солунского у Тверских ворот протоиерей Василий Быстрицкий заявил приходскому совету, что архиепископ Коломенский и Можайский, викарий Московской епархии Иоасаф (Каллистов), благословил членам Братства, не посвященным в стихарь, выступать с проповедью только после отпуста. Приходской совет был в недоумении от подобного заявления, так как выступление проповедника было желательным как раз во время богослужения, а не после того, как большая часть прихожан разойдется. Но поскольку выступления проповедников приносили явную пользу,

то приходской совет просил ходатайства Братства перед архиепископом о снятии «ограничения с проповедников, не посвященных в стихарь, о котором доложил совету отец протоиерей Быстрицкий»⁷⁶. На эту просьбу архиепископ дал ответ, написав: «Вопрос о проповедниках из мирян не возбуждался, и указанного здесь ограничения для них, насколько помнится, не было поставлено. По крайней мере такой резолюции нет. И поэтому снимать эти ограничения нужды нет»⁷⁷.

Братство, возглавляемое протоиереем Романом, активно занималось издательской деятельностью, что можно было делать в то время, опираясь исключительно на веру, так как в окружавшей действительности относительно издательства религиозных книг ничто не сулило никаких перспектив. Но для верующего человека было очевидно, что пришло время исповедничества, время делания, время показать веру из дел. Так было во времена апостолов, так было во времена мучеников и преподобных, когда мир также или пребывал в греховном сне, или готов был в него погрузиться. Это была жизнь по вере. И Братство в 1918 году стало издавать журнал «Благовестник». К тому времени, когда Братство возглавил протоиерей Роман, был выпущен первый номер журнала, а затем уже при его активном участии — организационном, авторском

и редакторском — почти одновременно были опубликованы два следующих номера. Средства на издание брались не из тех, что жертвовались членами Братства на общую деятельность, и в частности на благотворительность, а из тех, что давали жертвователи исключительно на издательские проекты.

Во втором номере журнала, когда отец Роман стал его главным редактором, была опубликована вводная статья, объясняющая, почему журнал назван «Благовестником».

«Благовествует наше Братство Спасителя живым словом в храмах Московских, — писалось в редакционном напутствии, — желает благовествовать и словом печатным при посредстве своего журнала. <...>

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что проповедь наша будет тщетна, если она не есть плод нашей собственной жизни. Только такая проповедь будет живою и действенною, которая вытекает из глубокого сердечного убеждения, не есть плод умственных изысканий, а есть результат сердечных переживаний, когда уста говорят от полноты сердца. Мы знаем это, в этом глубоко убеждены и в этом только видим надежду на подлинный успех нашего дела. <...>

Возвещая слово Божие, Братство наше и наш журнал ставит в качестве своей ближайшей цели собирание на лоне Церкви Православной в дружные братские семьи всех братьев, которые заодно с нами хотят жить по Евангелию. <...>

Доселе некоторые из нас кое-как еще старались исполнять слово Божие в личной жизни, но почти все забыли о долге исполнения воли Христовой в жизни общественной. Вот почему и посетил нас Господь сначала тяжестью войны и сопряженных с ней потрясений, а потом полной государственной разрухой, попустил, чтобы власть в нашем

Отечестве перешла в руки неверующих, не признающих никаких Божеских законов, попустил, наконец, разразиться над Святой Церковью страшному и беспримерному гонению, воздвигнутому этой безбожной властью.

Переживаемые нами ужасы нам не будут страшны, мы осилим их, но только в единственном случае — если будем со Христом, если покаемся, если и в личной и в общественной жизни церковной постараемся исполнить волю Божию до конца»⁷⁸.

Отец Роман в своих размышлениях вновь и вновь возвращался к вопросу о том, почему стала возможна духовная и материальная разруха в России, почему стали возможны гонения на Церковь. И приходил к выводу, что прежде всего — от неисполнения долга личной и общественной святости. «С точки зрения личной святости дело у нас не так плачевно, — писал он в статье в журнале „Благовестник“. — Этот долг, хотя и забыт многими основательно, но не всеми, — но уже совершенно забыли мы о долге нашем поддерживать, кроме личной святости, еще и святость общественную, общецерковную.

Господь ясно требовал от общины христианской не только личной святости, но и святости общественной. <...> „Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, то возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось каждое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви; а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь“. „Истинно говорю вам, что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, будет разрешено на небе“. <...> Оказывается, что упорство даже в одном грехе, даже и против одного брата с неуклонностью ведет

к отлучению от Церкви. <...> Спросим же себя: а наша-то церковная практика разве основана на слове Господнем? Можно многократно и многих обижать, и никто на это не обращает ни малейшего внимания. Загордились мы <...> не обращаем внимания на разорение Церкви взаимными обидами, в Церкви остаются те, кто на это не имеет никакого права, и своей злобой и нераскаянностью превращают вертоград Христов в обычное злое человеческое сообщество. Мы забыли совсем, что мы обязаны заботиться не только о своем спасении, но и о спасении наших братьев, что мы не смеем мириться не только с грехом своим, но и с каждым согрешением против нас братьев. Мы себя вполне успокаиваем, если в сердце прощаем обидчику и не помним об обиде. Но Господь показывает, что этого мало. Господь требует от нас большего, а именно: чтобы мы не мирились с тем, что брат пал, и, несмотря на свою обиду, помогли бы ему встать и обиду загладить. Ведь грех гораздо хуже обиды, и обидчик, как справедливо говорит в одном месте святой Иоанн Златоуст, гораздо более обидел себя, чем свою жертву; даже более того, говорит святой отец, „ничто и никто человека не может обидеть, может человека обидеть только он сам, своим собственным грехом“. Это — подлинная обида, потому что от нее гибнет душа, а прочие обиды — внешние, касаются только тела, а посему, строго говоря, и не обиды, потому что лишиться Царствия Божия человека не могут. Вот я, обиженный, по слову Господа, и обязан помочь обидевшему свою душу. Я обязан помогать ему неуклонно, в строгой последовательности, сначала один на один, потом, если не послушает, с одним или двумя другими братьями, и наконец если их не послушает, то должно сказать Церкви. Если же Церковь преслушает, то отлучается от нее и становится на положение язычника и мытаря.

Обратите еще внимание. Сказано: если послушает брат, то ты приобрел брата твоего. Значит, брат потерян даже после одного прегрешения против одного, и его нужно приобретать.

Где же у нас ныне о Христе братство? Тщетно ищешь годами, чья же душа наконец откликнется на братский призыв? Взываешь к мирянам, взываешь и к пастырям — и нигде не находишь подлинного братского отклика.

Да, подлинно мы забыли слово Христово о том, что надо все усилия употреблять, чтобы сохранять чистым о Христе братство. Посему и блуждаем в Церкви, как в пустыне. Там, где должен быть для нас всех земной рай и начало блаженства, там так же, как и на распутьях мира сего, — одна пустыня духовная, гордость, злоба и обиды.

Но восстанем, братья, — пора, страшная пора! Мы защитим родную Церковь только лишь тогда, когда наконец, как истинные братья, соединимся во Христе, не мирясь не только со своим, хотя бы и одним грехом, но и с одним прегрешением против братства каждого нашего брата»⁷⁹.

Придавая большое значение объединению православных в союзы, общины и братства, начинающиеся хотя бы и с нескольких человек, протоиерей Роман опубликовал листовку с призывом к православным объединяться, чтобы приступить к восстановлению истинного братства во Христе, начиная с самых малых церковно-общественных ячеек. Этот призыв вызвал у некоторых православных опасения, не примут ли такие ячейки сектантский характер и не станут ли они на путь отделения от Церкви. Считая, что организация братств и вообще братские, христианские отношения имеют огромное значение, отец Роман полагал, что этот вопрос имеет не частный, а общецерковный характер, и потому посчитал необходимым ответить на него публично.

«Отдаем должное и Вашей ревности по Богу и Церкви Православной, а также Вашей опасливости, как бы мы не свернули с путей православных, — писал он в ответ на эти опасения. — Видим здесь проявление любви и к Богу, и к ближнему. Но опасений Ваших не разделяем. Из-за страха перед сектантами Вы готовы им уступить то, что составляет священное достояние Церкви Православной.

Вы почему-то забыли, что наша Православная Церковь — единая, великая, обнимающая сотни миллионов — потому и истинна, что составлена из малых братских ячеек, где два и три сходятся во имя Христово и из этих малых ячеек постепенно складываются во всё большие и большие братства и наконец во единое о Христе братство всех православных.

Великое воинство Христово в Церкви Православной ведь не может быть нестройной кучей не связанных между собой камней. Наоборот, в Церкви всё полно взаимно переплетающихся связей, и именно: в первой степени мельчайшие церковно-общественные ячейки из двух или трех братьев, далее из того или иного собрания этих ячеек составляется церковная община — например, приход или монастырь, из суммы приходов-общин составляется епархия, из суммы епархий — Церковь Поместная и т. д.

Почему Вас пугает братство двух или трех собранных во имя Христово?

По Апостолу, даже отдельные христиане являются храмами живущего в них Духа Божия, а Вы боитесь, что из самого малого братства во имя Христово почему-то должно исчезнуть православие. Да православие прежде всего и сказывается в Церкви в том, что оно есть о Христе братство даже в самой основной своей ячейке, составленной из двух-трех. <...>

Нас крайне огорчает то, что Вы стоите на том пути подозрений и опасений, который так много вреда принес Православной Церкви. У нас всего боялись да опасались, а посему ничего не делали, убивали всякую добрую церковную инициативу и, как лукавые рабы, растеряли массу церковного достояния; из-за этих несчастных опасений и подозрений почти совсем размотали ту любовь и доверие, которые составляют основу церковного строения и которыми так крепки были наши предки — православные.

Мы не боимся, что сектанты используют нашу листовку в свою пользу. Мы, наоборот, убеждены, что ее распространение для них будет крайне невыгодно: всякий, читающий листок, убедится, что основная церковная ячейка из двух или трех вовсе не является исключительной принадлежностью сектантства, на чем они постоянно настаивают в своих нападках на православие и чем соблазняют многих православных. О Христе братство, начиная от двух или трех, собранных во имя Его, есть наше основное православное достояние, а посему нет никакой нужды идти за этим братством к сектантам, а, наоборот, это братство нужно искать и восстанавливать у себя, на лоне Православной Церкви. Мы, православные, страшно ослабели, а посему необходимо нам начать покаянное служение Церкви, начиная от самого начала, то есть со строения православного братства уже в общении двух или трех. Верный в малом, будет поставлен над многим. Верный в самом малом общении православном — общении двух или трех научится быть верным и в широком церковном общении»⁸⁰.

Размышления о том, почему в России наступила столь ужасающая разруха, когда, казалось бы, при массе православных крещеных людей этого не должно быть

и близко, невольно возвращали мысли отца Романа к обетам, даваемым людьми в таинстве Крещения, к тому, насколько они исполнили эти обеты и исполнили ли они их вообще. Напомнив, какие обеты даются при крещении и кем и как они должны исполняться, отец Роман писал: «Если бы родители и восприемники точно исполняли свои обязательства по отношению к детям, можно смело сказать, что из 100 случаев в 99-ти дети становились бы прекрасными, зрелыми христианами. Если бы и те и другие учили детей с усердием, им бы бесконечно помогала непрестанно почивающая в крещеных благодать святого крещения и миропомазания. <...>

На архипастырях и пастырях лежит обязанность учить всех членов Церкви — и детей, и взрослых, а посему, если им не будут помогать сами верующие, пастырям будет чрезвычайно трудно обучить всех.

Пастырям должны помогать восприемники и родители. Священникам должно принадлежать руководство, а самое исполнение дела лежит по преимуществу на восприемниках. <...>

Если бы дело воспитания детей было бы поставлено как следует, то в определенное время, например к 14–16 годам, восприемники и родители должны бы приводить выросшего юношу и девушку к священнику, чтобы он побеседовал с ними (если понадобится, неоднократно) и путем беседы убедился, что приведенный действительно наставлен в христианском учении, как следует, и имеет надлежащие христианские навыки в исполнении заповедей Господних. <...>

Подумайте же теперь, братья, в каком трагическом положении оказываемся мы, все православные, вследствие того что обнаружение этого поворотного момента в жизни каждого верующего *оставлено исключительно на произвол*

отдельных лиц и что со стороны общецерковной в этом отношении не делается решительно ничего.

Подумайте. Младенец крещен. Крещены все 114 миллионов православных русских. Но кто же из этих миллионов не духовный младенец? Гораздо хуже! — кто не отпал от Христа, кто нелицемерный христианин? Кто христианин истинно возросший, сознательно отдающий себе отчет о своем уповании и жизнь свою совершающий по этому упованию?

Ведь таких специальных церковных действий, при помощи которых давались бы ответы на эти вопросы и велся бы точный *учет подлинных зрелых христиан, не имеется.*

Скажут — а исповедь? Увы! К глубокому огорчению, мы должны сознаться, что она у нас так неудовлетворительно поставлена в громадном количестве случаев, что и она не в состоянии поправить общее положение дела.
<...>

Нет такого церковного действия, которым бы определялась зрелость православных и делался бы им правильный учет.

Несколько лучше обстоит дело с нашим пастырством. Пастыри проходят определенные низшие, средние и высшие учебные заведения. Но, увы, наши духовные школы так неудовлетворительны, что они часто не могут поручиться не только за христианскую зрелость своих питомцев, но часто даже и за их веру. Нам известны случаи, когда во священники попадали неверующие, а в епископы — карьеристы, ищущие высокого положения и удобств жизни, как выражается один добрый архиерей, чтобы есть сладко, спать мягко, ездить в каретах и отовсюду получать знаки почтения. И как много среди нашего пастырства лиц, не отвечающих своему положению? Отчего же это? Оттого,

что в этом отношении у нас *нет такого надежного общецерковного действия*, которым проникновение в пастырство людей несоответствующих было бы исключено до последней возможности.

Ведь в течение последнего года наше пастырство публично, ужасным образом расписалось в своей бесконечной слабости. Если бы наше священство было сильно духовно, то разве наш условно сознательный, а вернее, совсем бессознательный народ мог в такой подавляющей массе устремиться на пути сатанинские и так опозорить Русь, как никогда в мировой истории не обесславил себя ни один народ? Если бы наше духовенство было сильно, то разве оно допустило бы, чтобы над нашим несчастным народом производились столь безумные, прямо сатанинские опыты, которые не прекращаются над ним доселе? Разве, если бы наше духовенство, если бы оно было сильно, допустило, чтобы сотни тысяч и миллионы чад Церкви от нее отторгались и попадали в столь ужасные сети дьявола? Конечно духовенство бы воспрепятствовало. Но в том-то и дело, что на страшном экзамене времени оно оказалось бесконечно слабым и немощным. Даже хуже, некоторые из духовных лиц, будучи сами малосознательными христианами, и сами увлеклись путями нецерковными и готовы вести по этим путям и свою паству.

Итак, несомненно, что та общецерковная подготовка, которую получают наши священники, оказывается для Церкви мало пригодной.

Что же, спросят, разве нет истинных архипастырей и пастырей? Конечно есть и те и другие, как и много верных, не преклонивших своих колен перед Ваалом, иначе врата адовы одолели бы нашу Церковь. Но спрашиваем, *где и кто они*, эти архипастыри, пастыри и верные? Кто они и сколько их точно, по счету? И далее спросим, имеют ли

они в Церкви то положение и влияние, которое должно им принадлежать для общей пользы?

Конечно, все таинства Церкви дают нам освящение. В частности, благодать святого крещения и миропомазания по воле Господней может действовать не только помимо научения, но даже и вопреки всем вредным условиям воспитывающей среды. Бывает много случаев, когда в заведомо неверующей семье дети вдруг оказываются глубоко религиозными. Нам недавно рассказывали случай, как восьмилетний мальчик из подобной семьи, настолько чуток и крепок духом веры и любви ко Христу, что не желает даже прикасаться к такой детской, купленной для него книге, которая противна вере христианской. „Я не хочу прикасаться к ней, потому что в ней пишется против Бога“.

Но ведь подобного рода явления — это *чрезвычайные* проявления милости Божией сверх того общего порядка, который установлен в Церкви Самим Спасителем как постоянное правило. <...>

Нельзя искушать Бога на постоянные чудеса! Припомним искушение Господа диаволом, который предлагал Ему свергнуться вниз с портика Иерусалимского храма. Искушение есть путь не христианский, а сатанинский.

Не учить крещеных — *грех*, и грех великий, за который страшно ответят все повинные.

В результате всего вышесказанного для всех нас, православных, и пастырей и мирян, стоит *грозный* вопрос: *что же нам в настоящем положении предпринять*, что делать, чтобы выйти из такого тягчайшего состояния?

Совершенно безнадежен путь искания виновных, чтобы учинить над ними суд, к чему в настоящее время так часто и бесстыдно прибегают в области политической сами более всех виновные в нынешних ужасах и часто не менее и в прошедших.

Наше дело не осуждать, а помогать и себе и Божией Церкви! Виновны все! И миряне виновны — виновны даже в своей темноте, ибо нет такого Божия Закона, чтобы человек, приходящий в возраст, не старался жить по совести и указаниям своего христианского сердца. Более того, по нашей вере каждый христианин в миропомазании получает благодать Святого Духа, которая его научает всему, так что по апостолу Иоанну, он даже не нуждается в учителях, так как само помазание учит его всему. Конечно, гораздо более повинны пастыри, и еще более архипастыри, потому что они поставлены быть вождями церковного народа и пастырями словесных овец. Но могут быть положения, что иные, понимающие дело миряне, но не творящие по пониманию, окажутся более виновными, чем пастыри и архипастыри, которым почему-либо это понимание или вовсе не открыто, или открыто в степени слабейшей. Всё, что не по вере, есть грех, а посему не время и не место выискивать более и менее виновных. Виновны все, и все должны участвовать в общем труде по приготовлению в Церкви лучших времен. <...>

Наше служение Христу должно быть полное, без остатка, служение чистое, без всякой примеси зла, лжи, лицемерия и лукавства.

Об этом своем решении мы обязаны свидетельствовать в Церкви Божией явно, чтобы нам друг друга знать, чтобы вместе соединиться тесными братскими узами и совместно в братстве церковном начать общие труды на пользу Церкви Божией и тех наших братьев, которые нуждаются в нашей искренней братской поддержке. <...>

Всякий из нас, думающий, что он понимает настоящее положение, будет ли это пастырь или мирянин, мужчина или женщина, пролетарий или буржуй (ибо все одно во Христе Иисусе), обязан прийти народу на помощь»⁸¹.

Готов сам идти на Голгофу, но не посылать на Голгофу других

Строитель и настоятель храма Воскресения Христова в Сокольниках протоиерей Иоанн Кедров в 1910-х годах организовал Попечительство о бедных, активно занимавшееся благотворительной деятельностью. Даже хор в храме первоначально состоял исключительно из певчих-слепых. Секретарем Попечительства стал чиновник Леонид Тимофеевич Рыбчевский. Попечительство собирало значительные денежные суммы для помощи нуждающимся. Через некоторое время стали поступать жалобы, что секретарь присваивает себе часть средств, и на Рыбчевского подали жалобы почти семьдесят человек. Было произведено расследование, вполне подтвердившее, что Рыбчевский действительно присваивал себе часть средств, жертвуемых для бедных. Будучи обличаем представленными ему доказательствами, он не стал их отрицать и был отстранен от участия в деятельности Попечительства. Прошло несколько лет, дело было забыто, и о нем уже никто не вспоминал.

Впоследствии, став одним из основателей Московского союза ревнителей и проповедников православия,

Леонид Рыбчевский писал, сколь тяжелое на него впечатление произвела фреска Страшного суда, размещаемая на западной стене храма, которую видит человек, когда покидает храм и выходит в мир. Это изображение, по его мнению, может лишь устрашать человека, между тем как Христос в ином тоне говорит о Страшном суде, не предполагая наказания, и тем более такого, какое обычно изображается в храмах религиозными живописцами.

«Не страшитесь же суда Божия, не страшитесь гнева Божия, — писал Леонид Рыбчевский в одной из своих статей, — а смотрите и веруйте, что Он Судья милостивый, что Он Бог, ваш Святой Друг, готовит вам райскую обитель и отдых от земной суеты и забот. Возлюбите же Его всей душой и сердцем и тем исполните Его заповедные просьбы к вам, а во имя любви к Нему любите ближнего и делайте ему только добро. Сердце и душа ваши будут чисты, и вы радостно будете ждать Его второго пришествия и встречи будете как своим Святым Другом»⁸².

14 февраля 1918 года на первом собрании Братства Леонид Рыбчевский, который в то время работал помощником у торговца старой мебелью и разными товарами Ивана Яковлева, был избран секретарем Братства, а Иван Яковлев — казначеем. На этом собрании, утвердившем устав Братства, а также лиц, избранных в Совет Братства, Рыбчевский, как секретарь, вел протокол, который он затем дал на подпись председательствовавшему на собрании епископу Павлу (Ивановскому) и некоторым другим, чьей обязанностью было подтвердить, что всё записанное в протоколе соответствовало происходившему. За поздним часом и по доверию к новоизбранному секретарю все подписали протокол, не читая. После окончания собрания отец Роман внимательно прочел протокол и увидел, что в нем допущены существенные неточности, например,

было опущено то, что начало собрания было предварено выступлением патриарха Тихона и что устав Братства был принят единогласно. Сам Рыбчевский уставом был недоволен, считая, что его имя должно быть внесено в текст устава как основателя Братства. Заметив, что это проявление гордости, отец Роман в присутствии старшины Братства Борисова указал Рыбчевскому на допущенные им ошибки и потребовал их исправления. Они договорились, что отец Роман напишет протокол с фиксацией действительно бывшего, а виновник ошибочного протокола заново соберет под ним подписи. Отец Роман составил заново текст протокола в двух экземплярах, один из которых был направлен патриарху Тихону.

Тем временем весть о том, что Рыбчевский избран секретарем Братства, дошла до протоиерея Иоанна Кедрова, и тот, придя на заседание Совета Братства, сообщил присутствовавшим об имевшихся несколько лет назад со стороны Рыбчевского злоупотреблениях, которые тот допустил, находясь на подобной должности. Совет Братства принял решение отстранить Рыбчевского от исполнения секретарской обязанности до времени его реабилитации в тех проступках, которые ему были предъявлены, и распорядился, чтобы Рыбчевский сдал все дела. На его место был избран временно исполняющим обязанности секретаря священник Александр Гомановский. 20 марта Рыбчевский в присутствии членов Совета дал письменное обязательство сдать дела. В действительности же, не собираясь это обязательство исполнять, он дел не сдал и, когда 23 марта отец Роман пришел к нему объясниться по этому поводу, заявил, что составленный им протокол правилен, что он не считает руководителем Братства протоиерея Романа и не признает старшину Братства Борисова, а только себя и Яковлева как основателей Братства.

Тут же выяснилось, что Рыбчевский самовольно распоряжался назначениями собраний с проповедями в храмах; без согласования с председателем и старшиной Братства он вел переговоры с настоятелями храмов, надеясь получить от них какое-нибудь материальное вознаграждение. Видя упорство Рыбчевского, Совет Братства постановил уволить его от должности и с 27 марта прекратить выплату ему жалования, как уже не имевшему к Братству отношения. Вместе с ним был уволен за занятие ростовщичеством казначей Иван Яковлев.

4 апреля член ревизионной комиссии Николай Васильевич Сальников сообщил Братству, что поручение Братства о ревизии кассы, находившейся у Ивана Яковлева, ему выполнить не удалось, так как в просьбе предъявить кассу и документы Яковлев ему отказал, заявив, что он это может сделать лишь после обсуждения вопроса о возникших недоразумениях между ним и протоиереем Романом Медведем и решения этого вопроса на общем собрании Братства⁸³. Поручение Совета Братства Николаю Сальникову удалось исполнить лишь значительно позже.

В тот же день, 4 апреля, Рыбчевский подал в Совет Братства заявление, в котором в ультимативной форме писал: «Получив извещение о том, что Совет <...> постановил уволить меня от должности секретаря Союза <...> и прекратить содержание мне по этой должности 210 рублей с 27 марта сего года, то есть <...> зная, что брат находится в тяжелом материальном положении как посвятивший себя всецело делу святой проповеди и труду в Союзе, братья, члены Совета, во имя любви христианской лишают меня, их брата, члена, совершенно всяких средств к празднику святой Пасхи, желая ему голода и горя к празднику. <...> Позволю себе <...> заявить, что не только христианские чувства, но даже и в постановлениях Советской

Всероссийской Республики есть порядок — закон современный — при устранении должностных лиц от должности или службы должен быть произведен расчет самое меньшее за три месяца окладом содержания; если же со стороны отстраненного не было ни злоупотреблений, ни нарушения и других преступлений, а играла роль личность и несправедливое отношение к нему и отстранение последует в тяжелое время года или перед праздником, то расчет должен быть произведен за пять с половиной месяцев впредь до суда, <...> в противном случае по жалобе пострадавшего взыскивается в его пользу с учреждения, а самое учреждение или упраздняется, или оштрафовывается на 3 тысячи рублей в первый раз. Здесь и последнее должно быть применено, так как с моей стороны не было ничего предосудительного, а просто послужил повод недовольствия и зла одного из членов, слухи о грехах на душе, бывших у меня, мытаря, восемь лет назад, теперь кем-то добытые и пущенные как препятствие к секретарству.

Вследствие вышеизложенного, прошу Совет, как братьев христиан, оказать мне христианскую любовь как брату во Христе, хотя и мытарю, <...> и удовлетворить меня расчетом хотя за три месяца — 630 рублей. <...> Я думаю, Совет не даст мне повода <...> справедливого удовлетворения содержания через Совет Народных Комиссаров <...> и просить о распоряжении со стороны покровителя Союза, Патриарха, удовлетворить меня за пять с половиной месяцев, а после просить о назначении общего собрания для решения вопроса об увольнении меня от должности секретаря Советом и нанесении мне обид и скорби. <...> В ожидании христианской любви ко мне как к брату, хотя и мытарю, и распоряжения Совета об удовлетворении меня расчетом <...> я позволил себе просить казначея господина Яковлева удержаться в сдаче денег до решения

Совета, или даже если его не последует, то распоряжений Патриарха, или же Совета Народных Комиссаров, или общего собрания. Срок считаю достаточным до четверга пятой недели, в какой день буду уже вынужден подать прошение в суд Народных Комиссаров, прося как следствия, так и удовлетворения меня, согласно декрету и по духу любви и правил совести»⁸⁴.

В ответ на поставленный Рыбчевским ультиматум руководитель Братства протоиерей Роман Медведь и старшина Братства Иван Борисов 6 апреля написали Рыбчевскому: «На собрании Совета 20 марта сего года, ввиду выступления против Вас по настоянию народа отца Кедрова перед Епископским советом и перед нами, наш Совет предложил Вам отстраниться от фактического исполнения обязанностей секретаря, причем Вам было обещано полное секретарское содержание, даже не ограничивая временем трех или пяти с половиной месяцев.

На эти условия Совета после 20 марта Вы не согласились. Но за целый ряд действий, противных христианскому закону и допущенных Вами в промежутки между 20-м и 24 марта, на Совете 27 марта, на котором Вы не желали присутствовать, было решено, что остаться при решении от 20 марта теперь нет возможности, и Совет был вынужден совершенно отстранить Вас от должности даже без сохранения содержания. А посему Вы заблуждаетесь, полагая, будто Вы отстранены за слухи, поднятые против Вас Сокольническим народом. <...> Вы обязаны сдать по описи те документы Братства, которые еще находятся у Вас на руках. Вы готовы дать письменную расписку в том, что, после получения от Братства материальной помощи в размере по взаимному соглашению, Ваши материальные расчеты с Братством закончены и к Братству Вы не имеете никаких материальных претензий.

Если на указанных условиях Вы готовы вступить в переговоры, то президиум предлагает Вам завтра, 7 апреля, в 11 часов дня явиться в канцелярию <...>, где будут выработаны удовлетворяющие обе стороны условия»⁸⁵.

Увидев, что деятельность Братства, связанная с финансовой стороной, отнимается у него, Рыбчевский подал жалобу патриарху Тихону, указав в ней, что протоиерей Роман Медведь будто бы единолично управляет Братством, тогда как управление должно быть коллегиальным. Такую же жалобу он подал бывшему обер-прокурору Святейшего Синода Александру Дмитриевичу Самарину. Ни тот ни другой не ответили: для них была слишком очевидной вздорность претензий жалобщика. И тогда Рыбчевский обратился в ЧК, написав, что руководитель Московского братства ревнителей и проповедников православия священник Роман Медведь занимается антисоветской деятельностью. Получив этот донос, председатель ВЧК Феликс Дзержинский выписал ордер на арест протоиерея Романа.

Рано утром 22 мая отец Роман был арестован. В 4 часа дня он должен был выступать на Славянском празднике и потому попросил хозяина квартиры, в которой тогда жил, передать, что он арестован и выступить не сможет. В тот же день отец Роман направил Дзержинскому заявление. «Около 4 часов утра 22 мая я арестован на основании ордера, — писал он. — Против моего ареста я заявляю протест и выражаю недоумение по поводу происшедшего.

Я — исключительно религиозный деятель и принципиально отделяю политику от религии, ни в каких политических партиях и организациях не участвую. Я и руководимое Братство имеем в виду организацию жизни на христианских началах. К этому я и зову тех, кто меня слушает на наших собраниях. Всегда мы настаиваем на том, что мы находимся вне политики. Власти мы

Отдѣлъ *Полит.* Годен на *одн* суток.

№ 1396

ОРДЕР.

Поручается Товарищу *Краукинцу*
 произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложеній
 запрещенія и ареста на товары *Артан Рободы*
Кисел. г. 8 кв. 4. у Метвеева и Бо-
рисова *и. в. по Ст. 101 Уголов. т. 11 к. 111.*
 в зависимости от обыска задержать гражд. *Медведева, Ром.*
и Борисова *и. в. Остальные по делу*
 и реквизировать или конфисковать его товары и оружие.

Предсѣдатель комисіи *Ф. Дзержинск*
 Секретарь *Келл*

1918 г. *май* 22 дня.

*Ордер на обыск и арест протоиерея Романа,
 подписанный Ф. Э. Дзержинским*

подчиняемся, независимо от лиц и партий, в руках кото-
 рых власть находится.

Мы протестуем против власти только в том случае,
 когда она потребует от нас исполнения противного на-
 шей религиозной совести. Но и в подобных случаях наш
 протест чисто морального характера. Мой принцип —
 самому быть готовым идти на Голгофу, но никого на Голго-
 фу не посылать и никому Голгофы не устраивать. Я прин-
 ципиально против действия внешней силой и оружи-
 ем. Я убежден в правоте своих убеждений, а посему верю,
 что единственное мое оружие есть оружие Слова Божия
 и в нем достаточно силы для победы над всяким против-
 ником, как бы ни был он внешне силен.

По вопросам социальным я придерживаюсь воззре-
 ний христианского социализма и принципиально отвергаю

как заблуждение те направления социалистические, которые отрицают религию и основы морали.

На религиозную свободу и свободу убеждений я имею право, как и всякий гражданин Российского государства. Имею, как свободный гражданин, право и на распространение своих убеждений и на идейную борьбу с разного рода заблуждениями. Так как я в своей деятельности никогда не выходил за эти пределы, никого не возбуждал против властей и постоянно, наоборот, настаиваю на том, что пути насилия и борьбы с оружием — не мои пути и не моей организации, я протестую против лишения меня свободы»⁸⁶.

Отец Роман был заключен в Бутырскую тюрьму. Василий Гузов, хозяин квартиры, где жил священник, в тот же день отправился в ЧК хлопотать о его освобождении, но через четыре дня он сам был арестован. Когда весть об аресте председателя Братства дошла до старшины Братства Ивана Борисова, он, не откладывая, отправился узнать, по какой причине тот арестован. Сотрудники ЧК попросили его прийти за ответом на следующий день. Но когда на другой день он пришел к следователю, то был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

Леонид Рыбчевский в доносе в ЧК представил отца Романа главным организатором Братства, ярким монархистом, правой рукой патриарха Тихона. 28 мая на основании характеристик, данных Рыбчевским, следователь начал задавать вопросы священнику. На все вопросы он отвечал, что о людях, о которых его спрашивал следователь, он знает мало, и не знает, где они находятся в настоящий момент. Получив от отца Романа столь незначительные сведения, следователи занялись изучением архива Братства, который был изъят при обыске.

Оказавшись в заключении, отец Роман обратился к начальнику Бутырской тюрьмы с просьбой разрешить ему совершить службу в неразоренном тогда еще Покровском храме тюрьмы. Запрос был направлен в ВЧК, но там сочли богослужение священника в храме Бутырской тюрьмы политически нецелесообразным.

11 июня к Дзержинскому с просьбой об освобождении священника обратился брат отца Романа морской летчик мичман Михаил Иванович Медведь. Он написал, что на имя комиссара Черноморского флота им была отправлена телеграмма с просьбой разрешить взять протоиерея Романа на поруки, в чем, как он полагал, отказа не будет, так как протоиерей Роман пользовался большой любовью матросов. Однако события, происходящие на юге России, могут задержать ответ. Поэтому он просит Дзержинского выдать брата ему на поруки: «у него туберкулез легких, и дальнейшее пребывание в тюрьме окажется для него гибельным»⁸⁷.

В свою очередь члены Братства по выданной им от Братства доверенности начали хлопотать об арестованных и направили в ЧК прошение, в котором отметили, что, несмотря на то что прошел почти месяц со дня ареста, обвиняемым до сих пор не было предъявлено обвинение. «Так как наше Братство никогда не преследовало политических целей, а ставило своей задачей проведение в жизнь Евангельского учения о мире и любви, то мы полагаем, — писали они, — что арест вышеназванных лиц является следствием ошибочного смешения нашего Братства с другими организациями, ничего общего с Братством не имеющими. Поэтому <...> мы просим Комиссию прекратить уголовное преследование арестованных и освободить их. А если почему-либо этого сделать нельзя, то просим сказать нам, в чем их обвиняют, и освободить их временно, до суда»⁸⁸.

27 июня материалы следствия были переданы на рассмотрение начальника отдела по борьбе с контрреволюцией Мартина Яновича Лациса*. На следующий день Лацис дал заключение, написав, что показания свидетелей, а также документы, изъятые при обыске, говорят о том, что «Братство — Союз ревнителей и проповедников православия есть общество, ставящее себе целью борьбу с советской властью, и ввиду этого» он «полагал бы дело о Медведе, Гузове, Борисове, Родионове, Тимофееве, Яковлеве, Рыбчевском передать в Революционный трибунал»⁸⁹. Из всех перечисленных только отец Роман и старшина Братства И. В. Борисов были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму. Рыбчевский и Гузов были освобождены под расписку, а члены Братства Яковлев, Родионов и Тимофеев и вовсе не были арестованы.

8 июля дело было передано из Чрезвычайной комиссии в Следственную комиссию при Революционном трибунале и поступило на рассмотрение следователю Губерману. С ходатайством об ускорении следствия к управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу обратилась Анна Сергеевна Шереметева**, которая писала ему, что люди сидят в тюрьме, а обвинение до сих пор им не предъявлено. А между тем в деятельности арестованных не было ничего контрреволюционного, как и вообще ничего политического. Она проинформировала Бонч-Бруевича, что в деле имеется прошение, которое подписали не менее шестисот

* Настоящее имя — Янис Фридрихович Сўдрабс (1888–1938).

** Анна Сергеевна Шереметева (1873–1949), фрейлина императрицы Марии Федоровны, жена последнего петроградского губернатора А. П. Сабурова, расстрелянного большевиками в 1919 году. Она была тогда секретарем Российского христианского студенческого союза. Была знакома с В. Д. Бонч-Бруевичем, благодаря его хлопотам получила персональную «лермонтовскую» пенсию, как находившаяся в дальнем родстве с семьей поэта.

членов Братства, прося освободить обвиняемых и прекратить дело или хотя бы освободить их на поруки Братства. На это прошение от следственных органов не было получено никакого ответа. Члены Братства направили аналогичное прошение председателю президиума Исполкома Моссовета П. Г. Смидовичу, но и от него они не получили ответа. Рассмотрев 17 июля заявление Шереметевой, Бонч-Бруевич распорядился, чтобы Комиссариат юстиции как можно быстрее рассмотрел дело. Председатель юридического отдела Комиссариата юстиции поддержал ходатайство и в тот же день направил ходатайство в Следственную комиссию при Революционном трибунале.

Ответа на это письмо от следователя не последовало, и спустя четырнадцать дней заведующий юридическим отделом Наркомата юстиции вторично направил письмо следователю Революционного трибунала Губерману, а копию — председателю Революционного трибунала, написав, что он считает «такое отношение совершенно недопустимым, противоречащим всем правовым основам советского порядка»⁹⁰. «Прошу повторно ускорить вышеназванное дело и, если возможно, — отпустить на поруки вышепоименованных лиц и в срочном порядке довести до моего сведения об исполнении настоящего предложения»⁹¹, — писал он.

3 августа следователь ответил заведующему юридическим отделом, что письмо с резолюцией В. Д. Бонч-Бруевича им получено, и еще до получения письма он уже приступил к активным следственным действиям. Дело расследуется в срочном порядке, и вопрос об освобождении протоиерея Романа Медведя будет решен в течение двух-трех дней⁹². 5 августа 1918 года Следственная комиссия Революционного трибунала приняла решение освободить протоиерея Романа Медведя на поруки Анны Сергеевны Шереметевой.

Дело было вновь отправлено в Чрезвычайную комиссию. 20 августа временно замещавший Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК М. И. Лацис возвратил его в Революционный трибунал. Но дело не было прекращено, и 26 августа отец Роман был вызван на допрос к следователю Губерману. На все вопросы, которые следователь задал, основываясь на доносе Рыбчевского, будто в Севастополе у отца Романа был конфликт с советской властью, отец Роман ответил отрицательно, добавив, что и у члена Братства Н. М. Соловьева не было конфликта с советской властью, как это на него клеветают доносчики, а были всего лишь неприятности с инспектором училища, где он тогда работал, что, конечно же, не одно и то же.

1 сентября 1918 года патриарх Тихон назначил отца Романа третьим священником Покровского (Василия Блаженного) собора в Москве. 6 ноября отец Роман переехал жить в Десятный переулок недалеко от улицы Малая Дмитровка.

На свои письма властям о своей религиозной позиции и отношениях с советской властью отец Роман получил письменное разъяснение от управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, который ему сообщил, что общество, руководимое протоиереем Романом, пользуется полной свободой религиозной пропаганды и его устав не противоречит советским законам.

В сентябре 1918 года протоиерей Роман был вызван к особоуполномоченному ВЧК Леониду Михайловичу Заковскому* и представил ему брошюры и устав основанного им в Севастополе религиозного братства, опубликованный еще до Октябрьского переворота и издания

* Настоящее имя — Генрих Эрнестович Штубис (1894–1938).

Покровский собор на Рву (храм Василия Блаженного)

декрета об отделении Церкви от государства. Разъяснив свою позицию и свое отношение к государству, отец Роман в бескомпромиссной и категоричной форме заявил представителю ВЧК: «Если в советской России моя работа допустима, то я просил бы не чинить препятствий, если же она не допустима, то я уеду из предела советской России в другую страну, так как не могу жить, не следуя своим убеждениям!»

Л. М. Заковский сказал, что сам он не вправе решать этот вопрос и даст ответ после обсуждения его с председателем ВЧК Дзержинским. Через два дня Заковский сообщил священнику, что Дзержинский находит его деятельность возможной в советской России и приказал дать соответствующие указания, чтобы ему не чинили препятствий в работе.

Всё это время отец Роман продолжал находиться под следствием вместе со старшиной Братства И. В. Борисовым, членом Братства Е. А. Минеевым и В. Т. Гузовым. Доносчики — Л. Т. Рыбчевский и И. А. Яковлев — превратились, по обычаю подобных расследований, из обвиняемых в свидетелей. 17 октября следователь ознакомил проходивших по делу с обвинительным заключением, из которого становилось всё очевидней, что обвинение строилось в соответствии с какой-то инструкцией, в которой, должно быть, говорилось, как следует относиться к тому, что человек пишет, говорит или думает, когда никаких его действий обнаружить не удалось. Следователь написал, что они обвиняются в организации «Братства, преследовавшего политические антисоветского характера цели, в издательстве противосоветской литературы»⁹³, а также «в распространении листов под заглавием „Кто наше правительство“ антисемитского характера»⁹⁴, поскольку на обыске была найдена листовка, в которой раскрывались

псевдонимы членов большевистского правительства. Этой листовки никто из обвиняемых не читал и не знал, каким образом она попала в архив Братства.

Еще 25 июля, на стадии следствия и суда, отец Роман пригласил быть его защитником адвоката Александра Ивановича Гавалло. Однако пока шло следствие, тот был сам арестован, и отец Роман 24 октября попросил президиум Мосревтрибунала продлить сроки ознакомления с делом и разрешить пригласить защитником Петра Петровича Лидова. В тот же день он направил ходатайство следователю Ревтрибунала, чтобы из ВЧК были истребованы все документы Братства и вся переписка. «Эти документы, — писал отец Роман, — необходимы для точного определения характера деятельности моего Братства ревнителей и проповедников православия и, в частности, что она носила исключительно религиозный характер.

Кроме того, эти документы дают возможность документального подтверждения верности многих заявлений обвиняемых и неверности многих утверждений свидетелей обвинения. Важны эти документы и для определения нравственной физиономии свидетелей обвинения, и в особенности Рыбчевского»⁹⁵.

Отец Роман просил также истребовать из ВЧК и приложить к делу подлинник доноса Рыбчевского, который стал причиной их ареста, и вызвать в судебное заседание свидетелей, в частности моряков Черноморского флота, один из которых во время захвата власти большевиками в декабре 1917 года был членом революционного комитета. Он свидетельствовал, что «протоиерей Роман Медведь во время служения в Севастополе до начала 1918 года занимался исключительно идейной религиозной работой. В политических делах отец Роман Медведь никакого участия не принимал и со стороны советской власти

и военно-революционного комитета за такую работу преследуем не был».

Также отец Роман просил вызвать свидетелем протоиерея Иоанна Кедрова, а по его указанию и других лиц, которые могли бы сказать, что причиной доноса была личная злоба доносчика. Отец Роман предлагал вызвать в качестве свидетеля известного церковного деятеля Михаила Новоселова*, который знал его со студенческой скамьи и был хорошо знаком с его мировоззрением. Он просил вызвать в качестве свидетелей и тех, кто слушал его проповеди и беседы и мог свидетельствовать об их исключительно религиозном характере. Священник просил вызвать на допрос работника госпиталя, находившегося вместе с ним в одной камере и знакомого с его мировоззрением, а также двух братьев-евреев, находившихся с ним в Бутырской тюрьме, знакомых с его воззрениями на еврейский вопрос. Однако ни один из свидетелей вызван не был, следовательно Революционный трибунал не интересовало выяснение истины, для них имели значение лишь «правильные» формулировки обвинения под приговор. 18 ноября Московский революционный трибунал распорядился явиться 22 ноября всем обвиняемым «по вопросу о применении постановления VI Чрезвычайного Всероссийского Съезда Советов об амнистии по делу... по обвинению в организации союза „Братства“»⁹⁶. 27 ноября 1918 года президиум Московского революционного трибунала постановил дело прекратить в порядке амнистии⁹⁷.

В это время отец Роман служил в храме Василия Блаженного на Красной площади. Вот как вспоминает духовное руководство священника одна из его духовных дочерей.

* Мученик Михаил Александрович Новоселов (1864–1938); память 8/21 января.

«Откажитесь от своего маленького — и Господь даст вам Свое большое» — в духе такого афоризма поучал, воспитывал и духовно растил отец Роман любимую им паству, а паства платила ему тем, что непоколебимо видела в нем своего доброго пастыря. Эта любовь и взаимное доверие привлекали благодатную помощь Божию, и через небольшой кружок ищущих душ с течением времени разрослась и духовно окрепла церковная община. Пример духовно-трудового подвига пастыря остался до конца жизни для его паствы вехой, указывающей незаблудный путь, потому что таким был его личный путь, подобный раскрытой книге поучений. У святых отцов неоднократно встречается совет: если хочешь приобрести добродетель — поживи с такими добродетельными и будешь таким. В образе его жизни паства видела подвиг и верность своему пастырскому долгу⁹⁸. «Это было в 1918 году, когда я из Петрограда <...> переселилась в Москву и квартировала вблизи Красной площади, — вспоминала она. — <...> В одно из воскресений меня потянуло в знаменитый храм Василия Блаженного. Войдя в храм, я встала впереди, непосредственно к амвону, и, когда <...> батюшка вышел на амвон с проповедью, я по-детски, не отрываясь от него глазами, слушала <...> животворящие глаголы. <...> По окончании службы батюшка стоял у раки мощей блаженного Василия, на которой лежали чугунные вериги святого <...>. Когда приблизилась моя очередь к ним приложиться, батюшка положил руку мне на затылок и крепко прижал голову к одному из крестов чугунных вериг. Под этой тяжестью его руки мое сердце всколыхнулось необъяснимым чувством счастья на земле, такой в то время страшной, мучительной по своему неустройству и неопределенности. <...>

Одаренный организаторской способностью, он мудро очищал свою ниву, высказываясь между прочим так:

„Из-за отстающих я не считаю возможным задерживать хорошо идущих“, тех, сердца которых, как губка, впитывали его наставления и претворяли их в жизнь. С его же стороны давались исчерпывающие возможности для духовного роста уже целой церкви по серьезности постановки в пору любому уставному монастырю, ибо закон „послушания“ стоял во главе направления.

Знакомился он с духовным состоянием своих пасомых <...> посредством приема в течение недели на частную исповедь. Из этих откровенных с ним бесед он познавал духовные нужды, болезни и немощи каждого пасомого. По прошествии недельного труда, когда у него таким образом накапливался материал, он, сообразно с духовным состоянием исповедавшихся на частной исповеди, как бы подытоживая, каждую субботу после всенощной проводил уже общую исповедь, в которой, касаясь всего, что

*Сень над ракой с мощами блаженного Василия,
Христа ради юродивого*

требовало исправления, преподавал и соответствующие наставления, углубляя сознание паствы в необходимости преображения по заповедям Господним. Каждому, конечно, было понятно, что [именно] в словах исповедующего касается лично его.

Послушавшим в субботу эту общую исповедь не возбранялось за <...> литургией воскресной быть причастниками Святых Тайн Божественных. Какая дивная возможность <...> для людей, во внешнем образе своей текущей жизни находящихся в толще мира сего! Ведь контингент его паствы не из монашествующих, но, напротив, обязанных нести ярмо гражданских дел либо по службе в советских учреждениях, либо учащих в высшей школе, студентов последнего курса. <...>

Добрый пастырь каждую воскресную литургию подкреплял [нас] <...> шествовать уже не одиноко, а с Господом. Силою этой чрезвычайной помощи (причащением) он и сам очевидно поддерживался, ибо каждодневно сам литургийно священнодействовал, не находя первые годы замещающих помощников, доколе они не выросли из среды его паствы»⁹⁹.

21 февраля 1919 года патриарх Тихон назначил протоиерея Романа настоятелем храма святителя Алексия, митрополита Московского, что в Глинищах, в Глинищевском переулке¹⁰⁰.

Весной 1919 года власти попытались призвать священника на военную службу, но отец Роман отказался служить как в боевых частях, так и в тыловом ополчении. «По своим евангельским убеждениям, — написал он, — я не почитаю для себя возможным участвовать не только в военных действиях, но и во всякой организации военного характера, так как через это на мою совесть ляжет

1919.

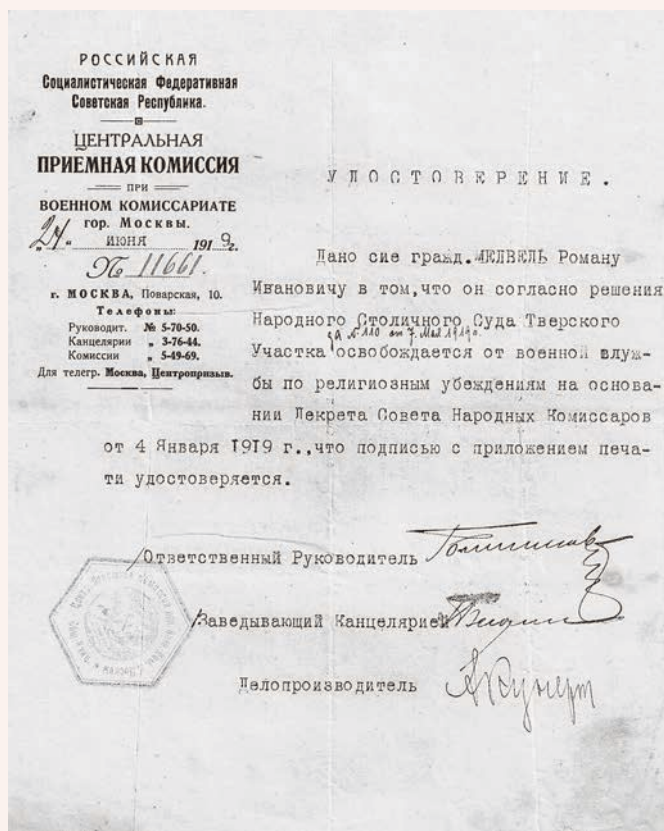
Указъ отъ Московскаго
Митрополита Святѣйшю Прото-
іереемъ Покровскаго Собора
Роману Медведю.

Принципію Ею святейшества
отъ 26 Февраля 1919 г. № 793
Нотъ перемещеніе на шибай-
ную священническую вакансію
къ Алексіевскій, на Глинницкую,
церкви, о чемъ и Таеіеіеіе Наше
сей указъ для предпріятіеіе
по принадлежностіе. 1919 г.
Смаша М. о. и. М.
Членъ Собора М. Благодѣ.
Секретарь Н. М. М.
Антонъ Владиміръ М.

Указ о перемещении протоиерея Романа
в храм святителя Алексия, митрополита Московского

ответственность в пособничестве убийства одних людей другими, что воспрещено Евангелием»¹⁰¹.

7 мая 1919 года Московский народный суд Тверского участка, рассмотрев дело об уклонении протоиерея Романа от военной службы, постановил: «Находя, что гражданин Медведь по убеждениям не может служить ни в каких военных учреждениях, не исключая нестроевых, [и] может быть полезным работником на гражданской

службе, — освободить его от военной службы, оставив при одном из гражданских госпиталей города Москвы»¹⁰². 24 июня отцу Роману было выдано Военным комиссариатом Москвы удостоверение, что он освобождается от военной службы по религиозным убеждениям.

Заведующий VIII отделом Народного комиссариата юстиции Петр Ананьевич Красиков не согласился с этим решением и подал в комиссариат юстиции докладную записку, в которой вполне выразил свое непримиримое отношение к Церкви и к священнослужителям; они, по его мнению, как сословие должны быть уничтожены. Он писал: «Из данных дела выясняется, что гражданин Р. И. Медведь является <...> служителем культа официальной Православной Церкви, не порвавшим ни в прошлом, ни в настоящее

революционное время свои связи с высшей церковной иерархией. Таким образом, Р. И. Медведь является одним из агентов буржуазии, борющимся открыто на всех фронтах против рабоче-крестьянской революции...»¹⁰³

30 сентября 1919 года состоялось очередное заседание суда. Представителем от VIII отдела на суде выступил Иван Анатольевич Шпицберг*, который заявил: «Р. И. Медведь ничем не доказал свое непротивленчество за время царизма, когда за это налагались тяжкие кары. С 1894 года он состоит в списке воинствующего православного духовенства, которое благословляло самодержавие, благословляло даже наступательные империалистические войны и поддерживало все угнетательские государственные учреждения капиталистического строя. <...> Медведь не имел со своим начальством по иерархии ни одного конфликта на почве своей якобы иной идеологии и даже по-вышался по лестнице карьеры. <...>

Когда уже началась революция, гражданин Медведь основывает религиозное Братство в Севастополе с определенным лозунгом активной борьбы с атеистами, материалистами.

В феврале 1918 года гражданин Медведь основывает общество Московского братства союза ревнителей и проповедников православия. <...>

Что же делает гражданин Медведь, основав подобное общество?

* До 1917 года — присяжный поверенный. В начале мая 1917 года по приглашению обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова некоторое время работал в Особом совещании по пересмотру вопроса о поводах к разводу. В марте того же года перешел на работу в советские органы власти. С мая 1919 года работал в VIII отделе Народного комиссариата юстиции. В 1920–1921 годах — юрисконсульт ВЧК и одновременно уполномоченный VII отделения секретного отдела ВЧК.

Он сам устав, вопреки необходимости, несет не на утверждение гражданского отдела Московского совдепа, а на благословение патриарха Тихона. <...> Это уничтожает последнее сомнение по делу и доказует, что Медведь не только не является серым чиновником <...> но, наоборот, является активным борцом врагов рабоче-крестьянской революции и его непротивленчество искренно лишь в смысле нежелания в чем бы то ни было содействовать армии Красной, а не армии Белой или Зеленой.

И в своем последнем слове гражданин Медведь не засвидетельствовал ни одного факта своей искренности, даже заявил, что напрасно будет ждать от него гласного заявления пред народом о сочувствии революции: „этого никогда не будет, — отчетливо повторил гражданин Медведь, — ибо и Царствие Божие не от мира сего“»¹⁰⁴.

Суд постановил: «... Медведь является просвещенным и видным деятелем Православной Церкви <...> и ничем не доказал, что внёс в учение православия какой-либо раскол, в частности по вопросам об отношении православия к участию в войне. Ввиду изложенного, суд не может признать искренности гражданина Медведя в вопросе об отказе от военной службы по религиозным убеждениям как лица, не порвавшего <...> с православием, а потому определил: отказ гражданина Романа Ивановича Медведя от военной службы по религиозным убеждениям оставить без удовлетворения»¹⁰⁵.

И, хотя суд отклонил просьбу протоиерея Романа, власти всё же не призвали его на военную службу.

На пастырской страде

Храм святителя Алексия, где стал служить протоиерей Роман, был построен в 1690 году, позже к основному зданию были пристроены два придела — святителя Николая Мирликийского Чудотворца и иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В 1922 году во время кампании по изъятию церковных ценностей из храма были взяты почти все богослужебные сосуды. Были оставлены серебряный позолоченный потир с диском, лжица и маленький серебряный крест. В том же году, желая восполнить утраченное, община приобрела деревянный потир со вставленным в него стеклянным стаканом. В 1921-м и в 1924-м годах община про извела за свой счет ремонт куполов и крыши храма.

Летом 1921 года Крымская ЧК разрешила выехать супруге отца Романа с дочерью

Р. С. Ф. С. Р. Действителен в течении
СЕМИ ДНЕЙ со дня выдачи.

Военно-Контрольный
п у н т
Севастопольского
ограниченного Особого Отде-
ла Особ. Отдела, Крымского

Пропуск

25/7/21 1921 года
№ 14/25

Пред'явителю сего тов.
Меркель
Анна Максимовна

разрешается проезд от ст. Севастополь
до ст. Симферополь
и обратно.

Причина поездки 12
смерть мужа

Основание: Вый. № 106
Смешан. ст. 106

Подпись гражд.
и вышестоящее удостоверение

Зав. Бюро Пропусков
/Делопроизводитель

в Москву. После их переезда в семье священника произошло событие, которое каким-то странным, почти бытовым образом показало, что у Бога все живы. В Москве дочь Ирина заболела испанкой, от которой в те годы в разных странах умерли миллионы людей. Девять суток она не приходила в сознание, так что Анна Николаевна совсем сбилась с ног, проводя бессонные ночи у постели дочери, и потеряла уже надежду на ее выздоровление. И вдруг девочка, как бы очнувшись, села в кровати и произнесла:

— Мама, я не умру, ты можешь спать.

— А откуда ты знаешь? — с удивлением спросила Анна Николаевна.

— А мне сказал мой дядя Вася, — ответила девочка.

— Какой дядя Вася? У тебя никакого дяди Васи нет.

— Как же нет?! Это мальчик, в беленькой рубашечке, в черных штанишках с черным пояском. Он мне сказал: «Ты скажи маме, что ты не умрешь, ты долго будешь жить»*. Я его спросила: «Ты кто?» — «Я твой дядя Вася», — ответил он.

Анна Николаевна рассказала об этом мужу. Отец Роман с интересом выслушал ее рассказ и затем пояснил, что у него действительно был брат, Василий, который умер в отрочестве и похоронен был в белой рубашке, в черных штанишках с черным пояском.

Служа в Алексеевском храме, отец Роман продолжил ту деятельность, которая была им начата еще в Севастополе — миссионерство среди просвещенных и мало просвещенных христиан и почти ничего не знающих о Христе, помогая им уверенней идти дорогой веры, становясь верными чадами Православной Церкви.

* Ирина Романовна умерла в 2009 году в возрасте девяти лет.

Храм святителя Алексия, митрополита Московского

Многие, благодаря помощи и чрезвычайным трудам протоиерея Романа, нашли в то время путь к Церкви. Автор книги «Оптина Пустынь и ее время» Иван Михайлович Концевич, состоявший в то время в Братстве отца Романа, вспоминал: «В этот год, благодаря мудрому руководству Святейшего патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинами из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия и т. п.

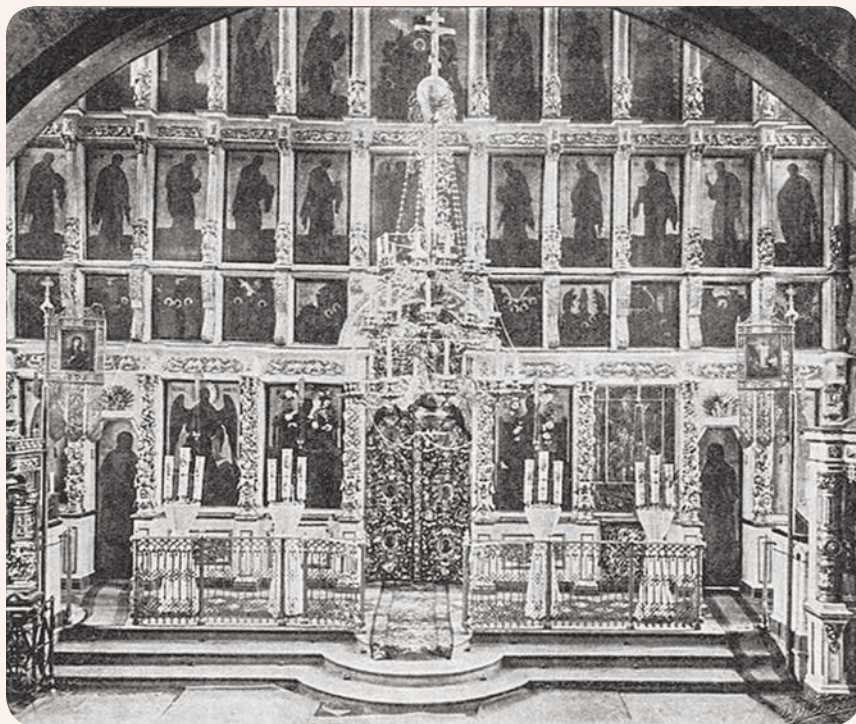
Я принимал близкое участие в Братстве святителя Алексия, митрополита Московского, во главе которого стоял протоиерей Роман Медведь. <...> К Братству были приписаны еще несколько приходских церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены Братства. В самом храме Братства ежедневно совершалась ранняя литургия, и члены могли посещать ее еще до своей службы. Три раза в неделю по вечерам были вечерние богослужения с беседами; члены Братства старались ежемесячно приступать к святому причастию и активно участвовали в работе. <...> Я имел возможность посвящать свои силы работе в Братстве, а потому это время принесло мне громадную духовную пользу; здесь я окреп духовно и начал жить в ограде Православной Церкви»¹⁰⁶.

В 1920 году к отцу Роману приехал профессор юридического факультета Петроградского университета в прошлом генерал-майор, Сергей Семенович Абрамович-Барановский, интересовавшийся религиозными вопросами, и в особенности вопросами религиозного воспитания верующих в церковных общинах. Сергей Семенович побывал у отца Романа дома, в храме, прослушал его проповеди и беседы. В 1927 году он снова приехал к отцу Роману, интересуясь той деятельностью, которая велась в Братстве. Впоследствии он указал на его пример другим, как на образец для подражания для тех, кто желает упорядочить свою духовную жизнь. Он считал особенно полезным участие молодежи в уставном богослужении, полагая, что это является лучшим средством для ее воспитания в православном духе.

Воспоминания современников отца Романа сохранили детали жизни Братства тех лет: «Шли 1920–1921 годы и всё, что с ними было связано: голод, холод, безработица, темнота на улицах — полное неустройство жизни, а в храме святителя Алексия в Глинищевском переулке на Большой Дмитровке шла глубокая, интенсивная жизнь, налаживавшаяся <...> отцом Романом.

Богослужения в храме святителя Алексия совершались ежедневно утром и вечером, а по четвергам и ночью — полунощница с пением „Се Жених грядет в полуночи“. По воскресеньям и утром и вечером после богослужений шла проповедь Евангелия; позднее, лет через пять, читались отрывки из святоотеческой литературы, проводились беседы по объяснению богослужений. Каждый из присутствующих мог задать вопрос и сам поделиться своими мыслями, после всех говорил отец Роман. <...> Он призывал к решительному покаянию за всю жизнь, сознательному повторению обетов крещения <...> и сознательному обращению ко Христу как к своему личному Спасителю.

Храм святителя Алексия, митрополита Московского

Отец Роман вводил нас в спасительное лоно Православной Церкви.

Не могло устоять... ищущее и тоскующее по Богу человеческое сердце — и потянулись ко Христу Спасителю жаждущие Бога души. Исповедь в храме святителя Алексия проводилась главным образом частная. Многие откликнулись на призывы доброго пастыря, принесли покаяние за всю жизнь, повторили обеты крещения и встали на путь послушания Церкви. <...> В храме всё делалось бесплатно, руками предавшихся Богу людей: мыли полы, зажигали паникадила, лампы, звонили на колокольне, продавали свечи, читали каноны, шестопсалмие и прочее, пели, регентовали — всё это делали свои члены Братства. Отец Роман в храме святителя Алексия воплотил в жизнь всё, что так долго носил в своем сердце.

Давшие обет послушания приносили ежедневное исповедание своих помыслов и деяний через дневники, которые передавались батюшке раз в неделю, и получали наставления по всем вопросам. <...> Шла глубокая духовная работа каждого человека над собственной душой. <...>

В то время в Церкви большим авторитетом пользовался старец протоиерей Алексей Мечев. Он очень уважал отца Романа за его ревностную углубленную работу, а когда сам лично побывал в храме святителя Алексия <...> сказал отцу Роману: „У тебя стационар, а у меня только амбулатория“»¹⁰⁷.

«Ежедневная литургия с вечерней накануне. Прием большинства в течение недели на откровение совести, еженедельная по субботам общая исповедь, многочисленные причастники каждое воскресенье; в тот же воскресный день, после вечерни, обширная проповедь на евангельскую тему, приуроченная к не всегдашним прихожанам, а для пользующихся выходным днем; по вторникам для тесного ученического кружка разбор Евангелия от Марка. По теме этих бесед способные обязывались писать рефераты и вслух всем прочитывать; по четвергам для более широкой аудитории, иначе говоря для всех переступивших порог храма, разбор Евангелия от Иоанна. Затем опять суббота в том же порядке. И так до конца года. Мы тогда и не замечали неусыпного титанического труда батюшки. Мы наслаждались, нам было хорошо: разбор Евангелий в том стиле, как их проводил проповедник, сближал нас со Христом. Он точно впервые воскресал для нас воочию, становился таким близким, любящим, спасающим, отойти от Которого невозможно, ибо сердце под сладостные речи о Нем могло отзываться только теми же словами святого апостола Петра: „Господи, куда нам идти. Ты имеешь глаголы вечной жизни“. И батюшка не уставал

Протоиерей Роман. Москва, 1920-е годы

говорить, идя навстречу жаждущим слова, <...> проводил беседы не один раз в неделю, а четыре, свободными оставались только понедельник, среда и пятница. Трудно себе представить, как [он] мог „тащить такую мрежу“ один, без помощников. Не сверхъестественно ли то, что он выдерживал, причем выдерживал, оставаясь всегда спокойным, доступным и, несмотря на сдвинутые брови, кротким по-ангельски. Чему учил, тому [и сам] был примером. <...> „Я боюсь вашего строгого лица, батюшка“, — сказала я ему однажды. <...> Он лаконично ответил: „Не смотри на лицо, а смотри на сердце“. <...> Наибольшую заботу в духе он проявлял к тем, кто принес исповедь за всю жизнь; насколько она была глубока и искренна, в той же мере он углублял и руководство. <...>

Наемных платных работников в церкви не было ни одного человека. Идеальная чистота в храме поддерживалась силами подвижниц-сестер; был довольно большой бесплатный хор при ежедневной службе утром и вечером, бесплатные чтецы, и с течением времени из своей среды были посвящены наконец в помощь батюшке два священника. <...> Всё содержалось силами и средствами ревнителей благочестия — батюшкиных послушников и послушниц. Но ведь эти ревнители не были в то же время праздными людьми, все [работали] по специальности и находили время, не щадя сил, неустанно работать в храме. Батюшке приходилось только принаравливать часы церковных служб с расчетом дать возможность не опоздать на работу. Спать, конечно, приходилось мало, но это дело привычки. <...> Старшая церковница <...> работала в Управлении железной дороги и утром и вечером обязана была присутствовать в храме, она и Апостол читала. Певчие — молодежь — также все должны были спешить после службы на работу. <...> Это были подвижники. <...>

В этом церковном „корабле“, как в Ноевом ковчеге, мы не ощущали тех страшных бурь, которые в те 20-е годы свирепствовали вовне, нипочем был и голод и холод. Одну зиму никак не могли достать дров для отопления церкви; внутренние стены покрывались ледяным налетом, [но] это не мешало нашим церковникам отстаивать длинные службы. <...> Приходило желание согреть замерзающее тело теплотою внутренних чувств, и с уст срывался вопль: „Господи, теплотою Духа Твоего Святого согрей мя“. <...> Хотя все мы спешили из церкви на работу, но делать поспешным отправлением службы ни по какому поводу не дозволялось; всё молитвословие исполнялось нарочито не спеша. И вот однажды у меня оставались считанные минутки, чтобы добежать до учреждения, и вдруг старшая церковница дает распоряжение: „Маня, читай благодарственную молитву после причастия“, я и начала тарабанить. <...> „Что ты, что ты, разве так молитву читают“. <...> А ведь сделавшая замечание и сама торопилась на работу. В другой раз я еще большему подверглась посрамлению. Начала читать часы, а состояние души было какое-то расхлябанное, и тотчас из алтаря идет посланец и отстраняет меня от чтения. Соблюдение же тишины требовал батюшка такой, чтобы в алтаре ему казалось, говорил он, что в храме нет никого. <...>

Плыл наш „корабль“, хранимый Богом, несмотря на усиливающиеся вовне неприязни; плыл и вместил в себя уже столько, что батюшке не хватало времени, не говоря сил, лично знакомиться с каждым индивидуально, то есть с их внутренним состоянием, их духовными нуждами. <...> К этому времени он подготовил уже, благодатию Божией, достаточно духовно окрепших и посредством этого надежного меньшинства организовал себе помощников, как бы „старших“ над „младшими“. Младшим дано

было послушание вести ежедневные дневники с записями работы над собой и через определенный промежуток времени отдавать на отзыв назначенной „старшей“. Старшая реагировала на записи своими замечаниями и советами, но мысли ее шли на проверку и контроль к батюшке. Таким образом батюшка, ввиду такой постановки дела, имел возможность держать в поле своего зрения и старших и младших, сокращая в то же время число приходящих к нему непосредственно, на что ему уже не хватало времени. Отмечаемый им духовный рост паствы свидетельствовал о полезности такого вида руководства. Главное, оно способствовало руководимым держаться постоянного трезвения, молитвенного самоуглубления при любых внешних условиях <...>.

У батюшки, истового организатора, были мечты расширить дело на подлинно монастырский лад при жизни пасомых в миру, но не для мира. Радость такого состояния мы уже испытали, когда гражданские или семейные дела считались жизненным послушанием, опорой которому являлось благодатное окормление кормчего. <...> Чудная небесная радость наблюдать дела Божии! Это обрадование, можно сказать, было атмосферой пасомых и росло непрерывно, оставляя позади себя даже чрезвычайные скорби. И их было немало. Совне — недоверие, критика злая, даже со стороны духовных лиц, подозрение в нарушении православного порядка, соблазнялись мелочами. Например, при длинных проповедях, как например по четвергам, для слушателей ставились стулья, скамьи для сиденья — и это относили к нарушению православия. <...> Самое разнообразное оклеветание шло со стороны <...>. От всего этого батюшка нашел защиту в лице Святейшего патриарха Тихона. Патриарх Тихон лучшим способом защиты нашего храма от нападающих со стороны духовных

*Община протоиерея Романа у храма святителя Алексия.
1920-е годы*

лиц и единомыслящих с ними гражданских взял труд приехать самому для служения у нас литургии. И приехал, послужил, благословил, обласкал. И таким образом заградил уста злословящих. <...>

В своем руководстве отец Роман любил более всего ссылаться на авторитеты апостола Петра и батюшки Иоанна [Кронштадтского]. С дерзновением он причащал свою паству каждое воскресенье, потому что и отец Иоанн был сторонником частого причащения. В вопросе о браке он любил находить ответ в послании апостола Павла: „почитаю лучшим для вас, чтобы вы оставались как я“. Мне лично <...> он говорил: „Имей в виду, замужество — это крест“»¹⁰⁸.

Первое время отец Роман служил в храме один, и весь труд богослужения, кормления паствы нёс сам. В 1921 году патриарх Тихон рукоположил в сан священника духовного сына отца Романа — Петра Степановича Степанова, которому было тогда пятьдесят пять лет,

и назначил его в храм святителя Алексия вторым священником. До рукоположения Петр Степанович посещал Православную народную богословскую академию; занятия проводились в различных храмах Москвы, часто в храме Николы на Грачах на Трубной площади, где настоятелем был священник Константин Лебедев, брат епископа Григория (Лебедева)*. Лекции читали преподаватели Московской духовной академии и других учебных заведений — В. П. Виноградов, И. В. Попов**, протоиереи Е. А. Воронцов и И. М. Громогласов***, священник С. И. Голощапов****, протоиерей Н. И. Боголюбский, среди преподавателей был и протоиерей Роман Медведь.

Другим помощником протоиерея Романа в 1920-е годы стал рукоположенный в сан священника регент храма Сергей Владимирович Веселов. Он был сыном весьма благочестивых родителей, особенно любил и почитал преподобного Серафима Саровского, часто посещал Саровский и Дивеевский монастыри. Отцу Сергию недолго пришлось быть помощником отца Романа. У него оказалось заболевание крови, и он вскоре скончался.

В это время в общину отца Романа входило около семисот пятидесяти человек. В 1921 году протоиерей Роман и некоторые из членов общины поступили в Московский археологический институт, куда поступили учиться многие московские священники, и в частности

* Священномученик Григорий (в миру Александр Александрович Лебедев; 1878–1937), епископ Шлиссельбургский; память 4/17 сентября.

** Мученик Иван Васильевич Попов (1867–1938); память 26 января / 8 февраля.

*** Священномученик Илия Михайлович Громогласов (1869–1938); память 22 ноября / 5 декабря.

**** Священномученик Сергей Иванович Голощапов (1882–1937); память 7/20 декабря.

участник Поместного Собора протоиерей Алексей Станиславский¹⁰⁹, ставший впоследствии настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе, где находятся в настоящее время мощи священноисповедника Романа.

В 1917–1918 годах в России образовался и укрепился совершенно новый вид власти — власти, вступившей в длительный период гражданской войны со своим народом при использовании одной части народа против другой — с помощью демагогических призывов или через соучастие в преступлениях. Власть создала для ведения этой войны и специальный карательный орган — Чрезвычайную комиссию, полномочия которой в иные периоды далеко выходили за пределы разумного для подобного рода организаций. Обыкновенно такие специальные органы создавались для защиты народа. В советской России они были созданы для войны с народом, когда сотрудники разведки внедрялись в народную среду как в чужеродную и тем самым определяли себя как народу враждебные. Когда-то предательство Иуды, совершенное им по сребролюбию, оправданное тогдашней властью по соображениям собственной выгоды, всё же считалось позорным, и «цену крови» не посчитали возможным внести в церковную сокровищницу. Но пришло овечье позором и сопровождаемое нравственным разложением время, когда позорное — перестало быть позорным и предательство было возведено в ранг гражданского долга. Сотрудники Чрезвычайных комиссий усиленно занимались массовым набором иуд, которые должны были предавать друзей, братьев и сестер, жен и мужей, духовные дети — своего духовного отца, а духовный отец — духовных детей. Вербовка иуд, которых карательные органы называли «секретными

осведомителями», затрагивала учреждения и заводы, учебные заведения, деревни и села, епархии и приходы. На сребреники, отнятые у ограбленного народа, покупались иуды для предательства самого же народа. Это было явление невиданного доселе масштаба и преступление против миллионов человеческих душ. Люди вместе жили, учились, работали, общались, участвовали в богослужении, а затем — писали доносы в карательные органы власти, убивая ими свою душу. Так была убита и развращена значительная часть населения.

Начиная с 1918 года за Русской Православной Церковью было установлено тщательное наблюдение — за архиереями, духовенством и прихожанами. Церковь воспринималась властью как вражеский стан, который нужно было окружить и уничтожить, а перед этим поставить под полный контроль. Наблюдение карательных органов было установлено над всеми московскими храмами через внедренных в среду прихожан осведомителей, которые после богослужений и слушания проповедей направляли свои доносы в ЧК. В иных случаях отчеты о жизни прихода составлялись штатными сотрудниками ЧК, посещавшими с этой целью богослужения.

Уровень понимания и образования их был настолько низок, что зачастую они превратно понимали то, о чем говорили священники в проповедях. Секретные осведомители об общине протоиерея Романа писали: «Довожу до Вашего сведения, я вхожу в новую общину в храме святителя Алексия митрополита на Тверской в Глинищевском переулке; там следующие правила послушания обязательно исполняют, всё, что скажет настоятель этого храма отец Роман. Там беседы по четвергам и вторникам; кроме того, бывает собрание два раза в неделю, но туда не все

допускаются члены общины, там бывают только члены тесного кружка. Я вчера имела разговор с отцом Романом, чтобы меня приняли в общину тесного кружка. Он дал согласие на это, но с условием, чтобы я исповедовалась и покаялась ему во всём, в чем я согрешила, и каждый месяц должна это исполнять; говение будет каждый месяц, пояснил отец Роман. Тогда я сказала: по закону не должны мы так часто говеть. Отец Роман мне ответил, что мы отживаем последние дни, скоро будет война...»

«26 мая в церкви Алексия митрополита на Тверской в Глинищевском переулке духовное собрание в храме после всенощной. Чтение Евангелия и пение всех молящихся. Отец Роман просил верующих приносить пожертвования в пользу интеллигенции, которая в настоящее время голодает...»

«Довожу до Вашего сведения о происходящем в церкви Алексия, митрополита Московского. Там происходят дневные вечерни, после которых три раза в неделю бывают собрания. Многие собираются в церковном доме в одной квартире, и туда ходит отец Роман, где они ведут частные беседы...»

«9 июля во вторник в церкви Алексия митрополита... собрание и церковная беседа религиозного характера из Деяний апостолов... Говорил отец Роман из Евангелия о крещении Иоанна и о крещении Иисуса Христа, четыре часа; была беседа только религиозного характера... 14 августа в храме Христа Спасителя общее чтение; будет Преосвященный Тихон и скажет всему православному народу на тему о голоде, и просил отец Роман всех пойти и послушать, какие мучения терпит православный народ от неурожая, и просил отец Роман всех, кто что может, пожертвовать в пользу голодающих. По субботам общая исповедь».

«Началась служба в половине седьмого вечера; по окончании службы... был поставлен стол и кругом стулья для собрания; перед собранием пропели молитву „Царю Небесный...“, и отец Роман поставил вопросы:

- 1) О нашей интеллигенции.
- 2) О неосуждении.
- 3) О святых подвижниках.
- 4) Совершенство христианской жизни.
- 5) Об отце Серафиме и многие другие, которые не мог упомянуть...

Когда я подошел под благословение, он меня благословил и поцеловал в щеку. В два раза израсходовал денег 3 тысячи рублей на какие-то записи, не то на свечи или еще на что, не знаю...»

«После всенощной с 9 часов вечера объявил, что будет исповедь, но вместо исповеди произнес провокационную речь о жизни текущего момента; эту речь объяснил в девяти вымышленных заповедях, которые не встретишь во всех Законах Божиих... И попросил всех лечь на пол лицом, то есть встать на колени каяться, а если у кого большой грех, то написать записку и подать ему, он наложит епитимию, и простятся грехи, а после начал накрывать фартуком и прощать грех».

«Отец Роман стал говорить притчу. Он говорил о Господе и просил Его помочь нам, чтобы мы укрепили веру в неверующих, и о житии отца Серафима, о его страданиях. В подробностях не пришлось расслышать, очень тихо говорил...»

«Во вторник и четверг в церкви Алексия митрополита на церковной беседе говорилось из Деяния апостола Петра и Старый и Новый Завет, в четверг-пятницу ночное моление, народу было мало; каждую субботу общая

исповедь, а по воскресеньям причастие сестер и братьев, проповеди пока нет».

«Доношу, что по делу церкви Алексия митрополита была 16 августа. Сначала была всенощная, а после все пошли в переднюю церковь и сели на стулья. Священник взял Евангелие и, прочтя одну главу про Авраама, стал передавать своими словами прочитанное, потом еще и еще про Сару, Моисея, Лота, Ревеку, Иакова и так далее. Под конец он стал рассказывать про гибель Содома и Гоморры, и как про эту гибель Господь беседовал с Авраамом, и как Авраам просил пощадить город ради пятидесяти праведников, потом сорока пяти, сорока, тридцати, двадцати, десяти, на что Господь будто бы отвечал, что пощадит даже ради десяти праведников; после этого священник сказал, что если бы на нашей земле были бы праведники, то Господь не послал бы нам несчастья, значит, их нет; надо нам, христианам, стараться заслужить Царство Небесное, а для этого нужно делать то-то и то-то. После нескольких пустых вопросов, заданных ему присутствующими на эту же тему, собрание кончилось. Все хором пропели молитвы и стали расходиться».

Основываясь на подобного рода «сообщениях», власти распорядились арестовать протоиерея Романа, обвинив его «в контрреволюционной антисоветской агитации посредством проповеди»¹¹⁰. Сотрудникам, отправленным производить обыск, предписывалось: «Искать контрреволюционную переписку, арест обязателен»¹¹¹. 7 сентября 1921 года отец Роман был арестован.

После его ареста одна из осведомительниц направила заведующему Секретного отдела доклад: «Во вторник, 6 сентября, в церкви Алексия митрополита была беседа церковная, чтение Евангелия, послания к евреям; была долгая беседа, отец Роман сказал, обращаясь к молящимся:

„Сестры и братья, в Москве и в других городах опять начались аресты, вот Комитет голодающих — опять все арестованы, и, наверно, нас всех, священников, посадят... “ В среду на четверг, 7 сентября, был арестован отец Роман. И на всех это произвело ошеломляющее впечатление, сестры даже друг с другом не хотят говорить, все плачут; ночное моление с четверга на пятницу, народу мало, беседы не было, молились о здравии Романа».

Моя работа исключает всякое двоедушие и лицемерие

После ареста протоиерей Роман был заключен в камеру № 6 тюрьмы Московской ЧК, располагавшейся в Большом Кисельном переулке. Его долго никто не допрашивал, и на двенадцатый день заключения священник написал заявление в Коллегию Московской ЧК, требуя вызова на допрос для разрешения «недоразумения».

24 сентября 1921 года он был вызван на допрос. Изложив следователю историю своего ареста в 1918 году, содержание бесед с управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем и особоуполномоченным ВЧК Л. М. Заковским, которые, ознакомившись с уставом Братства и его деятельностью, нашли ее совершенно законной, отец Роман сказал: «В настоящее время дело у меня организовано следующим образом. Я отказался от широкой работы в разных местах Москвы и занялся исключительно организацией общины при храме святителя Алексия митрополита, что в Глинищевском переулке.

В общину — Братство принимаются все желающие, об этом заявляющие лично. А так как члены общины живут в разных районах города Москвы — для связи

у нас основан институт уполномоченных. <...> Собрания уполномоченных происходят в храме после богослужения. После Пасхи, насколько помню, было два собрания уполномоченных, а может быть и три.

Но, кроме этой организации, есть еще другая — внутренняя. К ней я подвожу широкой евангелизацией; я проповедую Евангелие и Священное Писание по воскресеньям и четвергам, кроме того, по вторникам — для лиц, желающих более основательно ознакомиться с христианским мировоззрением; по пятницам — собрания практического характера, главным образом на основании чтения отцов Церкви. По субботам обычно общая исповедь. Цель этих занятий — дать ясное представление о христианстве как чистой, святой и сильной жизни, но доступной после решительного покаяния за всю жизнь. Лица, совершившие это покаяние и желающие стать под мое постоянное духовное руководство и несколько преуспевшие в этом, — составляют институт старших сестер. <...> Старших в настоящее время человек двенадцать; по настоящему типу институт старших, ранее намечавшийся, действует с января 1921 года. Время от времени бывают собрания старших сестер. Насколько помню, последние собрания были — первое до Пасхи, а второе перед моим арестом. Старшие сестры — мои помощницы по религиозному воспитанию младших. У каждой старшей — от одной до пятнадцати младших. Состав Братства: примерно на половину — интеллигенции и простого народа»¹¹².

28 сентября отец Роман был снова вызван к следователю на допрос. «В настоящее время руководимая мною община образовалась из приходской общины и Московского братства союза ревнителей и проповедников православия, — сказал он. — Обычно община именуется Братство. Но в нем наметились жизнью следующие

посредствующие организации: 1) институт уполномоченных и старшие члены (сестры), принявшие на себя определенные религиозные обязательства; из них-то и образуется внутреннее ядро, носящее название „внутренний кружок“. Это вполне сознательные христиане; я бы только их назвал в точном смысле верующие, в отличие от проходящих курс христианского обучения, называвшихся в древности оглашенными. В настоящее время большинство христиан — номинальное. Своей задачей я ставлю подводить отдельных лиц к подлинному христианству. Подлинное христианство может быть там, где есть полная сознательность. Крещенные в детстве должны в зрелом возрасте принести покаяние за всю жизнь, сознательно исповедать свою веру и повторить обеты крещения, данные за большинство христиан в детстве их воспитателями.

Кто после подготовки решается на это, те и составляют в моей общине „внутренний кружок“. Вход в него всегда открыт, и об этом я постоянно проповедую и зову туда, как к желанной для всех цели. Конечно, не все сразу могут решиться на это, для этого нужна солидная подготовка, почему иные готовятся к этому делу месяцами, а иные и годами. Для меня лично — без сознательных членов общины нормальная работа в общине невозможна, так как только сознательность и гарантирует единство взглядов и солидарность в работе.

Собрания <...> проходят в храме святителя Алексия после вечернего богослужения, которое обычно начинается в 6 часов вечера, а в субботу в 7 часов вечера.

Материальные средства Братства очень ограничены, они складываются из добровольной складчины по усердию каждого члена в отдельности. Лично я ни от Братства, ни от храма ничего (определенного жалования) не получаю, за исключением отдельных эпизодических случаев,

но и то не из сумм Братства. Так же точно и другим членам общины постоянной материальной помощи не оказывается; помощь оказывается изредка, эпизодически, например тяжело захворавшим, умирающим от голода. Сравнительно значительную помощь Братство оказало храму. <...>

Идейная работа старших сестер сводится к подготовке младших к сознательному восприятию христианства, а технически работа выражается примерно в следующем: путем частого общения помогать, чтобы твердо шла молитва, чтение слова Божия, честное исполнение обязанностей — семейных, государственных (кто на советской службе), чтобы исполняли их как Божие дело, честно, не саботируя, чтобы нравственно были постоянно в бодрственности, а унывающим и падающим старшие сестры должны помогать поскорее встать и ободриться; если же они не в силах в чём-либо помочь, то приходится помогать мне самому»¹¹³.

5 октября состоялся очередной допрос, во время которого отец Роман изложил точку зрения на свою деятельность и на взаимоотношения Церкви и государства. «Мое отношение к советской власти, — сказал он, — определяется христианской точкой зрения. Христианин к политической власти относится в общем благоприятно, независимо от ее форм, — к царизму, демократической республике или советской власти. Основная заповедь христианская — всякая душа властям предержащим да повинуется, потому что нет власти, которая была бы установлена помимо Бога. А посему и мое отношение к советской власти не может быть в принципе иным, как только благожелательным. Апостол Павел требует, чтобы прежде всего молитвы приносились за власть. Поэтому я по своему собственному религиозному побуждению за богослужением поминаю

людей во власти сущих и им желаю спасения, как и всем людям, по тому же апостолу.

Но не только государственная, но и религиозная власть способна выходить из своих законных пределов. В таком случае верующему христианину приходится заявлять вместе с апостолами Петром и Иоанном — Бога нужно слушать больше, чем человека. И если бы я лично был поставлен в коллизию слушать ли Бога или власть — государственную или церковную, в лице хотя патриарха, — я послушаю Бога, а не человека.

Что же касается религиозной политики советской власти, то я совершенно сознательно стою на позиции отделения Церкви от государства, как указал это и перед управляющим делами Совнаркома и перед ВЧК еще в 1918 году на основании своей работы и своих изданий до Октябрьской революции. Подлинная Церковь есть царство не от мира сего, а посему она должна быть вне политики; подчинение же Церкви государству, что было при самодержавном строе, почитаю великим несчастьем и, с точки зрения христианской, преступлением. Для Церкви даже гонение предпочтительнее подчинения государству.

По вопросу о религиозной политике советской власти я нахожу удовлетворительной формулу Конституции, где власть себя ставила вне споров за и против религии. Что же касается практики советской власти в этом вопросе, то я не могу оправдать даже с точки зрения Конституции постоянное напоминание о том, что религия есть вредное суеверие, с которым нужно бороться, и явное покровительство атеизму. По-моему, это — глубокая ошибка. Власть должна себя держать в вопросах религиозных объективно и лояльно, иначе она вынуждает верующих в коллизии подчинения Богу и власти предпочитать Бога.

Что касается вопроса об отделении школы от Церкви, — я полагаю, если бы верующим была предоставлена надлежащая свобода в религиозном обучении детей в религиозных общинах, то дело религии от этого едва ли бы пострадало. Но вместе с этим почитаю ошибкой такое школьное обучение, которое, изгоняя религию из школы, в школе насаждает атеизм. Незрелому детскому уму не дается право выбора, потому что ему не предлагают дело объективно — ему навязывают часто атеизм, как ранее часто навязывали религию. Школа, отделенная от религии, должна быть отделена и от религии атеизма.

По вопросу о мощах; я не могу понять, как можно власти входить в этот вопрос, точно стоя на почве декрета об отделении Церкви от государства. Но, поскольку в связи со вскрытием мощей обнаружилось и обличено немало обмана, этому я только радуюсь, так как христианство настоящее есть свет и не терпит никакой лжи. Об одном лишь сожалею — о том, что у советской власти не было надлежащих сведущих людей по вопросам религии вообще и по вопросу о мощах в частности, вследствие чего и здесь сделано немало промахов. Например, из любого учебника по догматике можно видеть, что нетление вовсе не есть существенный признак святых останков, догматика единственным признаком считает чудотворение, — а святые мощи могут представлять и нетлеющие косточки»¹¹⁴.

16 октября отец Роман направил заявление следователю. Он писал: «На мой вопрос, в чем я обвиняюсь, после третьего допроса Вы мне только повторили предварительное обвинение — в контрреволюции. В контрреволюции я почитаю себя невиновным совершенно.

Контрреволюция есть что-то в плоскости политической, а моя работа ни в какой степени в политику не входит. Я работник исключительно религиозный, и в этой

работе я действую не произвольно, а на точных законоположениях советской власти.

Конституция разрешает свободу религиозного исповедания и свободу религиозной (как и антирелигиозной) пропаганды. Декрет об отделении Церкви от государства не воспрещает религиозных организаций; даже наоборот, только организациям — группам верующих — советская власть и передает храмы с их принадлежностями для пользования. Инструкция и циркуляр по осуществлению этого декрета нормируют проявления религиозных организаций и требуют лишь недопущения в храмы антисоветской пропаганды и агитации.

Таким образом, сама по себе религиозная пропаганда и организации на религиозной почве ничего контрреволюционного в себе не заключают. Я же в своей исключительно религиозной работе руководюсь сверх того авторитетными соглашениями с советской властью. Я имею в виду мои принципиальные сношения с управляющим делами Совнаркома и ВЧК (в 1918 году), со своей стороны гарантировавшими мне свободу религиозной работы на указанных мною основаниях. С этих основ я не сходил ни в чем, а посему свой арест и обвинение иначе не могу назвать, как печальным недоразумением.

Я вновь прошу показать мне, в чем я контрреволюционер? Предъявляя обвинение в контрреволюции, представители советской власти должны руководиться ясно сформулированным законом, который бы гарантировал граждан и самую власть от личного произвола и усмотрения отдельных лиц и учреждений.

Я такого закона не знаю, он Вами мне не предъявлен, а посему в понимании контрреволюционности я представлен собственному моему уму и моей совести.

Под контрреволюцией я понимаю сознательные отдельные или организованные действия и факты, направленные к политическому ниспровержению советской власти путем внешней силы. Такими контрреволюционными действиями будут: борьба с советской властью в армии белых, вооруженные восстания и их подготовка, прямая или косвенная их поддержка материальными средствами; при более распространительном толковании контрреволюционными можно назвать разные формы агитации против советской власти, распространение соответствующих книг и литературы вообще и устную агитацию. Ни в одном из перечисленных действий ни я, ни руководимая мною организация неповинны.

Всякая политика, как область насилия (вооруженная сила — *ultima ratio** всякой политики и государства), находится вне плоскости моих действий. Как чистый христианин — для себя и для моих верных последователей я принципиально отвергаю всякое проявление насилия, внешнего и внутреннего. Как бы ни обижали меня и моих последователей, я не считаю возможным отвечать на них насилием. Для себя считаю обязательным терпеть всё до насилия смерти включительно, но отправить на Голгофу или кому-либо устраивать ее считаю для себя невозможным; такова и моя религиозная организация. Ясно, что в ней не может быть и тени контрреволюции как противления советской власти силою. Я и моя организация не можем, не изменяя себе, и поддерживать какие-либо организации, то есть насильнического контрреволюционного характера. И я и моя организация в этом неповинны.

Контрреволюция, как и революционная власть, находится в области политики — мира сего. Моя организация — не от мира сего, вне политики. Ни я, ни моя

* *ultima ratio* (лат.) — последний довод.

организация неповинны в контрреволюции и в более широком смысле — никакой, ни устной, ни письменной, ни печатной агитации против советской власти мы не вели.

Когда мне с кафедры приходилось затрагивать те или другие действия советской власти, направленные на предметы культа, — то мною обычно выражаема была следующая мысль. Когда винят советскую власть за отнятие у Церкви храмов и предметов культа, то нужно винить не ее, а самих себя. Мы были плохими христианами, были верующими лишь по имени, а посему Бог и отнял у нас право распоряжаться храмами и их принадлежностями — а советская власть лишь орудия Божия гнева. А посему и протестовать надо не против советской власти, а против самих себя и стать истинными и нелицемерными христианами. Мы потеряли основную ценность — Бога, а посему Он отнял от нас и второстепенные религиозные ценности — храмы и т. д.

Так же точно никогда я и моя организация не поддерживали саботажа. Наоборот, мы постоянно требовали, чтобы все члены нашей организации честно исполняли свои гражданские обязанности как послушание, как дело Божие. Наш устав должен убедить всякого, что мы не допускаем никакой двойной игры, никакого лицемерия и двоедушия, — каковы мы перед Богом, таковы перед друг другом, таковы перед советской властью и перед каждым человеком. Наша официальная жизнь такова же, как и частная, а посему и возможность тайных действий против советской власти у нас исключена.

Лично я некоторые распоряжения советской власти в области религиозной политики почитаю ошибочными и вредными для РСФСР, что и высказал на третьем допросе, но каждый вправе думать по-своему, и поскольку думы не переходят в публичную агитацию, они не могут быть

предметом государственного преследования. Закон может преследовать только проявления, а никак не мысли и убеждения. На третьем допросе я открыто заявил, в чем не одобряю иные распоряжения советской власти. Я высказал их на прямой запрос и убежден, что советская власть в подобном открытом и честном неодобрении заинтересована положительно более, чем в лицемерной лжи и подделывании под нее. Я верю, что советская власть рано или поздно встанет на мою точку зрения, строго станет на почву декрета и Конституции и оставит антирелигиозную политику, как оставила и прежнюю экономическую политику.

Заявляю еще раз: ни в чем неповинны я и моя организация в контрреволюции. Если Вы иного убеждения, прошу мне сказать, в чем неправильно мое понимание контрреволюции и какие контрреволюционные действия я допустил. Но прошу также указать мне авторитетный закон, определяющий контрреволюцию и способный гарантировать беспристрастие в решении моего дела».

Вскоре члены общины подали жалобу во ВЦИК, требуя освобождения протоиерея Романа, так как он никогда политикой не занимался, а также страдает неизлечимой болезнью сердца и туберкулеза легких. «Каждый день промедления грозит разрушением его здоровья»¹¹⁵, — писали они. Реакции на это заявление не последовало. 23 октября такое же заявление во ВЦИК подала супруга священника Анна Николаевна¹¹⁶.

Наконец 28 октября Управление делами ВЦИК запросило Московскую ЧК, в каком положении дело, и, если дело не рассмотрено, потребовало ускорить его рассмотрение¹¹⁷, и следователь приступил к допросам людей, посещавших храм святителя Алексия и входивших в общину отца Романа. Их показания разительно отличались от донесений осведомителей.

«Отец Роман очень добрый пастырь, строгой христианской жизни и этим самым привлекает к себе верующих»¹¹⁸, — сказала Клавдия Миронова.

«В общине церкви Алексия я состою с конца 1918 года, а старшей более года. <...> Отец Роман говорил, что жить во грехе, как мы сейчас живем, нельзя и нужно покаяться»¹¹⁹, — сказала Надежда Кавыршина.

«Руководитель Братства — христианин не на словах, а на деле. Своей жизнью и трудами он показывал, что надо, не занимаясь делами других, самому жить по вере, <...> любить людей без различия положения, состояния, с кротостью и смирением перенося несчастье и горе. Жить, по его словам, христианин должен честно и чисто, разумно, владея своими страстями. Ни с кого ничего не требуя, жить и работать прежде всего самому. Цель Братства — жизнь по вере. Идеал Братства — древнехристианская община. <...> Воспитание душ в христианском направлении руководитель ведет со своими ближайшими помощниками, „старшими сестрами“, которые зарекомендовали себя желающими и исполняющими на деле призывы руководителя к постоянной молитве, труду, помощи другим, жизни в чистоте и непорочности. <...> И младшие и старшие сестры принимают участие в чтении при богослужении и в уборке храма. <...> Эта работа над душами имеет огромное педагогическое значение»¹²⁰, — показала Антолина Соколова.

«Отец Роман вел исповедь по заповедям блаженств, — показала Елизавета Потапова. — Блаженны те, которые исполняют заповеди Божии. Будьте кротки, миролюбивы, не своекорыстны. <...> Верующие должны бояться прегрешений. Христианин не должен бояться гонения за Христа <...>. Для достижения Царствия Божия необходимо верить во Христа как своего личного Спасителя»¹²¹.

После допросов членов Братства следователь вновь вернулся к изучению донесений осведомителей и сотрудников Московской ЧК, после чего допросил отца Романа. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал: «Относително интеллигенции я мог говорить на собрании 15 июля следующее: наша интеллигенция не исполнила по отношению к народу своего долга, а посему ее избиение и изгнание из Отечества является по отношению к ней заслуженной Божией карой — худая трава из поля вон. К сожалению, и до сих пор она в очень малом количестве приходит к раскаянию. <...>

О заповедях блаженства вел общие исповеди, располагая грехи по девяти блаженствам. Блаженство — это счастье, которое открывается при соответствующих добродетелях, так первое — при наличии нищеты духовной. Нищета духовная есть сознательное обнищание, то есть не придавание цены тому, что ценит мир сей, как то: богатство материальное, различные виды сладострастия, гордость и тщеславие (в разных видах) наукой ли, искусством ли, соблазнами ли власти и т. п. Апостол Павел имел много подобного рода преимуществ, но перед величием Христа всё почел за ничто и негодный сор. <...>

О голоде вообще, и в частности в Поволжье, говорил в слове, призывая к сбору пожертвований, которые потом и были отосланы в церковное отделение по сбору при Патриархии, существовавшее с разрешения советской власти. Что касается причин голода, то в общем виде я их определяю как Божие наказание: люди не каются; в частности, о голоде в Поволжье я припомнил, что в ближайшие годы изобилия, когда центры голодали, — Поволжье и юг России спекулировали на хлебе, пользуясь несчастьем горожан, брали очень дорого, обогатели за счет бед других, — Бог их и наказал теперь. Причем я это высказывал,

как одну из возможных причин, в частности, как слышанное мною от одного сведущего человека. Но главное из всего сказанного: безнаказанно нельзя строить благополучие на обездолении других, но тем не менее не мы судьи: видим беду — надо помогать. <...>

О проповеди на Преображение. Я постоянно говорю, что жить, как жили доселе, — безнравственно, лицемерно нося имя христиан, — нельзя. Надо немедленно изменяться. Тогда и всё внешнее изменится, и мы увидим Божие благословение. А пока мы в нераскаянном лицемерии и злобе, то ничего, кроме гнева Божия и громов Божиих, мы не дождемся. При покаянии же кающиеся немедленно увидят на себе особо милующую и заботливую Божию десницу.

О том, что Господь щадит города и страны при наличии нескольких праведников, я говорил, равно и о том, что великие несчастья постигли нашу Родину потому, что этих праведников в достаточном количестве не было. Но если мы покаемся и станем праведными, то не только для нас начнутся лучшие времена, но и для других»¹²².

Осмыслив еще раз в камере, в чем его обвиняют, отец Роман послал следователю заявление. «Повторяю с прежней определенностью, — писал он, — ни в какой контрреволюционной агитации ни я, ни моя организация чисто религиозного характера неповинны.

Я готов подвергнуться какому угодно честному, компетентному и беспристрастному наблюдению за каждым моим словом и действием, до стенографических записей включительно, но каждый раз проверяемых при мне и других моих слушателях.

Но, кроме того, как сознательный член РСФСР, понимающий, что власть существует для народа, а не народ для власти, что власть обязана защищать своих подданных

от всяких злоумышлений дурных и недобросовестных людей, я требую открыть мне имя или имена моих обвинителей для того, чтобы привлечь их к законной ответственности за клевету и все последствия, которыми она сопровождается для меня и моей религиозной общины, — и наконец прошу распоряжений об ограждении меня и моей общины от злонамеренных доносчиков и клеветников на будущее время, позорящих власть и обездоливающих честных граждан».

2 ноября отец Роман снова был вызван к следователю. Отвечая на его вопросы, священник сказал: «О здравии митрополита Московского около 1 сентября молебствия не было, а был молебен о здравии патриарха Тихона по случаю дня его Ангела. Перед молебном я сказал краткое слово, в котором приглашал молиться за именинника, так как его положение беспримерно тяжелое, ведь он принял бремя управления Русской Церковью в период страшной дезорганизации после более чем двухсотлетнего государственного плена при старом строе. Всё же, что мне приписывается, — абсолютная ложь. <...> Относительно своего ареста, о предстоящем единстве паствы <...> я ничего не говорил, так как совершенно не ожидал своего ареста. После соглашения с ответственными учреждениями советской власти я почитал себя гарантированным от всякого рода арестов, так как я честно держался всё время аполитической почвы в работе. Ничего, кроме смеха, балаганный характер приписываемой мне речи у меня вызвать не может. Вообще я не раз говорил о том, что дело религиозное у нас идет успешно, что теперь у меня есть помощники.

Относительно Ленина, Троцкого, возможной войны с Польшей и Румынией и т. п. — всё абсолютная выдумка. И вообще никогда о политике и политическом моменте в частности я не говорил.

Относительно ареста священников в Тамбове и Петрограде я узнал только из этого обвинения, и об аресте Комитета голодающих ничего я не говорил, а деньги на голодающих были собраны еще до ареста членов Комитета. <...>

В заключение заявляю: я испытываю глубокое нравственное удовлетворение в том, что советская власть не инкриминирует мне моей индивидуальной религиозной работы. Эта работа есть единственная цель моей жизни. Но она, как Вы могли убедиться из допросов меня и моих сотрудников, и теоретически и практически исключает всякое внешнее и внутреннее насилие над лицами и организациями и исключает активное участие в политической деятельности.

Другая черта моей работы — исключение и в теории, и на деле всякого двоедушия, лицемерия и конспирации. У меня и моей организации всегда всё открыто и для всех одно лицо. В верности этим чертам — наша исключительная особенность и гарантия нашего религиозного успеха. <...>

Я протестую против всех предъявленных мне обвинений. Доносивший или совершенно выдумал инкриминируемые мне факты и слова, или же не понял, извратил и дополнил своими фантазиями.

Я глубоко скорблю, что лояльные граждане и лояльные учреждения могут подвергаться притеснению со стороны советской власти на основании сплошной злобной клеветы, и спрашиваю: неужели подобные лица могут совершать свои деяния безнаказанно?

Повторяю то, что говорил Вам: сколько угодно времени я готов подвергнуться самому тщательному наблюдению со стороны советской власти, до точных стенограмм включительно, но прошу поручить это дело агентам

Протоиерей Роман. 1922 год

испытанной честности и умственно развитым, а стенограммы проверять каждый раз в присутствии моем и свидетелей. Искренне желаю, чтобы для престижа советской власти и успокоения моего и моей организации поскорее было ликвидировано настоящее дело, которое не могу назвать иначе, как печальным недоразумением, и чтобы наказание вместо невиновных подвергался клеветник»¹²³.

В тюрьме отец Роман тяжело заболел и был помещен в больницу. Принципиальное неприятие обвинений, которые ему выдвигал следователь Чрезвычайной комиссии, жалобы, направленные во ВЦИК, в конце концов возымели свое действие, и 21 ноября 1921 года Комиссия по применению амнистии ВЦИК к 4-й годовщине Октябрьской революции постановила: «На основании амнистии <...> дело прекратить. Арестованного освободить. Отобранные при аресте переписку, документы и вещи <...> вернуть»¹²⁴. 26 ноября Московская ЧК сообщила во ВЦИК, что дело протоиерея Романа Медведя прекращено согласно постановлению Комиссии по амнистии¹²⁵.

Отца Романа освободили из тюрьмы 24 ноября, и он вернулся к пастырской деятельности. Некоторые из девушек-прихожанок после нескольких лет пребывания в Братстве стали изъявлять желание принять монашеский постриг. Отец Роман спрашивал в этих случаях благословение на постриг у патриарха Тихона, а после его кончины у заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского).

В 1923 году патриарх Тихон запросил московское духовенство о его отношении к обновленческому движению. Настоятели храмов направляли эти сведения патриарху через благочинных¹²⁶. Сообщив благочинному о своем отрицательном отношении к обновленческому расколу, отец Роман 8 июля подал подробный рапорт¹²⁷ управляющему

Московской епархией архиепископу Верейскому Илариону (Троицкому)*.

Чрезмерные труды, которые пришлось нести отцу Роману в это время, подорвали его здоровье, и он стал часто и тяжело болеть. Один из его духовных сыновей, врач-терапевт, зная реальное состояние здоровья священника, говорил: «Если бы мне, как врачу, пришлось быть ответственным за здоровье в таком состоянии, как у батюшки, другого больного, я бы приказал ему не сходить с постели. Но разве отцу Роману можно предписать режим, на который он не способен?» Отец Роман хотя и болел, но болезни, перемогаясь, переносил на ногах, а на слова заботы о его здоровье отвечал: «Ведь детки-то кушать просят»¹²⁸.

В 1927 году была опубликована «декларация» митрополита Сергия, по поводу которой в церковной среде возникли значительные разногласия, причем высказывались крайне противоположные мнения. Протоиерей Роман счел нужным написать письмо к священнослужителям и мирянам, в котором увещевал их не разрывать канонических отношений с митрополитом Сергием и не становиться жертвой козней врага человеческого спасения.

В 1930 году власти выселили священника из церковной квартиры. Стараниями духовных детей была выстроена небольшая дача в деревне Ольгино недалеко от станции Обираловка**, куда отец Роман переехал жить, в то время как семья нашла приют у его духовной дочери Маргариты Евгеньевны Ветелевой в городе Пушкино. В Ольгино стали приезжать духовные дети отца Романа на исповедь и за советом в те дни, когда в храме не было службы.

* Священномученик Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий; 1886–1929), архиепископ Верейский; память 15/28 декабря.

** Ныне станция Железнодорожная.

Протоиерей Роман у храма святителя Алексия

Жизнь в приходе, которым руководил протоиерей Роман, стала заметным явлением в церковной жизни города, и ОГПУ поставило своей целью закрыть храм святителя Алексия. Члены общины стали хлопотать перед властями, чтобы храм не закрывали. Представители общины пришли с этой просьбой и к председателю ВЦИКа М. И. Калинину. Выслушав их, он сказал: «Ну что вы всё из-за одной церкви просите. Мы их все скоро закроем». Первое время своего служения в Москве отец Роман надеялся, что между Церковью и государством всё же установятся лояльные отношения на основе принятых государством законов, но затем понял, что этого не будет, и, идя мимо церкви святителя Алексия, он, бывало, с горечью говорил: «Обречена, обречена».

В 1930 году власти начали очередную кампанию по закрытию храмов и арестам церковно- священнослужителей. Отец Роман чувствовал, что на этот раз заключение не минует его, и заранее предупредил прихожан о предстоящих испытаниях, чтобы каждый мог взвесить, сможет ли он перенести испытание и не стать предателем ближнего, и при таких опасениях сократить общение со своим духовным отцом. В этом случае они могли бы посещать другой храм. Однако прихожане настолько любили его, что никто не захотел покинуть ни его, ни свой храм.

Одна из духовных дочерей протоиерея Романа отправилась к дивеевской блаженной Марии Ивановне*, чтобы рассказать ей о трудностях, которые возникли в приходе. Блаженная, молча, внимательно ее выслушала, а затем, ничего не говоря, стала бушевать — всё рвать, швырять и разбрасывать, и настолько разошлась, что испугала свою

* Блаженная Мария Дивеевская (Мария Захаровна Федина); память 26 августа / 8 сентября.

келейницу. Ее действия были поняты как предупреждение о наступлении времени еще более суровых гонений.

На следующий день после праздника Сретения, 16 февраля 1931 года, сотрудники ОГПУ арестовали протоиерея Романа и около тридцати членов Братства и заключили в Бутырскую тюрьму. Когда прихожане утром пришли в храм, они увидели, что он заперт на замок. Это было еще только временное закрытие, но затем храм святителя Алексия был закрыт окончательно и вскоре разрушен.

Протоиерей Роман Медведь. Бутырская тюрьма. 1931 год

Начались допросы. Арестованные держались мужественно, показав себя твердыми в вере и благородными в ответах, отвечая лишь на вопросы о религиозной жизни прихода.

«Храм Алексия, что в Глинищевском переулке я посещаю давно. <...> Первые годы священник Медведь проводил в нашем храме беседы. На беседах присутствовало много народа, слушатели рассаживались на скамейках и стульях, принесенных прихожанами. <...> В свободное

время я прислуживаю в церкви, оправляю лампадки и т. п. До января 1931 года Медведь жил вместе с прихожанками в городе Москве в Кожевниках. На его квартиру я ездила несколько раз исповедоваться. На исповедь к священнику ездили многие наши прихожане. С января 1931 года священник живет на даче, и к нему на дачу некоторые наши прихожане тоже ездили исповедоваться»¹²⁹, — сказала Елизавета Диц.

«Как человек верующий, церковь Алексия митрополита я посещаю с 1920 года. В это время настоятелем церкви был Роман Медведь»¹³⁰, — сказала Антонина Соколова.

«Человек я верующий с малых лет. До 1923 года я посещал церковь Пимена Великого. Мать моя была глубоко верующая, она до 1923 года посещала церковь Алексия митрополита, в которой служил настоятелем Роман Медведь. Как духовник, Роман Медведь матери моей понравился,

*Елизавета Алексеевна
Диц*

*Антонина Сергеевна
Соколова*

и мать предложила мне в 1923 году посещать эту же церковь Алексия и познакомила меня с Романом Медведем. Как священник-духовник, Роман Медведь мне очень понравился, и я с 1923 года посещаю эту церковь»¹³¹, — сказал Лев Виноградский.

«Прихожанкой церкви Алексия митрополита я числюсь уже лет семь–восемь. Иногда я прислуживаю в этой церкви, читаю, иногда пою...»¹³² — сказала Зинаида Берзинь.

«В нашем храме Алексия митрополита хора постоянного нет, а в пении принимают участие наши же прихожане. При этой церкви уже примерно лет пять я прислуживаю (один год певчей, читала Апостола), зажигала лампадки...»¹³³ — сказала Валентина Рейнберг.

«Как верующая, я посещаю церковь Алексия митрополита. Настоятеля этой церкви Романа Медведя я знаю

*Зинаида Петровна
Берзинь*

*Валентина Витольдовна
Рейнберг*

примерно лет шесть. Последние года четыре я прислуживала в этой церкви в качестве певчей...»¹³⁴ — сказала Елизавета Бергман.

«В разных церквях я пою в церковных хорах с десятилетнего возраста. Последние несколько лет я состою певчей при храме Алексия митрополита, и, кроме пения, я иногда читаю в этой же церкви псалмы»¹³⁵, — сказала ее сестра Любовь Бергман.

«Я человек верующий с малых лет. В церковь Алексия митрополита я хожу с 1924 года, с этого же времени я знаю настоятеля этого храма Романа Медведа. <...> С декабря 1929 года я живу на одной квартире с настоятелем Медведем, и с июля 1930 года я отца Романа Медведа взяла на свое иждивение. <...> Летом 1930 года мы, прихожанки: я, Кавыршина и Смерницкая — выстроили дачу из четырех комнат на станции Обираловка Нижегородской

*Елизавета Юрьевна
Бергман*

*Любовь Юрьевна
Бергман*

железной дороги, и с декабря месяца нас трое и Роман Медведь живем на этой даче. Я, как верующий человек, считаю себя человеком, стоящим на советской платформе, однако мероприятиям советской власти по вопросам религии я не сочувствую и сочувствовать не могу, потому что эти мероприятия не совпадают с моими убеждениями. Действия советской власти по закрытию церквей, разгону монастырей и т. п. я считаю как действия, посланные людям за их грехи в наказание»¹³⁶, — сказала Елена Виноградова.

«В храм Алексия митрополита я хожу с 1920 года. <...> В настоящее время Братства при храме нет, а есть приходской совет. В храме я иногда прислуживаю как певчая, так как у нас при церкви специального хора нет, а в пении принимают участие сами же прихожане»¹³⁷, — сказала Ольга Кушнерева.

*Елена Петровна
Виноградова*

*Ольга Александровна
Кушнерева*

«Членом Братства „ревнителей православия“ я состояла примерно с 1919–1920 года, в то время руководил этим Братством настоятель Алексиевского храма Роман Медведь»¹³⁸, — сказала Мария Малыгина.

«Как верующая, я хожу в церковь Алексея митрополита примерно с 1915 года. <...> Первые годы Медведь проводил беседы на религиозные (по объяснению Евангелия) темы с прихожанами нашего храма, и последние годы никаких бесед в храме не бывает»¹³⁹, — сказала Надежда Кавырина.

«С момента, когда отец Роман Медведь пригласил меня на службу, у него уже при храме было очень много народа. Службу он отправлял ежедневно (утром литургия, вечером всенощная) при участии певчих из молящихся. Им было устроено Братство из верующих из разных районов города Москвы. <...> Члены Братства были люди

*Мария Николаевна
Малыгина*

*Надежда Васильевна
Кавырина*

*Федор Сергеевич
Пушкинский*

разного рода профессий; им вменялось: посещение больных, уход за ними, медицинская помощь, помощь бедным, утешение скорбящих. Отец Роман Медведь три раза в неделю устраивал в храме беседы: один раз со взрослыми, другой раз с юношами и третий раз со взрослыми, причем с обменом мнений на текст из главы Евангелия и в промежутках бесед с пением духовных стихов епископа Никандра*. <...> Сестры приняли на себя обязанности по храму:

у каждой сестры была та или иная икона, подсвечник, лампада, они протирали иконы, чистили подсвечники, в лампады наливали масло, мыли в храме полы, чистили ковры, продавали свечи, ходили с блюдами <...>. Цель воспитания членов общины — это жизнь по Евангелию в твердости в вере»¹⁴⁰, — сказал псаломщик Федор Пушкинский.

«В доме по Тверской улице я проживаю 22 года. Как прихожанка прихода церкви Алексия митрополита, я начала посещать означенную церковь с 1921 года. Первый раз я познакомилась с Романом Медведем в церкви на Страстной площади, где он проводил собрание среди членов Братства. Мое участие в церкви Алексия митрополита выразилось в том, что я состояла членом приходского совета,

* Речь идет о сборнике акафистов, песнопений и душеполезных поучений «Слово жизни в богослужбных песнопениях Православной Церкви, избранных для общенародного пения» епископа Никандра (Феноменова).

посещала собрания. <...> Моим духовным отцом был Роман Медведь»¹⁴¹, — сказала Елена Ангелова-Крамская.

«Я человек глубоко верующий, пою в церковном хоре. Со священником Медведем я познакомилась в 1922 году. До 1921 года я посещала беседы на евангельские темы, которые вел Медведь в храме святителя Алексия»¹⁴², — сказала Александра Калошина.

«Я человек глубоко верующий, часто посещаю церковь; со священником Медведем я познакомилась в 1921 году (с 1921 года он состоит моим духовником). До 1921 года я знала священника только по евангельским беседам, которые он вел в храме святителя Алексия. <...> Арест священника Медведя вызвал у меня недовольство советской властью, так как считаю, что арестован он по ложному доносу»¹⁴³, — сказала Зинаида Борютина.

«Церковь Алексия митрополита я посещала регулярно с 1919 года по день ее закрытия. Членом Братства

*Елена Михайловна
Ангелова-Крамская*

*Александра Александровна
Калошина*

ревнителей православия я состою с 1919 года. Активного участия <...> я не принимала, за исключением посещения собраний, на которых разбирались евангельские темы, и приборки храма»¹⁴⁴, — сказала Наталья Мартынова.

«В 1919 году, проходя мимо Глинищевского переулка, я зашла в церковь, которая мне понравилась по своему внутреннему распорядку, и с тех пор я стала постоянной ее посетительницей. В 1919 году я познакомилась со священником Медведем. В то же время стала оставаться на чтение им Евангелия. <...> Медведь меня учил быть честной, относиться ко всему добросовестно. Разговоров на политические темы я с ним никогда не вела и от него не слышала. <...> В вопросе религии с советской властью я расхожусь»¹⁴⁵, — сказала Елизавета Потапова.

«Примерно в 1920 году я познакомилась с отцом Романом Медведем. Знакомство произошло в церкви на исповеди. После первой исповеди я стала посещать данную

*Наталья Алексеевна
Мартынова*

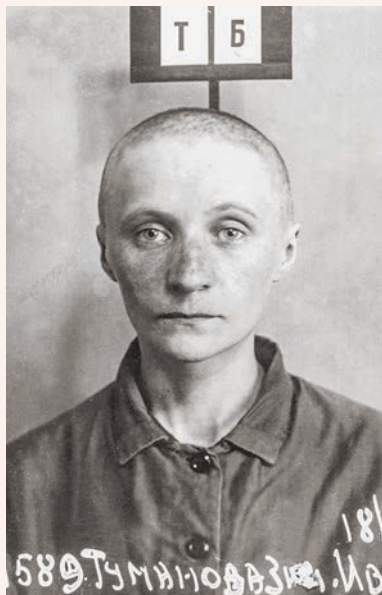

*Елизавета Ивановна
Потапова*

церковь, где служил отец Роман. До 1921 года я бывала у него на церковных беседах, беседы велись чисто на евангельские темы»¹⁴⁶, — сказала Зинаида Туманова.

Следователи обвинили протоиерея Романа в том, что он, будучи священником в Севастополе, будто бы выдал властям участников революционного мятежа, воспользовавшись их исповедью. Отвечая на это обвинение, отец Роман сказал, что он действительно был благочинным береговых команд Черноморского флота. Летом 1912 года в городе Севастополе восстали матросы. В то время он был на даче в пятнадцати километрах от города. По возвращении в Севастополь для поднятия духа матросов он предложил командиру флотского полуэкипажа генерал-майору Николаю Федоровичу Сильману провести индивидуальную исповедь матросов, что и было сделано. Так как команда была в то время безоружна, после исповеди командир полуэкипажа спросил его, можно ли доверить команде оружие, на что он ответил, что настроение среди матросов вполне здоровое и оружие доверить можно¹⁴⁷.

Следователи добивались, чтобы отец Роман назвал всех, кто был тайно пострижен в монашество, и рассказал, где и когда состоялся постриг. Назвав только тех, кто сам рассказал о принятии ими монашеского пострига, отец Роман сказал: «О происходивших других тайных постригах

*Зинаида Ивановна
Туманова*

из числа членов моего Братства показывать по своим религиозным убеждениям отказываюсь»¹⁴⁸.

У властей не было никаких данных о контрреволюционной деятельности священника, и на допросах следователи не спрашивали его о характере его проповедей или бесед, поскольку все свидетельствовали, что его проповеди были чисто евангельскими. Арест отца Романа, вопреки закону, ОГПУ обосновало тем, что, несмотря на гонения на Церковь и очевидно враждебное отношение власти к православию, он продолжал вести миссионерскую и церковную деятельность, воспитывая прихожан в церковном духе, уча их быть сознательными последователями Христа и просвещенными исповедниками веры.

Следствие было завершено через два месяца, и 26 апреля 1931 года было составлено обвинительное заключение, в котором отец Роман и прихожане храма святителя Алексия обвинялись в том, что они являлись членами контрреволюционной организации. «... Участниками организации проводились нелегальные собрания под руководством Медведя, на которых велась работа по воспитанию членов организации в антисоветском духе, — говорилось в обвинительном заключении. — Участниками организации были в большинстве советские служащие; некоторые из них занимали большие должности в советских учреждениях. Кроме того, из числа особо активных участников организации Роман Иванович Медведь организовал орден „тайных монахов“. Участники ордена, как правило, обязаны были выполнять все поручения своего руководителя, самый факт монашества тщательно скрывался. Участники ордена продолжали оставаться на советской службе и носить светскую одежду. Роман Иванович Медведь обвиняется в том, что он организовал и руководил контрреволюционной организацией „Братство

ревнителей православия“... все остальные обвиняемые обвиняются в том, что они были активными участниками контрреволюционной организации „Братство ревнителей православия“, посещали нелегальные собрания и вели антисоветскую агитацию»¹⁴⁹. Доказывать выдвинутые обвинения против более чем двух десятков человек следователи не посчитали нужным.

30 апреля 1931 года Коллегия ОГПУ приговорила двух членов Братства к пяти годам заключения в концлагерь, одиннадцать — к трем годам заключения, шесть — к пяти годам ссылки в Казахстан, двух — к трем годам ссылки в Северный край, одну — к трем годам ссылки в Казахстан. 10 мая того же года протоиерей Роман был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь, и 3 июня стало известно о направлении его в город Кемь в распоряжение Беломорско-Балтийского управления ОГПУ.

Предпочитаю разделение свободных — единению рабов

Накануне отправки протоиерею Роману дали свидание с родственниками. На следующий день он был отправлен этапом в один из концлагерей в городе Кемь. Студеное Белое море, болота и лес с сетью лагпунктов. Вскоре после прибытия отца Романа в концлагерь между ним и его духовными детьми наладилась переписка, которая велась через его дочь Ирину. Так как заключенные могли посылать не больше одного письма в месяц, все пожелания и советы нужно было уместить в одном письме. Сразу же по прибытии в пересыльный лагерь в Кеми отец Роман написал:

«Кемь. Соловецкий лагерь.
1 отделение.

12 июня 1931 года

Дорогая Ирочка!

Здесь я с 9 июня. Долго ли здесь буду, не знаю... За прошедшее время мое здоровье, конечно, было не лучше, теперь прихожу в себя. Погода здесь хорошая, воздух вроде севастопольского, только значительно холоднее. Трудны мне всякие перемены: когда наступит полная

определенность, тогда, надеюсь, все пойдет лучше и легче, организм и душа приспособятся. Сожители мои — хорошие, но не хватает тишины и уединения. А при моей старости и болезнях они мне крайне нужны.

Как старик, да и по настроению, живу старым, прежним. Духом всех родных помню и с ними не разделился, потому что для духа расстояния не существует. Передай это и всем родным; скажи еще, что духом я бодр, прошу и их бодриться, меня никогда не забывать, как не забываю и я их; в этой памяти я очень нуждаюсь, потому что по человечеству нередко ощущаю глубокое одиночество. Хотя по существу этого не должно быть... Передай привет маме и родным, а также моей квартирной хозяйке и ее жильцам. Скажи ей, что я ей очень признателен за хранение моих вещей и всякое проявленное содействие. Благодарю и всех

помнящих меня, любящих и сочувствующих... Скажи им, что ни время, ни место, ни переживания несколько меня не изменили, я тот же, как и был ранее. И нахожу большое утешение в устремлении к своему идеалу. Верю, что таковы и они, конечно и ты, и если нам придется встретиться в этой жизни, то радость нашего общения превзойдет прежнюю, потому что и я, и вы за это время будем неизменно трудиться над своим усовершенствованием...

Твой отец Роман Иванович Медведь

Карелия.

Почтовое отделение Попов остров.

3 июля 1931 года

Дорогая Ирочка!

Я попал на новое место вследствие болезни, но не тяжелой... В больнице я около двух недель и отдыхаю и телом и душой. Должно быть, меня скоро выпишут

и направят, может быть и по всей вероятности, в Соловки, а может быть и нет. Предвидеть это трудно.

Сидя под арестом в 21-м году в Кисельном [переулке], я чувствовал себя очень хорошо, потому что был много здоровее, было немного людей в моей камере, и при относительной тишине можно было находить время, чтобы оставаться с самим собой наедине. Здесь, в больнице, хотя и много народу, но я стал чувствовать себя наподобие этого кисельного времени. Я почти всё время пребываю в молчании, и это много помогает и здоровью, и настроению. Я не скажу, что мое здоровье значительно хуже, чем в прежние годы, — иногда мне кажется, что даже и лучше... Успокаиваю себя тем, что должны мы жить так, чтобы каждый новый день считать последним в своей жизни (ожидаая смерти) или же первым (в движении к совершенству). Напоминаю себе, что мы здесь, в этой жизни, странники, а посему не надо огорчаться временными трудностями пути. Идти всё равно надо, а Отечество — на небесах. Не огорчаюсь и тем, что приходится жить не по своей воле, а так, как здесь приказывают, потому что и по вере моей отречение от своей воли есть первое условие для движения к совершенству... Ежедневно, не то раз, не то два, а то и более, перебираю в памяти всех близких мне лиц. Особенно последнего времени. Прошу и тебя и их по силе и меня вспоминать, потому что верю, что через это я получаю духовную поддержку, в которой, конечно, по немощи своей очень нуждаюсь... Погода у нас неустойчивая, и часто холодно, теплых дней мы почти не видели. По мере возможности бываю на воздухе, любуюсь видом моря и соседними лесистыми и скалистыми берегами... Привет маме и мой глубокий поклон. Целую тебя и всех родных...

3 августа 1931 года

Дорогая Ирочка!

24 июля получил твою первую посылку, сегодня получу вторую... Спасибо тебе и всем родным, не забывающим меня. Посылка пришла очень кстати, потому что после выписки из лазарета 9 июля я более недели прохворал кровавым поносом. Лечился главным образом голодом, очень отощал, в моих запасах не оставалось ни жиринки, и купить было негде... При переходе в роту из лазарета меня обокрали: вытащили из кармана бумажник с деньгами, квитанции на остальные деньги, крестик, сорвавшийся пока, мною вновь не закрепленный ключ от чемодана и еще кое-что. Денежные затруднения продолжались недолго. С моего личного счета мне дали определенную часть денег и без квитанции, а вместо утерянной хлопочу о новой. Теперь я в другой роте, где нет воровства. Соседями и помещением я вполне удовлетворен. Клопов почти вывели, но сплю плохо и очень недостаточно, потому что состою ночным сторожем каждую ночь с 12 часов

ночи до 8 часов утра. Сначала это было очень трудно, теперь привыкаю. Получил выходную ночь, и еще обещают облегчение. Стороживство при моих старости и болезни занятие самое подходящее; когда на посту, в помещении можно оставаться в одиночестве, в котором я так нуждаюсь для того, чтобы душу приводить в порядок, подумать и прочее. Высыпаюсь до 12 часов ночи, а потом днем. Лето у нас хорошее, но ночи бывают холодные, и моей одёжки мне только впору теперь... Я получил было кое-что из казенного обмундирования, но сдаю его обратно, главным образом потому, что боюсь при своей старческой рассеянности растерять его, и за это — карцер. Ты спрашиваешь о порядке моей жизни. Завтрак у нас — каша и чай от 6 до 8 часов утра. Обед с 12 до 3–4. Вечером в 7 часов до 8 — проверка, потом вечерний чай. Питание при здоровье было бы, пожалуй, достаточное, а при болезни очень недостаточное: хлеб только черный, на обед одно блюдо — щи, часто и копченая рыба, даже почти ежедневно...

Дорогая Ирочка!

Благодарю тебя и родных за заботы обо мне; доселе я получил от тебя пять посылок, упаковка их вполне удовлетворительна, а корзина очень пригодилась, потому что я (к ужасу) оброс вещами и хранить их всё труднее при отсутствии места, тары, времени и сил. Со сном у меня, конечно, неважно, и это задерживает мою медленную, но несомненную поправку, но иного, подходящего для моих сил — не найти, а работать теперь надо еще более, потому что с 1 августа за каждые шесть лет работы срок заключения заключенным моей категории сокращается на полтора года... Хочу и надеюсь еще пожить, но мои болезни и старость постоянно мне об очень возможной смерти

Ирина Медведь. 1931 год

напоминают и здесь. О смерти заключенных учреждение родных вообще не извещает, а оставшиеся от умерших вещи хранятся шесть месяцев, по истечении которых они поступают в продажу. В случае моей смерти пришли заявление в управление по месту смерти о твоих правах на наследство оставшихся вещей и проси об отправке их по твоему адресу наложенным платежом... Спасибо за письма. Рад я всякой строчке, но прошу всех, пишущих мне, помнить мой принцип — никому не делать никогда даже и тонкого (не только физического, но и духовного) насилия, а посему прошу писать о других (кроме уехавших подобно мне) только с их согласия...

Сколько мне надо сухарей, денег и прочего — стараюсь по одежке протягивать ножки и чтобы на случай болезни оставался какой-либо запас, но иногда при болезнях и слабости надо и побольше, да и делиться-то кое с кем необходимо. Помню, что ваши ресурсы очень неважны. Сыты ли вы хотя бы с мамой, одеты ли, имеете ли комнату и прочее?.. Не огорчайся, что пишу о возможности моей близкой смерти, — благоразумие требует подготовиться и к худшему концу, хотя я и верю, что доживу и до воли. Прошу всех не забывать меня, а я стараюсь помнить всех. По-прежнему ни на кого здесь не имею неудовольствия, всем доволен. Если претендую, то только на самого себя и постоянно требую от себя стремиться непрерывно к совершенству...

2 октября 1931 года

Дорогая Ирочка!

Отвечаю на письмо от 12–17 сентября. Мое здоровье, надеюсь, станет лучше, потому что мое ночное сторожничество кончилось 30 сентября. Отсыпаюсь и временно

отдыхаю, а то я ощущал и большую слабость, и изнурение было, и голодноват иногда. Теперь я получил доплатной стол и сыт... В общем я чувствую себя довольно хорошо, много лучше, чем ранее. Картина здешней жизни для меня стала ясной, и мои нервы менее боятся неожиданностей, которые я тяжелее всего переношу, потому что они действуют на меня как удары, постоянно напоминающие о том, что со мной и вообще могут быть удары с параличом... По трудоспособности меня определили ко второй категории с отдельными работами, то есть почти инвалидное состояние, и на тяжелые работы меня не отправят... Еще много, много хотелось бы мне написать и тебе, и всем. Скажи нашим родным, что я радуюсь каждой строчке, полученной от них, и грущу, что давно не имею от них вестей... готов всем писать и беседовать с ними, но письмо могу посылать только один раз в месяц, поэтому прошу не обижаться, что многие не получают от меня ответов или получают очень кратенькие ответы через тебя в виде благодарности. Знаю, что их любовь ищет большего, но, видно, такова воля Божия, чтобы нам терпеть отсутствие внешнего единения. Внутреннее-то через Бога для нас не закрыто, надо только в себе уничтожить всякое семя разделения, помня, что воля Христова в том, чтобы ученики Его были едины и во взаимной любви. Всякое разделение между близкими моими для моего сердца очень тягостно. На этом я кончаю письмо, потому что чувствую к этому внутреннее побуждение, то есть не отлагать его отсылку на более долгое время... Прошу помнить и поддерживать мою немощь молитвами, а какими — сердце каждого укажет... Еще и еще повторяю — здесь я всеми доволен, вижу к себе доброе отношение со стороны всех, хотя, конечно, душа моя часто очень тоскует и ощущает душевное одиночество. Еще раз привет, привет и привет

всем, всем, всем. Очень вспоминаю слова: сами себя, друг друга и весь живот наш и прочее*. Мир вам...

Дорогая Ирочка!

Я хотел бы, чтобы ты знала и усвоила мои подлинные убеждения и, может быть, и свойства. Может быть, от природы, но примерно с 20–24-летнего возраста я сознательно уважаю и ценю всякого человека и всю жизнь боялся сделать кого-либо своим рабом. И внешне, и внутренне боюсь кому-либо причинять боль, насилие. Убеждать — мое дело, принуждать — не могу. Дерзаю сказать, что я любил свою свободу, никогда никому не делался рабом, а посему, думаю, ценю и свободу других: пусть живут по своему уму и по своей совести, — и стараюсь никого не осуждать... лучше уйти в сторону... Я могу молчать, научился много терпеть и претерпевать, но, невзирая ни на что, я в своей глубине всё тот же — люблю свою свободу, лелею и свободу других, предпочитаю разделение свободных — единению рабов. Впрочем, прости мою философию и мое самохвальство. Почитаю нужным прибавить, что я сознательно склонил свою голову, сердце и всю свою жизнь перед Вечною Истиною и Правдою. И они дороже для меня и меня самого, и всего мира... Скоро полгода, как я здесь, наступает время, когда разрешают подавать заявление о пересмотре дела. Думаю, хотя и не решил окончательно, просить об этом...

Целую тебя, привет маме и всем родным, помните меня, как и я вас...

* Имеется в виду прошение из ектении, возглашаемой на литургии верных: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим».

8 декабря 1931 года

Дорогая моя Ирочка и все мои милые,
дорогие родные!

Третий раз уже сажусь за письмо, начиная с 30 ноября, но не послал обоих писем, недоволен ими. Один раз в месяц — сколько за это время наберется всего, что бы можно сказать и что бы следовало написать! А времени и сил не хватает... Пусть не скорбят те из вас, кого лично я не назову или не назвал, я всех не только ношу в своем сердце, но всех и каждого я ощущаю как один с собою организм. Это не преувеличение, я подлинно живо всех ощущаю, часто более и глубже, чем живя среди вас, невзирая на то что мы разбросаны в разные стороны... Взаимная любовь должна уметь покрывать даже различные свидетельства совести, и любовь всегда должна ставиться выше личного знания. Разделение, но не расщепление; разделение, но не в основном, которое у всех едино, а посему разделения временны и преодолимы... Едва ли я следующее письмо напишу отсюда, а посему хочется подвести итог здесь пережитому. Я благодарю Провидение, что, благодаря тому что это время я пробыл на одном месте, моя связь с домом восстановилась довольно скоро; это было очень большим утешением для моего духа, а посылки поддерживали мое здоровье, которое в июле и августе находилось в критическом положении. С октября мое быстрое исхудание закончилось, и, кажется, силы мои стали восстанавливаться, я себя сравнительно в общем чувствую довольно прочно... Иной раз жить мне очень трудно, бороться за жизнь мне более помогает моя любовь и привязанность к вам и моя ненасыщенная вера в необходимость исполнения обетований еще здесь, на земле. Если бы не моя любовь к вам, я бы спокойно смотрел, как догорает свеча моей жизни...

и удовлетворился бы тем, что Бог мой судил мне быть исповедником... Конечно, и здесь я имею немало утешений, и одно из главных это то, что я постоянно живо ощущаю всех вас, как ощущаю самого себя, как свое второе тело, ощущаю, невзирая на рассеяние наше и разделение. Для меня всё едино и все близки, и это единение за отсутствием шума внешнего общения я ощущаю даже крепче, чем будучи физически близко от вас. Когда я только ухожу от шума своих внешних обстоятельств, после Единого Вечного я живо ощущаю вас или, вернее, и Его ощущаю в единении с вами и со всеми верными...

2 февраля 1932 года

Дорогая моя доченька Ирочка!

Я переменил место работы, перешел в Кустпром, раскрашиваю деревянные куклы; легче здесь, и нет вечерних занятий, но трудно просидеть 8 часов. К концу работы после болезни усилились головокружения и начались сердечные припадки, но надеюсь скоро оправиться... Спрашиваешь о внешней стороне моей жизни. Сплю на общих сплошных деревянных нарах, подстилаю войлок и плед, одеваюсь теплым ватным одеялом и часто еще и полушубком, стриженная голова постоянно в шерстяной шапочке (надо бы и вязаную бумажную), иногда еще и в шлеме. Сил мало, на чтение и тому подобное времени почти нет, иначе приходится мало спать, а это плачевно отражается на моих силах... Мало отдыха, всё делаю сверх моих сил. В тишине приходится быть очень редко, об одиночестве приходится мечтать — всё на людях, а душевно очень одиноко. Временно помещался в общем бараке, очень там устал от шума и забот, чтобы не потерялись вещи. Моей каракулевой шапки нет уже, но новой и никакой не шлите,

здесь всё становится предметом зависти и очень часто исчезает...

Моя новая работа — мне по силам, но угнетает норма, мне она не по силам, хотя я работаю, почти не отрываюсь... Школа здесь для нас, и не скажу, что легкая. Но Провидению угодно, чтобы мы и это всё испытали, чтобы и опытнее быть, а может быть, подобно Лазарю на гноище, здесь страдаем, чтобы там радоваться, здесь за грехи получить возмездие, чтобы там от него свободными быть и просто перейти на лоно Авраамово. Если так, да будет имя Господне благословенно, потому что самые тяжкие здешние условия несравнимы с ужасными муками ада. Так говорил, например, преподобный Серафим, которому было дано испытать муки ада очень недолго. А вообще об аде я часто вспоминаю... и часто приходится говорить себе по опыту, что сами люди друг для друга и для себя здесь еще устраивают ад.

Нередко побаиваюсь, что я плохо прохожу свою новую школу, потому что не всегда тишина и радость наполняют душу, а нередко — шум и суета, спешка и уныние закрадываются в сердце, заполняют его, и нескоро дождешься изгнания их или ухода их. Но когда нет их, хорошо. Ведь Бога нигде, никто и никакими условиями не может отнять от меня. А если Он со мною, что для меня все внешние тягости?! Что моя нищета и бессилие? Когда в Нем бесконечное море Силы и богатства. Он — мое бытие, Он — моя жизнь и сознание. В Нем я всех нахожу, до всех достигаю, всем владею...

Прошу не унывать тебя и всех. Прошу молиться о себе, о мне и обо всех. А в молитвах чаще и чаще я вспоминаю слова Иоанна Златоуста и Василия Великого о том, что надо не о маленьком просить, а дерзать молиться о великом, а также и о непрестанности в молитве. Конечно, это я прежде всего говорю самому себе и от себя требую исполнения припомненного, вопреки всяким внешним вероятностям и тяжким условиям, как то: физическим болезням, моим согрешениям и тому подобному. Чаще и чаще останавливаюсь на своих грехах, больше и больше познаю свои немощи духовные и ничтожество, прошу о прощении согрешений и очищении моего сердца от всякой скверны — потому что в чистоте сердца ключ ко всем духовным благам...

Дорогая Ирочка!

Я вполне понимаю твое желание знать подробности о моей внешней жизни. Кое-что сообщаю. С 8 января по 26 февраля я был раскрасчиком кукол, а с 26 февраля я счетовод-табельщик. Новое место пока очень трудное, а посему я запаздываю со своим очередным письмом. Спим мы здесь на сплошных нарах, подстилаем на них кто

что может — у кого матрас, у кого полушубок, у меня войлок и сложенный в четыре-шесть раз старый черный плед. Одевался зимою теплым одеялом и полушубком. Белье натальное ношу казенное и переменяю в бане каждую неделю почти, за редким исключением. От постельного белья пока еще не отказался, но возможно, что придется обходиться и без него, как и большинство из нас. В последние дни и вся наша одежда вольная сдается, и мы все одеваемся в казенное платье. Для меня это огорчение, потому что я очень зябок, а мое платье гораздо теплее казенного... Прошу всех не забывать Божьего пути, всем желаю духовного возрастания. Маме привет, тебя целую, письма твои получаю, Господь с тобой и всеми вами...

26 апреля 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои родные!

Пишу письмо дополнительное, разрешено мне за работу, времени чуточку больше. Сдаю свою должность ввиду предстоящего переезда на другое место, где, по видимому, придется служить в подобной же должности... Когда у меня улучится свободный часок, когда нет хронического недосыпа, когда не болит голова, я чувствую себя великолепно. Вы все знаете почему. Стою на Твердом Камне и не боюсь никаких волн. Это настроение бывает нередко, если ничто не смущает совесть, и я об этом постоянно забочусь. Я имею дерзновение и всех вас и чувствую и ощущаю — тогда ничто и время, и расстояние. В немощи своей и болезнях ощущаю силу, ясно, что не свою. Для меня ничто и заключение и узы, мне ничего не надо, у меня всё есть, я всем обладаю, я радостен и счастлив и всех встречаю с радостью и приветствием, а в жизни нашей это очень важно, потому что мы все здесь угнетенные

и подавленные и своим несчастьем, и горем своих семей, — так все ищут ободрения, ласковой улыбки, бодрости духа.

С переменой места, конечно, надо будет привыкать к новым людям, к новой обстановке, но если это нужно, то что против этого хотя бы и внутренне протестовать. Источник всякой жизни ведь всегда с нами, в нас и около нас, значит, нечего страшиться и беспокоиться. Он с нами и в здоровье и в болезни, и в жизни и в смерти. Важно при всех условиях сохранять ясность сознания. Я уже несколько лет боюсь вообще всяких волнений, спешки и тому подобного, потому что они омрачают сознание, и я уже понял давно, что отдаваться им почти то же, что и впадать в грех. Болезни, конечно, мешают и очень мешают, но мы очень хорошо знаем, что в немощи совершается сила Божия. А посему не смущаемся. Но вывод всё-таки делаю: блажен тот, кто в сравнительном благополучии в строгости содержал свой организм и приучил тело ко всяким лишениям. Служба нисколько не может мешать, как изъяснил это в свое время преподобный Варсонофий, лишь бы проходить ее для Высшей Совести по своей чистой совести. Прошу прощения, что пишу, может быть, тебе и другим неинтересное, но живу-то я этим. Знаю, что вас постоянно интересуют мои внешние обстоятельства, но говорю искренно — они вовсе не дурные, вполне благоприятные. Уже прошло время, когда моя душа всего боялась, всего ужасалась, ждала всякой беды и несчастья... Грущу за тебя, Ирочка, и за маму, что так трудно вам живется и что я еще свалился грузом на вас, вместо того чтобы помогать вам, но, видно, такова Высшая Воля. Еще раз привет всем, с праздником Христова Воскресения... Слава Богу за всё...»

Блажен, кто закалил себя, приучив с юности к суровой жизни

Родные стали хлопотать о сокращении срока заключения. Дело было направлено на пересмотр. Уполномоченный 3-го отделения Секретного политического отдела ОГПУ Мазуров 7 марта 1932 года рассмотрел дело и вынес заключение, что протоиерей Роман как бывший руководитель духовенства Черноморского флота, организатор православного Братства и воспитатель православной молодежи, организовавший в миру монашескую общину, не может быть освобожден, и приговор — десять лет заключения — должен быть оставлен в силе. Состояние здоровья отца Романа из-за туберкулеза стало к тому времени настолько критическим, что вышестоящее начальство в ОГПУ всё же сочло возможным сократить срок заключения на треть. Комиссия ОГПУ приняла решение учесть постановление от 19 марта 1932 года президиума ВЦИК СССР, куда по обыкновению жаловались люди, и в порядке частной амнистии сократить срок заключения отцу Роману на одну треть. После этого отец Роман написал:

«21 июня 1932 года»

Дорогая Ирочка и все мои близкие,
родные, дорогие!

1 июня мне под расписку объявлено, что постановлением ВЦИК от 19 марта 1932 года срок моего заключения сокращен на 1/3, а посему его конец теперь — 16 октября 1937 года; кроме того, за работу пока имею уменьшение на 29 дней, то есть срок еще сократился. Что-то Господь пошлет еще по твоему ходатайству?..

Мир и радость оставил нам Пастыреначальник, и никто их не в силах отнять от нас. Радостно ощущать, что среди людей нет и не может быть у нас врагов, а есть только несчастные братья, достойные сожаления и помощи даже тогда, когда они (по недоразумению) становятся нашими врагами и воюют на нас. Увы! они не понимают, что враг-то находится прежде всего в нас самих, что его вначале нужно изгнать из себя, а потом помогать и другим сделать это. Один враг у нас общий — это диавол и его духи злые, а человек, как бы низко ни пал, никогда не теряет хотя бы нескольких искорок света и добра, которые могут быть раздуты в яркое пламя. А нам нет никакой выгоды воевать с людьми, хотя бы они били нас не только в правую ланиту, но постоянно осыпали бы нас всякого рода ударами и поношениями. Одно важно: твердо держаться нам своего пути и через войну с людьми не сходить со своей дороги. Воевать с людьми — это значит становиться на их ложную позицию. Даже в случае успеха эта война нам бы ничего не дала, а отвлекла бы надолго от нашей задачи...

С весны было теплых не более двух дней. Пришли мне перчатки, потому что мои у меня украли... Трава около нас, где нет камней, всё-таки пробивается, деревьев

и кустов вблизи нет. Хотелось бы мне сбежать со своей службы в сторожа, но боюсь и холодов, и дождей, и ветров и особенно боюсь своеволия, как бы не попасть из огня да в полымя... Привет маме и пожелание ей от Бога терпения, здоровья и всего доброго.

Целую тебя, моя дорогая,
твой отец Роман Иванович Медведь

8 сентября 1932 года

Дорогая Ирочка и все родные!

Через десять дней уже будет месяц, как я на новой, еще более сложной службе, но еще доселе я ее не охватил как следует, и, конечно, это меня тяготит. Мой канцелярский опыт всё увеличивается, многое я делаю гораздо скорее, чем это было в начале моей канцелярской карьеры, но всё же я канцелярист еще неважный, а посему и много работаю, а результаты слабые: мешают болезни, кроме неопытности и непривычки... Мои жилищные условия улучшились, я помещаюсь на отдельной койке при своей конторе, а стол у нас не из общего котла, а с 1 сентября мы все — сотрудники, так называемые сухопайщики, то есть получаем продукты на руки и готовим сами, кое-что покупаем; в результате питание улучшается... А так я стараюсь проходить свою школу с терпением; если она мне дана, то, очевидно, для моей пользы, для большего моего смирения, для укрепления в терпении, как новое поприще для самоотвержения, для приобретения опытности и многого другого, что мне и неизвестно. Живу и не ропщу; по поводу своих страданий и оставленности размышляю так: если они за мои грехи, то по поводу себя и тех, кто не забывает меня, я припоминаю притчу о милосердном самарянине и теперь вместе с законником говорю, что тот

мне близкий, кто оказывает милость ко мне; припоминаю слова, которые и ранее я повторял нередко, слова Оптинского старца Амвросия: иной от меня за десятки и сотни верст, а на деле ближе живущего со мной рядом. Если же мои страдания — Голгофа, то вспоминаются слова Христа в Гефсимании о тех, кто и одного часа не мог пободрствовать с Ним, припоминается и то, что после бегства учеников, при Кресте Его стояли Мария Магдалина, кроме Матери Его, Иоанна и еще десятка полтора других жен...

Конечно, действительность постоянно заставляет меня не забывать о моих немощах и физических и духовных. Я стараюсь бодриться и бодрюсь, часто бываю и радостен, особенно утром — до работы. Знаю, что не от меня и не от моих достоинств эта радость. Иногда, и нередко ощущаю и торжество в сердце, и силу, и полноту, но изношенный старый организм постоянно напоминает о несчастной зависимости моей от достаточного сна и достаточного питания...

Не подает нам Провидение быть искушенными более, чем мы можем понести, а так вообще я никак не могу отделаться от сознания, что по человечеству и гражданству я страдаю совершенно безвинно, потому что принадлежу к типу тех верующих, которые проявляли и проявляют по отношению к современной нашей власти максимум благожелания и за это достойны — не наказания, а, наоборот, самого энергичного поощрения. Уже целый год я собираюсь написать ходатайство о пересмотре моего дела, многократно его начинал, но доселе у меня для этого серьезного дела не хватало времени, но рано или поздно я всё-таки постараюсь его найти; когда позволят силы, буду урывать у ночей, чтобы это дело всё-таки сделать... Мое здешнее одиночество не проходит. Доселе я не нашел еще ни одной души, с которой бы мог сблизиться совершенно. Бывали иногда намеки, но намеками дело и оканчивалось. А по-сему по этому поводу я еще и еще повторяю, что я более живу прошедшим, здесь для себя в будущем я ничего не жду и не ожидаю; молчал и молчу, да и не с кем говорить о том, чем я живу и что меня интересует...

7 ноября 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои родные!

Давно душа моя ощущает долг и потребность ответить всем, кто вспомнил день моего рождения... Доселе вы крепко поддерживали меня в моем испытании, прошу и впредь не оставлять меня, потому что часто здесь озираешься кругом, чтобы найти среди людей кого-либо сочувствующего и понимающего, но не нахожу их доселе. Все кругом удручены своими переживаниями и настолько голодны духом, что при всем желании (иногда) не в силах прийти на помощь ближнему. В моем положении нет

ничего существенно нового. Стараюсь проходить свою школу с терпением: много она смиряет меня, постоянно давая мне удостоверение в том, что работник я неважный; делаю много промахов, за них мне нередко достается и приходится пить поношение как воду... Есть, конечно, немало и утешительных моментов, о них я поведаю подробнее через Ирочку, если она приедет на свидание...

Ирочка, я не получил доселе ответа на свое последнее внеочередное письмо и думаю, что это оттого, что вы заняты хлопотами об отъезде и надеетесь при свидании рассказать всё недосказанное своими устами. Если я ошибаюсь, если и нет возможности вам приехать, повторяю, не очень об этом тужите, как я писал вам. Когда надо будет, Провидение устроит наше свидание, а пока — и письменное общение много насыщает душу...

Вчера вечером я несколько отдался воспоминаниям о всей своей жизни и особенно остановился на пережитых происшествиях или, вернее, как я был свидетелем, что человек с неочищенным сердцем не в состоянии правильно воспринять окружающие обстоятельства и передать о них; он невольно извращает действительность и постоянно против своего желания является лжецом и клеветником. Припомнилось, как это было еще в Воздвиженске с умершим Николаем Николаевичем Неплюевым... Еще раз ощутилось, что неочищенное сердце не может стать вместилищем и истинной любви. Любовь подлинная может быть только там, где сердце освободилось от пристрастий...

Возвращаюсь еще к 1 октября*; я весь день чувствовал себя прекрасно и твердо знаю, что это оттого, что в этот день вы крепко меня вспоминали. Сегодня к ночи я чувствую себя очень хорошо, ощущаю глубокий покой,

* 1 (14) октября — день рождения и именин протоиерея Романа.

он и теперь со мной. Я жив, ощущаю Жизнь, и этого довольно с меня. Если центр жизни своей постоянно переносить внутренне в этот Вечный Единый Центр, то не будет обстоятельств, когда можно будет ощущать себя плохо. Вездесущий и Всепроникающий никогда нас не оставляет и оставить не может ни в каких обстоятельствах и ни в каких переживаниях. Если об этом не забывать никогда, тогда наше счастье на земле обеспечено даже в тяжелых болезнях и в самой смерти... Целую тебя крепко...».

По просьбе родных протоиерею Роману разрешили свидание. В декабре 1932 года в лагерь на Попов остров приехала Анна Николаевна с дочерью Ириной. Добравшись до ворот лагеря, они объяснили часовому, зачем приехали. Охранник пропустил их внутрь и проводил в контору, куда был вызван отец Роман.

Анна Николаевна сняла на три дня в лагерном поселке угол в бараке. Все эти

три дня отец Роман жил с ними и только утром и вечером уходил отмечаться в концлагерь, откуда приносил в котелке полагавшийся ему скудный обед. Надзиратели предупредили приехавших, что если они заметят погребальную процессию, то им во избежание неприятностей следует спрятаться. И вот в один из дней они увидели идущую под охраной часовых процессию. Дровни были доверху нагружены телами умерших, их везли на превращенный

целиком в кладбище небольшой островок. Лошадей не было, а вместо них в дровни были впряжены заключенные, которые с трудом, медленно продвигаясь вперед, беспрестанно пели: «Со свя-ты-ми у-по-кой...»

«16 декабря 1932 года»

Дорогая Ирочка и все мои родные! — писал протоиерей Роман в первом письме после свидания. — Доселе после вашего отъезда я получил две открытки: одну, что ты послала с дороги, а другую из Москвы. Рад, что благополучно доехали и что дома нашли всё по-прежнему... У меня всё по-старому — и внешне и внутренне — без перемен. В здоровье после вашего отъезда я заметил вначале значительное улучшение, но вскоре и головокружения, и боли сердца, и общая немощь вновь напомнили мне, что моя телесная машина изнасилась и этого никогда не надо забывать; при малейшем ухудшении условий, при случайных даже недосыпаниях — всё приходит в полную расшатанность. Теперь вновь всё встало на место. Но по сравнению себя с другими нахожу, что я сравнительно еще и бодр и силен. Вокруг меня немало гораздо более слабых, немощных и калек, притом забытых, одиноких и обижаемых своими же сотоварищами по беде — молодыми. Конечно, оттого, что другим плохо, нам не становится лучше, но при подступах уныния всегда можно укорить себя, сравнивая свое положение с положением их, причем среди них, хотя и редко, попадаются люди крепкого духа, неунывающие. В свою работу в настоящее время я настолько втянулся, что и сам удивляюсь, как я всё-таки привык исполнять такую массу работы. Правда, временами я чувствую крайнее утомление, когда бываю вынужден бросать работу и отлеживаться и отсыпаться, в особенности когда приходится

недосыпать подряд две-три ночи. Наблюдающие за мной старые знакомцы свидетельствуют, что вид мой теперь гораздо бодрее, чем был год тому назад. Эта перемена, конечно, главным образом произошла вследствие общих ваших неустанных забот обо мне, за которые я вновь и вновь благодарю всех вас вообще и каждого в отдельности и которые дают мне радость ощущать вас всё более близкими. Мне по-прежнему скорбно, что в числе этих всех я не нахожу некоторых, о чем мы при свидании беседовали, но после свидания всё-таки значительно полегчало — не потому, что что-либо изменилось, а потому, что для меня стала вполне ясной вся картина моих жизненных условий; если душа ранее болела, ощущая не вполне определенное, теперь ясно, от кого и от чего она болит.

17 декабря. Перерыв в письме всё из-за времени и работы. Школа моя — слава Богу, прохожу ее по-прежнему; если на свободе у меня не хватало детального послушания и самоотречения в мелочах, то теперь этих условий — с избытком; обо всём, до всякой пустяковины включительно, приходится спрашиваться, иначе — неладно получается. Это нисколько не трудно, а поношений и укоризн очень и очень достаточно. Всё это приучает и к терпению, и к смирению, и к послушанию, а от них на душе становится всё тише и тише. Более и более замечаю, как всякие волнения и спешка разоряют и душу и телесные силы, а при моем здоровье они положительно губительны, и борьба с ними — моя боевая задача в настоящее время, как это было и ранее...

Повторяю, блажен тот, кто закалил себя с юности к суровой жизни — к малому сну, к голоду, холоду и всяким лишениям. При перемене внешних условий к худшему он сохранит покой; недурно поступает и тот, кто много изучил на память: при отсутствии книг — он прибегнет

к памяти и прочтет, что ему надо... Кончаю письмо, скоро Рождество Христово... Кругом мрачно, но на душе у меня светло. Кругом шумно, а в сердце у меня тихо, ибо, где бы ни был я, в каких бы обстоятельствах ни находился, со мной Мой Единственный Сладчайший Христос. Кланяйся от меня маме, еще привет всем, всем, кто не забыл меня. Целую тебя, прошу всех помнить меня, как и я стараюсь помнить каждого...

10 января 1933 года

Дорогая Иринка!

В связи с моим инвалидством в недалеком будущем возможна перемена в моей судьбе, и даже довольно скорая. Кажется, на этот раз я не ошибусь, хотя в прошлые разы ошибался неоднократно. По старости и немощам, конечно, боюсь переездов и перемены мест и особенно этапов. Но уповаю на Милостивое Провидение и постоянно призываю себя к мужеству, подобающему верующему человеку...

Закончил я свое последнее письмо замечанием, что мало людей, ищущих истины, мало могущих ее принять и еще менее по истине и живущих. К сожалению, это приходится относить и ко многим священникам, которых здесь достаточно и с которыми у меня не создалось близости. Уж видно, такова моя судьба, что почти всю жизнь в моих исканиях и стремлениях я менее всего находил сочувствия среди сопастырей. Казалось бы, общие узы должны были раскрыть сердца ко взаимному пониманию, но, увы, глухие и слепые прежде, через заключение не стали слышащими и зрячими. Не в этом ли причина, что душевные люди не принимают и не могут воспринять духовного? Но боюсь самопревозношения и осуждения других...

Относительно возможных перемен в моей участи, Ирочка, мне думается уместно теперь хлопотать и от вас; я принял во внимание и то, что говорила мама по этому вопросу. Говоря по-человечески, хотелось бы как инвалиду, по возрасту приходящему в большую немощь, доживать свой век на чьем-либо иждивении, но да совершается со мною воля Божия, потому что она для нас всегда самая лучшая...

По-прежнему я всё в работе сверх сил; по сравнению с тем временем, когда ты была здесь, работы вдвое, а то и втрое больше. А при немощах и трате немалого времени для самообслуживания всё и отлагаю писание писем, для которых нужна некоторая собранность и покой некоторый. Привет маме, привет всем, целую тебя крепко, прошу всех не забывать меня и не ослаблять своей памяти обо мне... Даст Бог, до свидания...»

Учу себя быть готовым с христианским достоинством встретить всякие обстоятельства

«27 февраля 1933 года»

Дорогая Ирочка и все мои родные!

Вот уже третье, последнее в этом месяце письмо пишу, пользуясь до конца разрешением на дополнительные письма за ударничество. Дни у нас стали больше, солнышко светит чаще, зима борется с летом, ночью небо глубокое, темное, звезды сияют ярко, точно в бархатной оправе, тихо и морозно. Понедельник чистый, он даже и здесь чувствуется...

Иногда забываешь о своей инвалидности, а иногда особенно ее ощущаешь и видишь, что, по существу дела, ты уже не работник, а старик беспомощный, наподобие ребенка, нуждающегося в уходе. Но в общем духовно бодр. Пробегаю прошедшие годы, особенно начало 1931 года, то есть время ареста и следствия. Много дум по этому поводу, и дум грустных. Ведь уже третий год пошел. Во время ареста и следствия я особенно плохо себя чувствовал... Продолжаю учить себя, пользуясь каждым поводом. Учу себя так себя вести, чтобы всегда быть готовым спокойно и с христианским достоинством встретить

всякие обстоятельства, как бы трудны они ни были, и умереть достойно своего звания. Учю себя никогда не сходить с крепкой скалы — нашей веры. Учю себя — не поддаваться природной иллюзии почитать свое „я“ центром вселенной, хотя с этой больной позиции начинают свою жизнь все люди. Как неверно, что солнце ходит около земли, так неверно и это самосознание. Учю себя свое „я“ утвердить в Едином Великом „Я“, Которого мое „я“ только луч и слабое отражение, а посему без Него и живой связи с Ним оно обречено на неизбежное умирание. В Нем же и в самой смерти — жизнь бесконечная... Целую тебя крепко...

15 марта 1933 года

Дорогая Иринка!

Последние дни от нас уезжают на свободу инвалиды, все едут свободно, по отдельным литерам в места, которые они сами себе избирают. Меня пока это не коснулось, а коснется ли и скоро ли, наверняка сказать не могу, живем (в этом отношении) слухами и предположениями, которые противоречивы. Я покоен — случится ли то или другое, потому что без воли Божией ничего не совершается, а наша воля — нечто погибельное (если оторвана от Единой, Премудрой и Всеблаготворительной Воли) — и посему я не позволяю себе предаваться мечтаниям в ту или другую сторону, хотя мысленно спокойно обсуждаю всякие возможности...

У нас сейчас лютая зима, морозы, сильные ветры, снег. Дома — холодно, хотя и хорошо топим. Руки и ноги зябнут, так что работать (писать) очень трудно. Но в общем — хорошо, потому что на душе покойно... Всем-всем привет и память о них в сердце непрестанная. Целую тебя крепко...

Карелия Мурманской железной дороги.
Станция Кузема. 4 отдельный лагпункт.
Соловецкий лагерь ОГПУ.

24 мая 1933 года

Дорогая Ирочка и все родные!

Уведомляю о перемене в моей жизни. Как видишь, я уже на другом месте. Сюда прибыл на днях; вчера была еще одна врачебная комиссия, после которой окончательно решится судьба, — говорят о достоверности благоприятного исхода. Эти дни были трудные, мою провизию значительно обчистили в дороге, а две последние посылки, думаю, к лучшему, мною еще не получены, хотя и пришли во 2-й ОЛП*, последуют за мною в 4-й ОЛП, но, может быть, меня и не застанут и тогда возвратятся в Москву. Прошу от всех вас на это время особой духовной поддержки, потому что физически тяжело, и это будет продолжаться не знаю сколько дней. Духовно бодр и в глубоком покое... Целую тебя крепко...

22 июня 1933 года

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Очень сильно ощущаю вашу духовную помощь. Благодаря ей злые дни для меня очень скоро сократились. С 26 мая мне предложили быть делопроизводителем на том местечке в двух километрах от Куземы, где мы помещались. Уходил на свободу инвалид-делопроизводитель, спешно его надо было заменить, жребий пал на меня, — и вот до 20 июня я был в этой новой должности. Работы было немного, и атмосфера благоприятная, а посему я не работал сверх сил, как было раньше, а потихоньку, так что было время и для отдыха. Воздух — свежий, кругом — лес, река

* Отдельный лагерный пункт.

и взморье. Жилищные условия также изменились к лучшему, я поселился в канцелярии, где, кроме меня, проживало не более пяти человек... С 20 июня я проживаю там же, но уже в сторожах, вследствие закрытия прежней должности. В смысле трудности и досуга стало еще легче и еще менее ответственно. Продолжаю ожидать решения своей участи. Кроме меня, в таком же ожидании и еще немало людей, а большинство уже освобождено, и почти все на полную свободу. Я очень рад, что установилась опять непосредственная связь с родными. Это одно уже очень много поддерживает. Был труден переезд, потому что ехали со мною в этапе нечистые на руку, которые в дороге обворовали меня и изрезали ножами мои сумки. Спустя три дня, как я писал, бесследно исчезли с места нашей высадки — мой чемодан с бельем, корзина с платьем и сундучок с провизией... Я писал, что эти пропажи нисколько не смущали меня и не нарушили моего внутреннего покоя...

12 июля 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Я всё там же, всё в ожидании, внешние условия за последние 10 дней изменились, я стал жить ближе километра на два, в положении лучшем. Я было вновь заделался делопроизводителем с работой, для моего инвалидства трудной, но с передвижением поближе устроился по силам — в качестве дневального-курьера при одном из учреждений лагпункта — и благодушествую. Находится и свободное время и время, когда могу быть один с собою самим. Голову и душу не обременяют разные ответственные заботы, а посему дух покоен, а физическая работа — посильная: два раза (иногда три) в день уборка служебного

помещения, разнос бумаг, разные небольшие поручения, иногда — небольшая работа по канцелярии...

Учусь по-прежнему жить настоящим, ни к чему не привязываясь (пользуясь миром сим, как бы не пользуясь им). Условия постоянно напоминают о том, что мы странники в этой жизни, которые должны быть готовы каждый момент и с места тронуться, и попасть домой за пределы этой жизни. К этим мыслям особенно располагает наблюдение над нашим братом инвалидом — и при нашем передвижении с места на место, и особенно при оставлении этой жизни, что наблюдать приходится нередко: ведь все-то мы — одною ногою в могиле, долго ли до другой? Чуть побольше усилий или ухудшение условий — и... конец...

Я как-то особенно ярко ощутил, что всякие обстоятельства в жизни — и происшествия, и испытания, и неожиданности — дело второстепенное. Основа, первое, — это постоянная связь с Единым и Вечным. Есть она, тогда всё происходящее, хотя бы и самое тяжелое, можно переносить равнодушно или, вернее, — покойно. Главное-то ведь имеется, а всё прочее — преходящее. В Главном же и Едином, как в Полноте, всё есть и всё в Нем, а посему никакие утраты этой жизни не страшны. От понимания до осуществления конечно далеко, но понимание всё-таки 50 %; по пониманию можно себя приучить и жить... Невзирая на всякого рода тягости, будем мужественны и благодушны.

Господь со всеми нами!..

30 июля 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Сегодня день твоего рождения, поздравляю тебя и маму, шлю пожелания такие, какие для тебя будут самыми лучшими и какие я бы мог придумать для тебя. Мое положение без перемен. Все не перестают говорить, что всех нас, активированных инвалидов, может быть за малыми исключениями, всё-таки вскоре отправят, даже стали отправлять и лиц нашей категории, но до меня, как видишь, очередь не дошла. Пока еще лето, мне на последнем месте хорошо — дневальным, курьером и немного по канцелярии. Но к осени, когда придется и дрова пилить, и колоть, и печи топить, при моих грыжах и сердечной слабости будет много тяжелее. Но может быть, до этого времени отсюда и отправят; по большей части отправляют вчистую; все утверждают, что вопрос в нескольких днях, но они уже растянулись на месяцы. Конечно (по своему хотению), я желал бы освобождения; если оно сейчас для меня необходимо, то, конечно, Провидение его мне и предоставит. Хотя я и избегаю мечтаний, но мысли разные приходят: что я буду делать после освобождения? Чего я желал бы для себя? А ответ постоянно у меня всегда готов — хочу покоя, хочу отдохнуть, в себя прийти, собою заняться. Ни на государственную службу, ни на церковную у меня по инвалидству нет сил, нет энергии. Как старику, хочется жить только тем, что нажито доселе (я неточно выражаюсь — нет энергии на новое), хочется уединения и молчания и того, что с ними может быть связано для верующего человека.

Теперь у меня нет постоянных забот, ум мой и сердце ими не обременены, но некоторое беспокойство есть — это постоянно оберегать от воров и учреждение, при котором

я состою, и свое имущество; на этой почве, может быть, в силу своего вообще заботливого (или беспокойного) характера, я и недосыпаю и имею лишние волнения, но в общем мне по-прежнему хорошо...

Общая атмосфера для меня здесь много лучше, чем на прежнем месте. У меня есть времечко и для чтения, и для размышлений, и для воспоминаний обо всех вас. Я точно прихожу в себя после более чем двухлетней болезни и медленного сгорания... Многое увидел я, многому научился; во внешнем я уже не такой беспомощный, как ранее, многое сам научился делать. А вам всем хотел бы сказать (хотя и ранее писал об этом), как важно, живя на свободе, приучать себя к жесткому житию и всяким лишениям, чтобы, когда придут тяжелые обстоятельства, всё переносить с мужеством и полным самообладанием. Чувства, чувства, — как они разоряют нас, если не находятся в полном подчинении разуму! Когда догорают силы, видишь, как много их затрачено напрасно. Чувства — огонь души — надо хранить только для Первостепенного, а ко всему прочему надо научиться [относиться] спокойно, почти безразлично (покупающе, яко не приобретающе, пользующеся миром сим, яко не пользующеся и проч.). Эту мораль прописываю прежде всего себе и требую, чтобы у меня было именно такое отношение к моим внешним обстоятельствам, и в частности к моему заключению...

Всем желаю всего доброго. Не взыщите, что сравнительно редко пишу; по инвалидству я уже не ударник и не могу иметь прежнего количества писем. Не взыщите и на содержание писем, если оно кажется вам скудным, — от скудного и убогого чего же ожидать? Целую тебя крепко, Ирочка...

14 августа 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Всё те же ожидания. От более или менее компетентных лиц слышал, что еще, может быть, придется ожидать месяц-другой, а я опасаюсь, может быть, и более. Уж не навести ли справки тебе в Москве? Мое дело за Коллегией ОГПУ, от этого, говорят, и задержка — коллегиальных стали освобождать только в последнее время... Пока же я продолжаю дневальить и прочее. Только условия стали хуже для нервов. Я писал, что живу среди отрицательного элемента и масса энергии уходит на оберегание казенного и своего имущества. Всё налеты; меня вновь обокрали среди бела дня, вырвав пробой с замком от двери; я был в отсутствии не более десяти минут. Правда, удалось немедленно напасть на след похитителей и возвратить бо́льшую часть ворованного, но кое-что и пропало, например очки, часть провизии, кое-какие вещи, но самое главное — это моя слабость — тобою привезенный прекрасный флакон с притертой стеклянной пробкой с содержимым, а также галстук, тоже тобою привезенный*. Хотя последняя пропажа по сравнению с предыдущей очень небольшая, но меня она очень огорчила. К тому же это время я прихворнул гриппом (перенес на ногах); пять дней принимал аспирин. Ослабел, похудел и доселе не вполне оправился. Пошли мрачные мысли. Болезнь который раз показывает мне, насколько я дряхлею и небольшие заболевания переношу всё с бо́льшими страданиями; конечности стынут ужасающе. Опять мысли о недалекой смерти. За последнее время было много беспокойств, не было надлежащего сна...

* Имеются в виду Святые Дары и епитрахиль.

16 августа. Самочувствие стало лучше. Условия стали значительно покойнее. Я и сплю лучше, и на дворе стало тепло. За это время всё-таки находилось время и для чтения, и для размышления. Основные мысли о нашей вере всегда очень утешительны. Но, когда оглядываюсь на окружающее, для себя отрадного нахожу очень и очень мало... Впрочем, всё в руках Всевышнего и, что ни случится, надо принять с благодарностью и спокойно. А для чего всё это произошло? — В своё время узнаётся, что так было надо, так было очень хорошо и для меня и для других моих однодельцев. Всех вас помню, всех ношу в сердце, всех люблю, всех благодарю, всех приветствую — все для меня живы, но и видеть всех вас очень бы хотелось и, конечно, не однократно, а так, чтобы насытилась душа. Привет маме, целую тебя крепко...

1 сентября 1933 года

Дорогая Ирина и все родные!

Живу я на том же месте и в той же должности — дневального-курьера. По существу дела — должность легкая, а для моих сил, в последнее время в особенности, очень не легка... Тело и душа ищут тишины и покоя, но здесь их трудно иметь. Часто ощущаю нужду и в свежем воздухе, почти всё время я прикован к помещению, охраняю и казенное, и наше частное имущество... Сегодня моё самочувствие получше — было больше сна и меньше беспокойств. Вот я и засел писать письмо. А ранее, хотя и брезжит сознание, что написать надо и что вы беспокоитесь о моем молчании, но не было и энергии, и времени. Конечно, посещает меня нередко и много дум, но по большей части характера нерадостного. При всех усилиях всё-таки тяжело жить оторванному от привычной обстановки и своих близких. О, как начинаешь здесь ценить те условия,

в которых живете хотя бы и вы все! Условия, условия, как зависит от них личность человеческая! Как сама по себе она слаба в немощах, в старости!

Это время снова чаще меня посещали мысли о смерти. Конечно, она уже не за горами, я уже докатился до пределов жизни, а всё же хочется кончить свои дни и не здесь, и не на чужбине, а среди родных. Но будет так, как распорядится Провидение, и приму безропотно то, что Оно пошлет. Среди дум — много условий наталкивает мысли о том благе, которое достигается при общении имуществ, когда личное имущество сводится к минимуму. Припоминаю подобное общение в организациях IV века у Пахомия Великого. Да! Хорошо там было, очень хорошо, но потому, конечно, что все собравшиеся были единомысленны и единокорны, одного настроения и, кроме того, свои физические потребности они научились свести к минимуму, а посему для своего экономического обеспечения они тратили очень мало времени — имели много досуга и пользовались им так, как находили это нужным по своим убеждениям. Физически они были нищие, но духовно очень богатые. А за всем тем я ощутил великую правду в том, что, по существу дела, праведная собственность может быть только там, где она — не личная, а общая; а кого именно общая — справочка о Пахомии очень уместна*.

* Речь идет об основанном преподобным Пахомием (ок. 292–346–348), с целью беспрепятственного преуспевания в духовной жизни, первом в православном иночестве общежитии (киновии) в Тавеннисе в Египте, к которому впоследствии присоединились еще несколько старых и новоустроенных обителей, в том числе и женская. Иноки всех монастырей составляли одно братство, связанное единством духа, управления и хозяйства. Количество иноков доходило до 7 тысяч, и все они находились под руководством преподобного, который по заповеди Господа был всем слуга и всегда готов был повиноваться и принимать замечания от каждого брата.

Вообще же напоминаю себе, что и в этом вопросе, как и вообще во всех вопросах нравственности, кроме резкого различия (добро и зло), на деле (в жизни, в истории) много степеней, по которым и личность и общество выбираются из крайнего зла к высшему добру, и каждая промежуточная ступень носит характер относительный, то есть она — добро с точки зрения низшей ступени морали, но она же может расцениваться и как зло — с точки зрения высшей ступени. А всё дело, конечно, в устремлении — подымается ли человек и общество всё к высшему или же, наоборот, опускается к низшему.

Я ублажаю всё-таки того нищего, о котором пишет Димитрий Ростовский: старый, больной, в рубище, в холоде и голоде, он был по своему уверению всегда счастливым. Я верю этому — он не имел никакого своего личного имущества и не был к нему прикован. С этой точки зрения и мне благо, когда здесь расхищали неоднократно моё имущество, но зато я делался свободным от его хранения...

Передай привет всем нашим родным; поименно их не упоминаю, но сам-то про себя их каждого по имени называю и помню. Всех приветствую, всех благодарю, привет маме, целую тебя крепко; посылки получаю, хотя теперь и реже, нужду ощущаю в сахаре (если сумеешь найти, пришли). Еще раз всем привет...

25 сентября 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Не писал вам уже целый месяц. За это время много пережито, было очень трудно. Несколько дней я совмещал обязанности дневального и счетовода-табельщика, потом меня от дневальства освободили, и я был счетоводом-табельщиком более трех недель. Было очень тяжело, работа была запущена, я работал очень много, сверх сил, правда, привел всё в порядок, но сильно исхудал, моя плоть заметно тает. В связи с переутомлением очень падали физические силы и настроение. Не было времени для самообслуживания. За это время у меня украли почти всю одну посылку, так что нужда уже была стала стучаться в мои двери... Но сегодня внезапно с меня сняли служебное бремя, и я почувствовал свободу от всяких забот и ответственности. Решил вечером засесть за это письмо. Вот и сижу в бараке сотрудников... 20 сентября снова была врачебная комиссия, и я уже в четвертый раз признан инвалидом: грыжа, порок сердца с отеком ног и преждевременная старческая дряхлость... Пришлось пережить немало поношений. Я припомнил, что очень полезно пить их, как воду, и утешился...

Очень сожалею, что не могу вас обрадовать добрыми вестями о себе, как было месяца два тому назад, когда

я писал, что мне очень хорошо. Конечно, мне неплохо и теперь, но уж очень много зла вокруг. Очень жалко мне злых, потому что от злобы плохо и хуже всего самому злецу — что́ он носит в себе? Какую беду? И разве с ней он может быть покойным и счастливым? Конечно нет. Гложет и сушит его злобность. Кроме злых, есть много измученных и изможденных. Все нуждаются в утешении и поддержке, но почти никто не в силах дать их другому, потому что сам удручен и изможден. Грустная картина! Здесь редко кто делится тем, что получает, с другими, потому что самому не хватает или только в обрез. Всё это вместе взятое наполняет душу скорбью и ощущением крайнего одиночества... Привет маме и пожелание ей доброго здоровья...

8–9 ноября 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Погода такая, как в тот день, когда ты приехала ко мне в прошлом году на свидание, — сильный ветер, снег, а потом и мороз. Комната, в которой я занимаюсь, угловая, вторые окна еще не вставлены, ветер гуляет, печь не топится, мучаемся напрасно, в дыму целый день, ветер через трубу выдувает дым из печи обратно в помещение, дым заел и очи, и горло. Но 9-го уже хорошо, мороз, ветер переменялся, и в комнате делается теплее и теплее, печь топится хорошо.

Давно не писал тебе, было недосуг, надо было кончать к месячному отчету срочную работу, да и прихворнул я... доселе еще не вполне оправился; болел на ногах, потому что нельзя было прервать работу и через то подвести моего непосредственного начальника; теперь зато легче...

Из твоих последних писем я вычитываю (может быть и неправильно), что Красный крест обо мне ходатайствовать не будет, а посему ты написала о советующих подать прошение об амнистии... Что же касается амнистии, то я лишен возможности о ней ходатайствовать, потому что это ходатайство означало бы признание себя виновным по примененной ко мне статье 58, пункты 10, 11. Но виновным я себя признать не могу, потому что эта статья — политическая, а я в области политической против советской власти нисколько не виновен. Смело говорю: наоборот, моя позиция по отношению к советской власти всегда была исполнена максимума благожелания... Я работал исключительно на религиозной почве, основа — отделение Церкви от государства — мною была провозглашена и осуществляется за 9 месяцев до выхода декрета об отделении Церкви от государства и до появления советской власти... Я постоянно стоял за мирный сговор церковников с советской властью... и сознательно принял и защищал примирительную политику митрополита Сергия, за что также перенес немало, а посему мне не в чем признавать себя виновным. Я виновен лишь в том, что я — верующий, но и эта вина отпадает, поскольку Конституция СССР признает свободу религий. А посему осуждение меня по 58-й статье есть чистое недоразумение. Я могу ходатайствовать только о пересмотре моего дела, доселе я этого не сделал по своим болезням, крайней перегруженности работой, которые мне не оставляли ни времени, ни сил для написания этого ходатайства, а также из-за постоянного ожидания освобождения по инвалидности. Если меня не освободят по инвалидности в скором времени, тогда постараюсь написать, наконец, и это ходатайство...»

Я целую свои узы и знаю, что они мне во благо

«Мурманская железнодорожная
станция Кузема. 3 лагпункт
Беломорско-Балтийского Комбината.

23 ноября 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Что-то в последние дни у меня очень скорбно на сердце; из случайных обстоятельств, которыми полна наша жизнь, я убеждаюсь всё более, что делаюсь всё более немощным стариком, я дряхлею всё сильнее; мысли о смерти всё более меня посещают, мечтаю о том, чтобы, в тишине пребывая, оплакать грехи свои и подготовиться к смерти, а потом и принять ее в спокойствии сердца. В канцелярии, где едва ли мне придется работать (штаты, как и всюду, у нас постоянно сокращаются), остаются только работники сильные, а нам, старикам, останутся только легчайшие работы на производстве, как например переборка картофеля и овощей, шитье стелек в сапожной, а может быть, плетение корзин из дранки и плетение лаптей, — а у меня нет сил, нет сил и на случайные перемены в нашей жизни, перемены мелкие. С весны, как я оставил Морсплав, я очень сдал. Благодаря вашим посылкам я питаюсь вполне хорошо, но уже, видно, и корм не в коня. Годы и болезни

берут свое; правда, я еще на ногах, в больнице не лежу... но не закрываю глаз на свое дряхление... Часто вспоминаю об аде и его муках, начинаю прозревать, как там худо... Привет всем, всем и каждому в отдельности...

24 мая 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

Уведомляю вас, что по своему делу я написал два заявления: одно краткое во ВЦИК СССР — с ходатайством об освобождении меня по инвалидности, и другое — длинное — верховному прокурору с просьбой о пересмотре моего дела или, по меньшей мере, об освобождении меня по инвалидности. Во втором заявлении в качестве основания для пересмотра я указываю на отсутствие в следственном материале фактов, доказывающих мою виновность в пунктах 10 и 11, 58 статьи УК, и, во-вторых, на то, что следствие не потрудились само и не дало мне возможности

установить индивидуальность моих религиозных воззрений, при наличии которых инкриминируемых мне нарушений 10-го и 11-го пункта и не могло быть... В силу своих религиозных воззрений я всегда был корректен, но не раболепен как к прежней государственной власти, так равно и к советской. Сама моя работа при советской власти была обусловлена моим соглашением с управляющим делами Совнаркома и с ВЧК — этим соглашением были установлены возможность и пределы моей работы в пределах СССР. В силу этого соглашения я и остался в РСФСР, хотя и имел полную возможность легально уехать на свою родину в бывшую Холмскую губернию. Условий, данных мне, я ни в чем не нарушил, а между тем уже четвертый год томлюсь в лагере. В силу изложенного я и прошу о пересмотре моего дела... Привет и низкий поклон... всем...

30 августа 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

Действительно, я давно не писал вам, очень много работы и, кроме того, командировки, в которых в общем я провел 12 дней. А здоровьем я держусь по милости Божией, хотя и трудновато подчас...

С самого прибытия в лагерь в 31-м году я целую свои узы и знаю, что они мне во благо, и всё время держусь того же убеждения; правда, мне тоскливо в разлуке с родными, но ведь я их всё-таки живо ощущаю, невзирая на расстояние, и убивающего одиночества не знаю, потому что Единый Вездесущий всегда с нами и в нас. В общем в душе моей покой, а будущее я отдал в руки Того, Кто лучше всех всем распоряжается, а пока по совести работаю и исполняю свои обязанности...

Всегда, когда я не пишу в отдельности привет, а всем вообще — переводите этот привет и на каждого в отдельности. Я всех, всех помню, все у меня глубоко в моем покойном, незасуечённом сердце (не засуечённом массою всякого рода забот — здесь их почти нет, а многие заботы по службе совсем иного свойства, и я их переживаю покойно)...

Мое ходатайство во ВЦИК направлено с Медгоры 10 августа 1934 года за № 41008, а в направлении другого ходатайства — главному прокурору — отказано. Предполагаю ещё сделать попытку о его направлении, потому что это ходатайство — о пересмотре дела, то есть другого характера, чем первое. До свиданья!..

17 сентября 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

По времени — для всех нас очень много скорбей и страданий, им как будто и конца срока не видно, но основание наше — нерушимо; как бы ни вздымалось море, оно не сокрушит Крепкой Скалы, на которой мы стоим. А посему во всех условиях жизни мы можем иметь нерушимый, величавый покой... Приветствую всех моих родных... Много, много дум о том, как бы хорошо пожить с вами и Иринкой вместе; иногда кажется, что было бы недурно даже и на этом дальнем севере, но пока я связан узами — надо ожидать терпеливо конца, с благодарностью принимать, что дается, — как самое лучшее и самое полезное для нас. Об одном только должна быть скорбь — о нашем общем положении, наши скорби в общем море страданий капля одна... Всех приветствуйте, кто помнит меня, приветствуйте поименно...

Кемь. Вегеракша [Попов остров].

1 лагпункт. 9 отделение

Беломорско-Балтийского Комбината.

8 октября 1934 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

О чем я предупреждал тебя, Ирина, то со мною и произошло. Я уже третий день нахожусь на новом месте по той же Мурманской железной дороге в городе Кемь, в 1 лагпункте... Переезд совершился очень хорошо, без неприятных приключений и даже с удобствами, хотя, конечно, приходилось и потаскать свои вещи с большими усилиями и едва переносимым напряжением. Но спутники на этот раз помогли, была и лошадь и к железной дороге, и оттуда. Новое помещение хорошее —высокое и светлое, но пока без печи. Холодно. Обещают на днях построить печь. Работа у меня такая же, как и на прежнем месте, но здесь людей во много раз более, в несколько раз должна увеличиться и работа. И это бы еще не беда — к своей

работе я привык, а вот то беда, что у меня всё было поставлено очень четко, а здесь — пока я не могу войти в курс дела — дело идет не так удачно. Придется много потрудиться... Крепко целую тебя и всех вас. Жду вестей...

8 декабря 1934 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

На этот раз не порадуя я вас добрыми вестями о себе. Уже более месяца у меня боли в верхней части груди над сердцем и в самом сердце. Сначала я думал — скоро пройдет, результат временных переутомлений, но чем дальше, тем хуже. Теперь и в левом плече боль, и в левой руке. Положение напоминает 1926 год, когда я четыре месяца пролежал в деревне и едва выправился. Возможно, скоро придется лечь в больницу. Я уже было получил туда направление, но временно удержан по службе; конечно я хожу и работаю, но немощь часто одолевает...

Кругом — скорби и скорби: как много теперь требуется мужества, терпения и особенно веры, но, что бы то ни было, нам не следует унывать и падать духом. Всё идет так, как этому должно быть, не по нашей воле — значит, так, как надо... Письмо заканчиваю, крепко тебя целую, Иринка, и всех. Всем всего доброго...

Кемь. 1 лагпункт.

Центральный лазарет.

17 декабря 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

Уже неделю я нахожусь в лазарете. Прекрасное помещение с электричеством и всеми удобствами, высокое, светлое; палата, в которой я, — на 10 человек, врачебное

отношение, уход и питание очень хорошие. Попал я в лазарет очень вовремя, иначе, говорит доктор, со мною был бы удар...

Кузема Мурманской железной дороги.

2 лагпункт. 9 отделение

Беломорско-Балтийского Комбината.

Почтовый пункт Сеннуха.

25 января 1935 года

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Вчера я переехал из Кеми в Кузему. Переезд мой, или вернее возвращение в Кузему, совершился довольно неожиданно. За неделю до этого я не мог о нем и мечтать, так сильно я был связан с Вегеракшей, и вдруг эти связи колебались, и я вновь в сравнительно тихой Куземе. Я писал вам, что в связи с моей болезнью меня освободили от ответственной службы, мне стало легче работать, и мое здоровье также стало улучшаться. Казалось бы, и достаточно. Но внезапно около меня и для меня сначала непонятно атмосфера сгустилась, и в результате всего я очутился вновь в Куземе. По существу дела, это меня удовлетворяет, но здесь я совершенно одинок. Мой спутник, с которым мне приходилось переезжать с места на место, случайно конечно, остался в Вегеракше. Я говорю об А-ке*. Разлука с ним для меня огорчительна, потому что за три года мы узнали друг друга и очень друг к другу привыкли.

Здесь, в Куземе, еще много моих прежних сослуживцев, приняли они меня приветливо, но мое положение еще не установилось. Не определилась моя работа и даже неизвестно, останусь ли я в самой Куземе или буду где-либо поблизости...

* Речь идет о человеке, который впоследствии предоставил приют отцу Роману в Черкассах.

Кстати, об условиях переезда сюда. Он совершился так просто и легко, как будто Кто-то с любовью позаботился о нем. Я был послан свободно, без конвоя, на переезд к вокзалу мне дали лошадь, случайно со мною ехал один из куземских сослуживцев, он мне помог и билет купить, и перенести мои вещи на поезд, а потом с поезда. В Куземе с вещами я тоже не имел затруднения — их перевезла возвращавшаяся назад подвода, и только я прошел пешком по снежным сугробам. Доселе тихая и теплая погода к моему переезду стала морозной, ветреной, снежной, но для моего переезда выпали очень благоприятные промежутки...

14 февраля 1935 года

Дорогая Иринка и все родные!

К моему утешению, я опять в Сеннухе на своей прежней работе и снова в бытовых условиях, для меня благоприятных. На Пóньгеме я находился только десять дней. Там жизнь кипит ключом и работа весьма интересная, но количество работы и ее условия были не по моим силам. Надолго меня бы там не хватило; как видите, я пробыл там очень короткое время; не буду вам описывать подробности, одно скажу: было нелегко во многих отношениях, однако всё переносилось благодушно; в глубине сердца всё время был покой, он регулировал мои действия, и самочувствие было хорошее. До таких переутомлений, которые рождали бы и поддерживали уныние, я не доходил. Переброски с вещами и эти два раза были нетрудными, всё проходило удобно и удачно. Здесь я уже отдохнул, пришел в себя и спешу поскорее написать вам, чтобы у вас не было обо мне излишних беспокойств.

Ещё не прошло и месяца, как я пережил четыре переброски. Я не задаюсь вопросом, почему и для чего всё это. И говорю себе постоянно: раз так происходит, то, значит, так и нужно, и всё происходящее есть самое лучшее для меня в настоящее время. А посему какие-либо колебания, недоумения, огорчения и тому подобное неуместны. Ведь весь секрет жизни в том, чтобы всё совершалось не по моей мелкой воле и не по моему жалкому умишку. Единая Премудрая и Благая Воля должна царить во всём, а наше дело не мешать ей осуществляться и в нас, и через нас. Прочее — всё понятно.

Завтра кончатся четыре года моего заключения. Кто бы мог думать, что я их переживу, а вот пережил и, если говорить о своей воле, еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас, может быть, и пожить с вами. Впрочем, оговариваюсь, и этого я желаю, как и писал вам не раз, для оправдания своей веры и славы Всевышнего... Крепко целую вас всех, моих дорогих...

6 марта 1935 года

Дорогая Иринка и все родные!

Стал я получать от вас весточки уже на Сенную и отсюда узнал, что вы мои письма отсюда уже также получили... За всё присылаемое я всем вам очень признателен, хватает не только для меня, а можно кое с кем и делиться, что мне доставляет истинное удовольствие...

Вы бы, конечно, хотели знать о моей жизни и о моем самочувствии... Как-то всё тяжелее переношу и малые недомогания и отсюда заключаю, что годы берут свое, — я слабею, иногда на этой почве у меня развиваются грустные размышления. Работа моя нетрудная и не такая

большая, но частенько и она мне тяжела, хотелось бы получить передышку. Два раза я здесь был у врача, и первый же раз он сказал мне, что поставит вопрос о моем инвалидстве вновь. Я поблагодарил его, но пока еще по-старому числюсь в прежней категории...

Спасибо за добрые чувства, будем надеяться, что мы еще поживем вместе, и я отдохну с вами на кончике моей жизни. У меня ведь только одна дума, это как бы дожить до конца моего заключения, повидать всех вас и умирать не здесь одиноким, а там, среди вас, моих родных и близких...

Ирочка, ты пишешь, что я сам виноват в том, что так долго сижу, потому что долго сам не подавал о себе заявлений. Может быть и так, оправдываться я не буду. Скажу только, что разделяют мою участь и многие другие, подававшие не одно заявление. Конечно, я в первые два года не подавал заявлений. Всё казалось, что мое инвалидство выведет меня на свободу, как вывело очень многих. Но вышло по-иному. Скажу тебе, что подавать заявления нам разрешено только один раз в год и спустя полгода после прибытия в лагерь. Вообще же всю жизнь я был человеком неумелым и малоустроительным, непрактичным, что и здесь чувствуется на каждом шагу. Это сказалось и с моими заявлениями. Здесь более, чем в другом месте ранее, я чувствую себя одиноким. Без привычного спутника мне временами бывает очень и очень скорбно. Он много обо мне заботился и хранил меня. Это я теперь особенно ощущаю. Может быть, с ним нас опять сведет судьба. Тогда радость будет большая...

Привет всем-всем и каждому в отдельности, привет маме, прошу простить, если кого-либо я не вспомнил на этот раз, а вообще помню, не забываю. Крепко целую тебя, Иринка, и всех...

29 марта 1935 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

Кажется, и вам давно писал, и от вас долго писем не получал. Наконец пришли две открытки... Беспокойтесь и спрашиваете о моем здоровье. Оно улучшилось, значительно улучшилось... Среди условий, в которых приходится жить, конечно, не всё розы, есть и неблагоприятное — и немного его, а переживается оно очень трудно. Я на себя поражаюсь, удивляюсь и очень собою недоволен. Сущие пустяки, а для меня настоящая болезнь. Вот и задаюсь вопросом, что делать, чтобы не нервы мною владели, а я ими. Кажется, всё хорошо, день, другой, третий; забываешь о нервах, вдруг — какой-либо случай, а мало ли их всюду — и всё загуляло; точно по голове ударит, и долго не можешь прийти в норму. И бранишь себя, и увещаешь, а факт остается фактом. Да! — нагрузка Вегеракши и Пóньгомы мне была не по силам, и от результатов этих перенапряжений я еще не освободился...

18 апреля 1935 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

Подходят великие дни. Приветствую всех вас и посылаю лучшие пожелания. Хорошо бы в это время быть вместе, как это было ранее. Но если не физически, то мысленно будем вместе, будем посвящать на мысленное общение то или иное время. Здесь это лучше делать утром, до работы, тем более что ночи у нас укорачиваются всё более и скоро наступят белые, а тогда сон бежит... Мое здоровье укрепилось, работа — по моим силам, условия — благоприятные в общем, и я готов в подобных условиях досидеть до конца своего срока. Но это не от меня зависит; всегда возможны переброски, которых вы вместе со мною боитесь...

20 апреля. Эти дни у нас прекрасная погода — воздух чудный, живительный... Могу сообщить вам несколько успокаивающую новость. Сегодня на медицинской комиссии я вновь признан инвалидом, о чем и составлен акт. Для меня это хорошо, потому что более меня гарантирует от перебросок. Снова от нас двинулись на свободу инвалиды, но я не надеюсь на освобождение. Мой акт запоздал, да и не всех отпустят. Мое самочувствие — хорошее. Посылки от вас идут хорошо. На прошлой неделе получил я одну, завтра или послезавтра получу вторую — большую...

За это время немало всяких мыслей всё более неутешительного характера. Но основное, конечно, — одно и то же, оно прочно и не может поколебаться. Вечное — нерушимо. Только бы научиться всё более и более глубоко входить в него. Какая мудрость уметь отходить от своего „я“ и опираться на „Я“ Великое — Единое! Всем этого желаю, особенно в эти дни. Что бы ни было, а вечность за нами и в этой жизни, и в будущей. Временные

страдания — неизбежны для находящихся в странствовании. Но, кроме страданий, сколько еще и здесь радостей и счастья! Всех вас трижды целую...

2 мая 1935 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

Многократно всех вас целую и взаимно поздравляю с праздниками. Получил я ваши открытки... получил и обе посылки... Балуете вы меня. Мое здоровье утряслось — то есть держится на уровне заметного улучшения.

Погода и у нас неважная. Завернули холода, и вместо весны у нас недели две держится настоящая зима с морозами, метелями и сильными ветрами. Но это сильно не действует на настроение. Оно держится устойчиво. Ожидаю конца своего заключения, который теперь уже не за горами, то есть в конце (а может быть, и несколько ранее) 1936 года. Конечно, я учитываю и другие возможности и к лучшему, и к худшему; замечаю и некоторые признаки,

по которым об этом сужу, то есть возможности улучшения и ухудшения — сокращения и удлинения срока. На свое ходатайство об освобождении, написанное в июне или мае 1934 года, доселе я еще не получил ответа. Подумываю о его повторении. Может быть, в настоящее время уместно и вам что-либо предпринять...

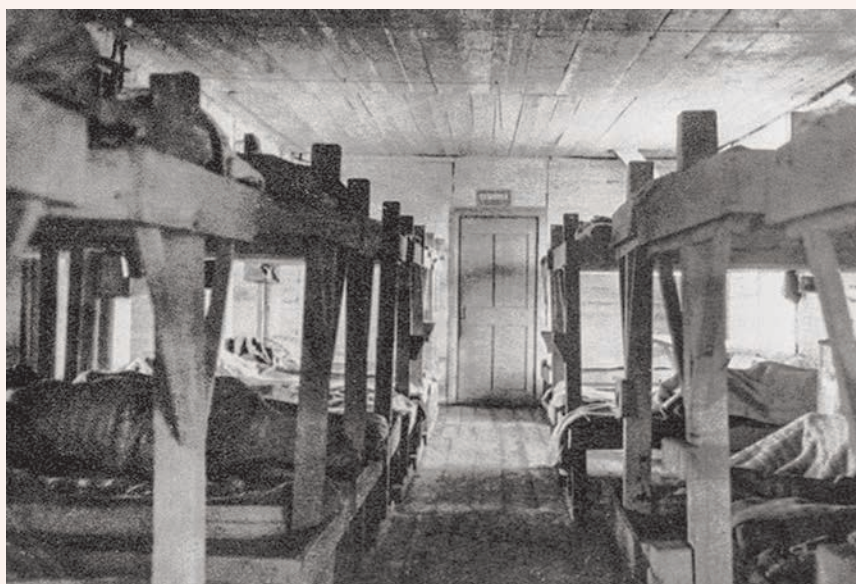
Много дум, много размышлений; иногда помыслишь: хоть и здесь я, вдали от вас, но зато — в одном положении, уж дальше мне некуда, а был бы на воле, разве был бы гарантирован от всяких тревог и плачевных неожиданностей? А посему, может быть, и лучше, что я еще здесь... А посему пусть течет поток моей жизни так, как течет теперь. Всё равно к чему-либо придет. Сохранялся бы покой духа. Я хотел бы только такого здоровья и сил, чтобы хранился этот покой. При нем — воля или неволя — вещь второстепенная. Иметь бы свободу внутри — от всякого зла и всякой скверны.

Два дня мы празднуем. Кончается второй день. Креплюсь я, креплюсь, но какое громадное значение имеют внешние условия, это могут оценить только те, кто побывал в подобной мне обстановке. Для известного состояния духа очень важно одиночество, но одиночество полное, то есть вдали от людей. Но одиночество среди людей — тягостно, потому что очень трудно среди шума входить в свою душу. Я не жалею, мои условия сравнительно очень хороши. Мысленное общение я с вами имею — и непосредственно, и получая от вас письма. Но в дни отдыха я очень ощущаю недостаток личного общения с вами — и голодно душевно, и одиноко. Однако терпел годы, потерплю и еще.

Конечно, очень мешает собственная никчёмность, которую всегда ношу с собой. Сознаю, что надо делать мне в настоящее время, а не делаю, всё отлагаю до будущей

перемены условий. Это самая большая причина недовольства собою. Очень всех вас благодарю за вашу неизменную любовь и заботы обо мне. Как бы мне хотелось еще в этой жизни воздать вам за нее в личном общении! Верю, что это возможно и что это будет. Крепко еще раз целую всех вас в общем и каждого в отдельности».

Впоследствии отец Роман, говоря о внешней стороне жизни в концлагере, рассказывал: «Нары — рядами, без постели — одни голые доски. Кругом — воры, которые без конца тебя обворовывают. Пойдешь, чтобы получить похлебку — с тебя по дороге срывают шапку и вырывают хлеб и выхватывают котелок с похлебкой. В бараках круглыми днями стоит площадная ругань, и такая, какой я в жизни никогда не слышал. Это было преддверие ада».

Иисусова молитва, по милости Божией, со мной непрестанно

Окончился срок заключения, и 26 июля 1936 года протоиерей Роман был освобожден из концлагеря; он поселился под Волоколамском, где жили тогда многие вернувшиеся из заключения монахи Высокопетровского монастыря, которых он хорошо знал. Но и здесь ему местные власти не давали покоя. Обвиняли его в том, что к нему ездит слишком много людей, что привозят ему продукты, что тратят на него деньги. Всё время власти следили за ним. «Какая-то мертвая струя влилась в жизнь, которая душит всё живое — и никуда от нее не денешься», — с горечью говорил отец Роман. Не шло на поправку и его здоровье.

«Мое здоровье стало опять несколько хуже, — писал он дочери 8 августа 1936 года, — опять в области сердца и повыше ощущаю боли, и движение руками, особенно левой, стало затруднительным и причиняет мне боль. Жаль, что не могу посоветоваться с хорошим врачом и установить такую диету, которая была бы для меня самой полезной. Теперь имею время и для чтения, и для размышления и прихожу к кое-каким новым выводам, конечно не теряя

131/6

Паспорт выдан в 1936 г. **СПРАВКА**

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ
КОМБИНАТ

Одделение БЛАГ
26 июня 1936 г.

№ 4-13961.

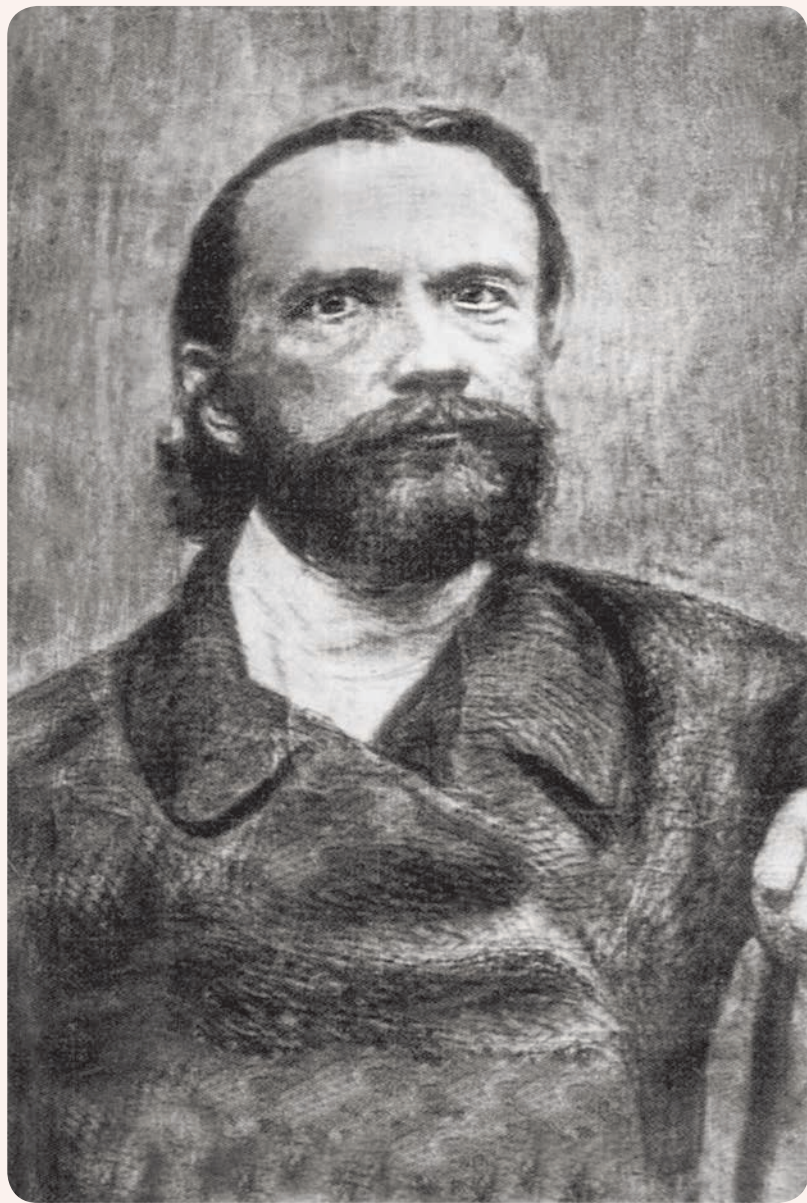
Дана гр. Цедсеге Роману,
Сиванскому рождения 1874 года
урожен. м. Замосце, Могилев.
Хобб рыб.
осужден Засед. Комит. ОЛТУ (ср.)

10 «мая» 1931 г. по ст. 5819 УК
к заключению в ИТЛ на 10 лет, в том, что он
Возм. Бейли из прот. 25/32 Засед. Комит. ОЛТУ
СССР от 19/11/32. ср./сс. сокр. 1/3 из отб. от
Корр. св. 1/3/32. 443 раз отб.
из Беломорско-Балтийского Лагера НКВД сего
числа **освобожден.**

Форма № 2. 928 15309

своей основной позиции, а только развивая и углубляя ее. Чистота и святость в своем сердце, чистота и святость в общении с братьями, недопущение даже однократной обиды хотя бы одного человека — вот основы, на которых я старался строить свою жизнь, — а теперь эти принципы для меня еще более выясняются и требуют проведения их в жизнь — без всяких компромиссов, я бы сказал, с самой непримиримой обязательностью».

Вскоре отец Роман переехал жить в поселок Валентиновку под Москвой к своей духовной дочери, Маргарите Евгеньевне Ветелевой, муж которой, Александр Андреевич, стал впоследствии известным и весьма уважаемым священником. Здесь отец Роман прожил три месяца. К Анне Николаевне в это время зачастил с визитами сотрудник НКВД, который стал настойчиво расспрашивать об отце Романа и его местожительстве. Становилось очевидным, что во избежание нового ареста нужно было уезжать и отсюда. Состояние здоровья отца Романа в это время уже стало угрожающим для жизни.

Портрет протоиерея Романа. 1936 год

Один из друзей священника, с которым он несколько лет пробыл в концлагере, пригласил его жить к себе, в город Черкассы Киевской области. Первое время отец Роман чувствовал себя здесь вполне сносно, только беспокоила пораженная туберкулезом нога. Духовные дети через Анну Николаевну возобновили с ним переписку, обращаясь к нему за советом в сложных житейских обстоятельствах.

12 февраля 1937 года отец Роман писал Анне Николаевне относительно «решения двух Любовий — матери и дочери»: «Одно здесь несомненно положительное — это начало дела с благословения мудрого и прозорливого отца Митрофана. Всё же прочее — очень гадательное и неопределенное. Ясно, что на себя мы не можем взять решительного действия ни за, ни против. Первое в нашей жизни — это Христос и Его воля, — всё же прочее, в том числе и самое лучшее земное — дела второстепенные, как Апостол говорит: женящиеся, яко не посягающие, пользующиеся миром сим, как не пользующиеся... Можно и посягать, но о Господе. Дар девства дан не всякому, — а кому дано, тому лучше не заводить семьи, потому что супруг думает, как угодить супруге, а свободный — как угодить Господу. Здоровье невесты очень слабое, а супружество вещь жестокая, требует здоровья крепкого. Невеста слабо вооружена для жизни, а в наше время особенно нужно быть способной заработать, чтобы на всякий случай можно было иметь свой хлеб. Молода она — ей в пору учиться и учиться. А совмещать учебу и супружество едва ли будет возможность, а если будет, то без стипендии, то есть на средства мужа (замужних стипендий лишают). А потом, это взаимное рабство, по Апостолу, когда жена не владеет своим телом, а муж и обратно. С другой же стороны, партия, по-видимому, подходящая, семья добрая; не знаю как жених, а мать и сестра — верующие. Годы жениха не очень

подходящие — пройдет лет 15, он уже будет стариком, и вся тяжесть семьи ляжет на жену. И опять — преподаватель математики, и притом высшего учебного заведения, — очень недурно (по-мирски). Что касается одиноких старых родителей, это уж дело положенное — оставит человек отца и мать... Будем отговаривать, потом могут быть постоянные попреки, что разрушили возможное счастье; будем советовать — многих обстоятельств не знаем, и совет наш будет вслепую. В случае несчастья в супружестве — мы же окажемся виноватыми. Как видишь, у меня нет определенного склонения ни в ту ни в другую сторону. Если бы были у нас средства (как бывало в старое время), мы бы могли сказать — не спеши, успеешь, молод, больна, надо учиться, чтобы окончить ВУЗ. А теперь — мы безоружны. Одно остается — отдать это дело в руки Бога, пусть Он устроит всё так, как это будет лучше для всех».

21 марта отец Роман написал, что ему привезли кое-какие книги и он не «так дико провел это время, как прошлые шесть лет», то есть в заключении. Однако к этому времени стали меняться внешние обстоятельства его жизни. «Мою комнату продают, придется менять квартиру, — писал он, — а найти-то не так легко другую, да и перебираться с моими силами — перспектива не из сладких. Но никто, как Бог».

5 мая он писал супруге и дочери: «Взаимно еще раз поздравляю вас и с праздниками и с предстоящим днем Ангела. Мое здоровье немного лучше. Слабость чрезмерная и сильные боли сердечные меня очень угнетали. Почти всё время на прошлой неделе я проводил в постели. Принимал гомеопатические средства сердечные... И с ногою полегче, но значительного улучшения — нет. На этой неделе я много бодрее. У меня как-то не складывается

связаться со здешними врачами, да и внешние условия складывались неблагоприятно... Комнатку-то я нашел, а вот затруднение — сидим без керосина. Это очень осложняет стряпню».

25 мая отец Роман, поднимаясь на крыльцо, оступился и сломал пораженную туберкулезом ногу, что до конца жизни лишило его возможности передвигаться самостоятельно. «Получилась такая большая боль, — писал он, — что меня принесли к постели; все нервы ноги так болят, что на ногу ступить не могу, коленку ни согнуть, ни разогнуть — сводило от боли... Движения крайне ограничены, делать их приходится со всякой осмотрительностью и очень тихо. Лежа ищу положения, когда бы поменьше болело... Моя хозяйка очень хорошо за мной ухаживает, но предупредила, что в скором времени по целым дням ее дома не будет, а посему необходимо мне иметь своего человека для ухода».

Положение относительно здоровья отца Романа становилось всё хуже, и 5 июля женщина, ухаживавшая за ним, написала Анне Николаевне, что его здоровье не улучшается, с вечера начинает болеть нога, и от боли он не может заснуть. Он сильно слабый и худой, и уход уже не помогает. И в правом легком какой-то непорядок. Так что, по-видимому, надо уезжать, пока погода стоит холодная и легче будет перенести переезд.

Анна Николаевна стала подыскивать место для отца Романа в городе Малоярославце Калужской области, в чем ей помог протоиерей Зосима Трубачев*, служивший здесь в Казанском храме.

* Священномученик Зосима Васильевич Трубачев (1893–1938); память 13/26 февраля.

В Малоярославце за отцом Романом ухаживала его духовная дочь Зинаида Борютина, время от времени приезжали помогать Анна Николаевна, дочь Ирина и духовные дети.

22 июля отец Роман попросил Зинаиду записать под его диктовку заветные и дорогие ему мысли о Церкви. «Когда кончил диктовать, был весь мокрый... Боли не прекращались. Вокруг постели тишина и мир, — писала она, — поразительная кротость батюшки и покорность воле Божией»¹⁵⁰.

«Очень многие убеждены, — диктовал отец Роман, — что христианство одно. На самом деле одно истинное христианство, но история полна массой извращений христианства, так было доселе, так и в настоящее время.

Теперь, при массовом отпадении от веры, многие полагают, что дни христианства в СССР — сочтены. На самом же деле дело обстоит совершенно не так.

Подлинное христианство до того удовлетворяет и отдельного человека, и всё христианское общество, до того их насыщает, обогащает и делает счастливыми, что вкушивший благ подлинного христианства никогда от него не откажется, потому что никакое учение, никакая вера и никакие люди и другие существа не в состоянии дать человеку того, что дает настоящее христианство...

Крещение требует от приступающего к нему глубочайшей сознательности. Нужно, чтобы он вполне ясно представлял, что ожидает его духовное рождение, — и от всего сердца его желал. Перед крещаемым должно быть ясным, что в него будет Духом Святым положено начало вечной жизни — семя Христово, что он должен умереть для греха и соединиться со смертью Христовой, побеждающей смерть, — что он в принципе, соединившись со смертью Христовой, — реально готов это подтвердить

в любой момент, то есть безбоязненно, смело умереть, потому что в нем Христос, победивший смерть. Иные, еще не крещенные, но лишь оглашенные учением христианским, принимали за исповедание Христа смерть. И эти мученики признаны Церковью, невзирая на то что они не были крещены водою, — признаны не только верными, но и в чине мучеников. Воду им заменила их кровь. Принципиальное соединение их со смертью Христовой совпало с соединением реальным. У большинства же христиан эти моменты разъединены. Христу Спасителю угодно, чтобы многие из христиан пожили здесь, став небесными, наподобие того как на земле пожил известный период жизни Он — небесный Христос. Как Он послужил здесь для спасения других, так должны пожить и для своего духовного возрастания и для спасения других крещенные — духовно рожденные, в крещении принципиально соединившиеся с Христовой смертью. Христос умер для спасения нас от греха, умер, чтобы мы, глядя на Него, победившего смерть в воскресении, уже не дрожали за свои „подленькие животишки“... не боялись держаться правых путей из опасения, что от этого наша земная жизнь потерпит ущерб и даже смерть. Всякий верующий знает, что от самой смерти он ничего не потеряет, а выиграет, потому что тотчас же явится причастником жизни Христовой в еще большей степени, так как плоть и кровь не дают возможности Христовой жизни раскрыться здесь на земле так, как она может раскрыться после смерти нашей, когда мы окажемся находящимися со Христом...

Цель достигнута — рабство греху из-за страха смерти уничтожено; крещаемые получают жизнь Христову воскресшую, то есть смерть победившую, а посему они уже и не совершают греха и не боятся смерти. Здесь, на земле, они живут героически, небоязненно, как небожители,

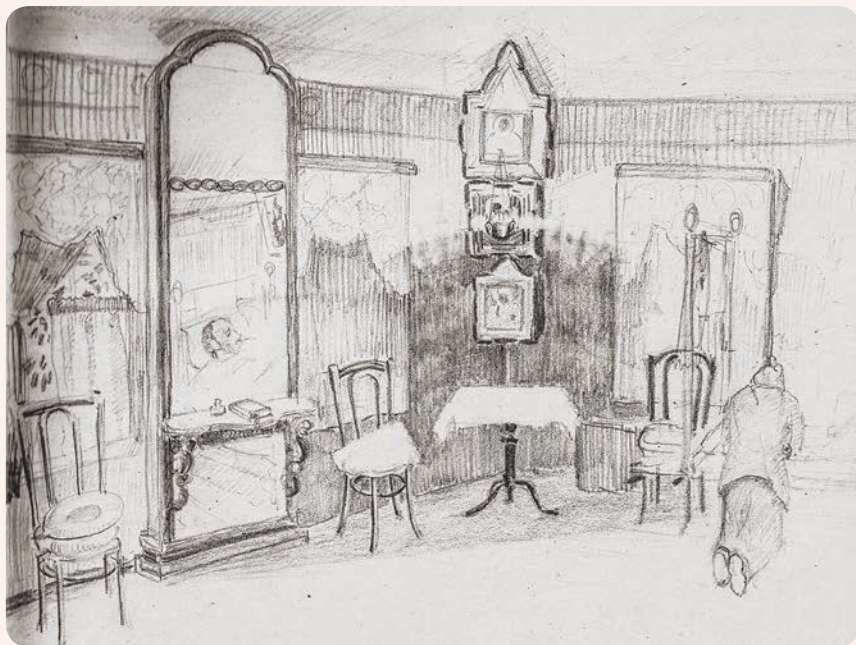
зная, что через смерть они не только ничего не теряют, а, напротив, приобретают...

Покойный патриарх Тихон при открытии Православной народной академии в 1918 году сказал, что у него в пастве более 100 миллионов крещеных, но почти все они не могут быть названы даже оглашенными. Какая величайшая трагедия для Церкви! Что же это, скажем, была за Церковь при тех крупнейших дефектах... от подчинения Церкви императорской власти? Неудивительно, что уже почти 20 лет систематического гонения такую Церковь разорили почти вконец. Было бы чудом, если бы случилось иначе. Для восстановления нашей Церкви, не мечтая о ее прежнем численном составе, необходимо прежде всего теоретически, а потом и практически наметить точные грани церковные, потому что работа по восстановлению — без этого — невозможна...»¹⁵¹

В Малоярославце протоиерей Роман стал служить литургию, которая была для него великим утешением.

27 июля его духовная дочь записала в дневнике, что отец Роман сказал ей: «Я хотел бы достичь чистоты в молитве полной, чтобы она зажигалась сразу, как пламя, и была бы чистой, но сейчас такие боли у меня, что я молюсь с перерывами. Боли останавливают молитву, не дают покоя. Иисусова же молитва, по милости Божией, всегда со мною непрестанно. Утренняя литургия — это моя единственная улада и утешение. Я не могу без нее жить. Не могу себя лишить ее. Но если даже Господь не примет эту жертву, то пусть это будет мне хотя бы воспоминанием литургии, воспоминанием о Господе постоянным, без Которого я не могу быть.

Когда ко мне приехала Анна Николаевна, она мне сказала: „Что же ты не совершаешь литургии, — ведь ты же священник?!“ Я не ожидал от нее этого и был очень

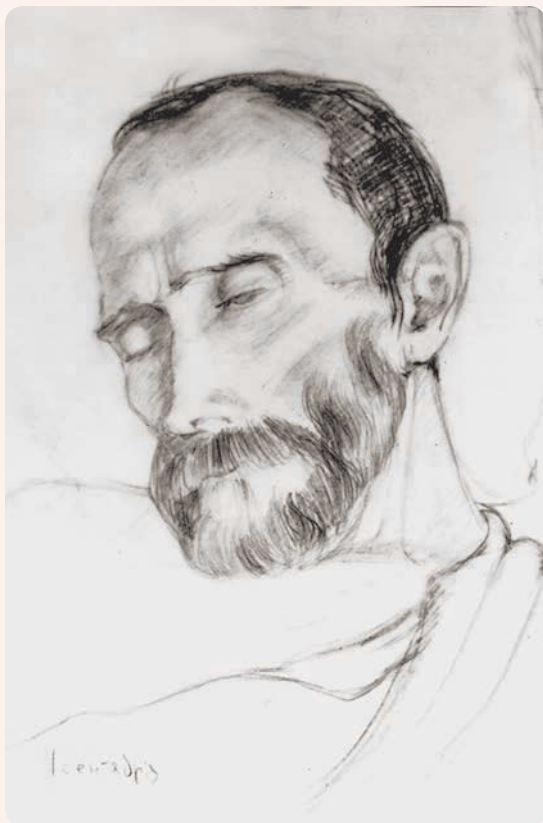
*Комната, где жил отец Роман в Малоярославце.
Рисунок Евгении Борютиной*

обрадован. После совершения краткой литургии испытываю такой покой! и тишину!»¹⁵²

«28 июля после утренних молитв и литургии батюшка просил отложить еду и чаепитие, ему хотелось побыть в тишине и молчании. <...> Днем батюшка сказал, что сегодня после литургии чувствовал себя особенно хорошо, радостно и покойно»¹⁵³.

Летом 1937 года гонения на Русскую Православную Церковь усилились, власти приняли решение об аресте священнослужителей, возвратившихся из заключения. В конце июля двое сотрудников НКВД пришли в дом, в котором жил отец Роман, и предъявили Анне Николаевне ордер на арест мужа. В это время у него открылось легочное кровотечение, и Анна Николаевна сказала:

— Вы видите, он умирает. Берите, мне еще лучше будет, не надо будет его хоронить.

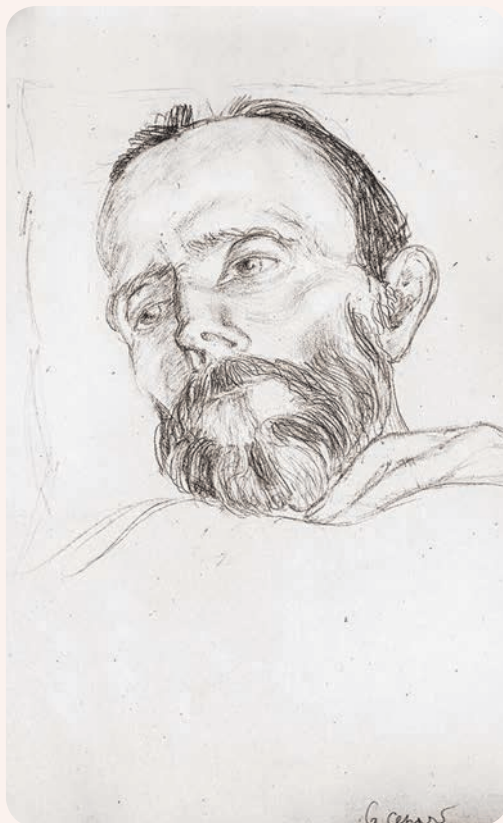
*Протоиерей Роман Медведь.
1 сентября 1937 года.
Рисунок Евгении Борютиной*

Сотрудники НКВД посмотрели на умирающего священника, и один из них недовольно сказал:

— Там своих покойников хватает.

И они, развернувшись, ушли.

Вскоре состояние здоровья отца Романа ухудшилось настолько, что он уже не смог совершать литургию. 2 августа его духовная дочь записала: «„Вижу себя в храме за литургией, — сказал отец Роман. — Пение чудное! Ах, как было хорошо! И во сне я здоровый! И всё время везде хожу!“ Все последующие дни отец Зосима ежедневно причащал батюшку до самой его кончины».

*Протоиерей Роман.
6 сентября 1937 года.
Рисунок Евгении Борютиной*

6 сентября отец Роман сказал ухаживавшим за ним: «Смерть на расстоянии двух дней, и тогда конец. Остались последние денечки. Я поставлен Господом быть ответчиком — и буду, как пример для других. Я один ответчик за всё».

В этот же день отец Роман продиктовал письмо духовным детям: «Дорогие, все бывшие духовные дети мои! Я тяжело болен, и дни мои сочтены. Христиане перед смертью прощаются и примиряются друг с другом. Прошу простить меня во всём, в чем я согрешил перед вами: делом, словом, помышлением. Со своей стороны во всём, в чем

вы согрешили против меня, я властью, мне данной от Господа нашего Иисуса Христа, прощаю и разрешаю во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Недостойный протоиерей Роман Медведь».

Ночью отец Роман, показывая рукою вверх, сказал: «Свет Божественный здесь... Расчеты сводятся к концу... Давайте скорее кончать...» В 4 часа пришло внутреннее успокоение, и отец Роман сказал: «Слава Богу, хорошо!..»

8 сентября в 6 часов утра пришел протоиерей Зосима, и отец Роман причастился. Весь день он тихо лежал, почти не шевелясь, с закрытыми глазами. Около 5 часов вечера он открыл глаза, протянул обе руки вперед, и его лицо озарилось кроткой, сердечной улыбкой. Затем он откинулся на подушку и впал в полузабытье. Одна из его духовных дочерей стала читать молитвы на исход души. Отец Роман открыл глаза и посмотрел высоко вверх, потом повел глазами направо и склонил голову к плечу. Затем вздохнул еще несколько раз, и в 7 часов вечера 8 сентября 1937 года душа священноисповедника отошла ко Господу. Протоиерей Роман был погребен на городском кладбище в Малоярославце.

Спустя шестьдесят два года, 3 августа 1999 года, были обретены мощи священноисповедника, которые находятся ныне в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе в Москве, давшем приют его духовным детям, которые в течение многих лет здесь пели и читали на клиросе¹⁵⁴.

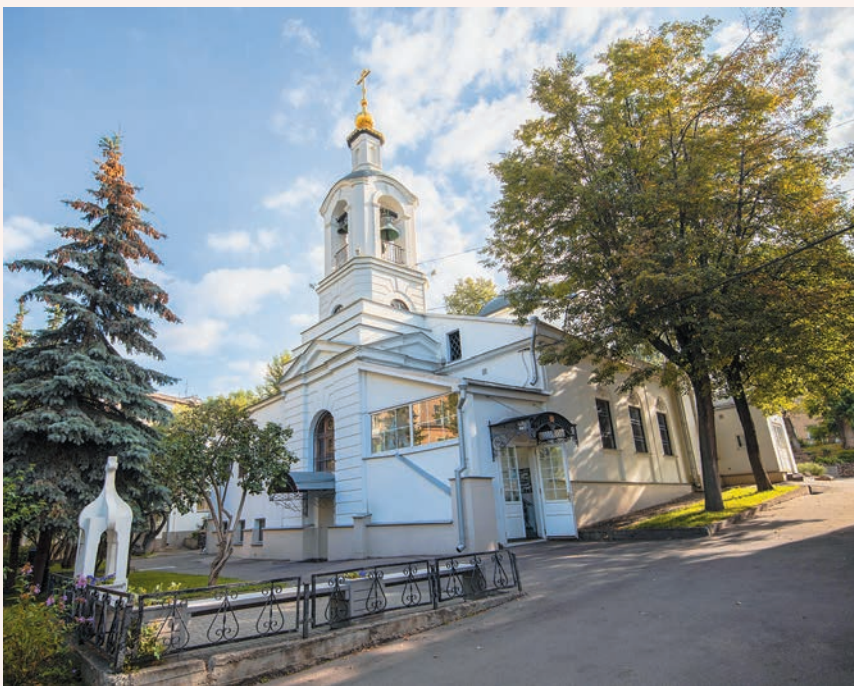
*Память священноисповедника Романа Медведя
совершается 21 июля (3 августа)
и 26 августа (8 сентября)*

*Панихида перед обретением мощей священноисповедника Романа.
Слева протоиерей Владимир Ригин, справа протоиерей Николай
Доненко, у креста иеромонах Дамаскин (Орловский),
спиной стоит правнук священноисповедника Романа
Николай Щелкачев. 3 августа 1999 года*

*Рака с мощами священноисповедника Романа в храме Покрова
Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе*

Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе

Примечания

- ¹ Выписка из актов гражданского состояния за 1872 год, № 9, Бельской соборной церкви.
- ² Епархиальный архив в Замостье. Отд. V, 4. МК о крещении греко-католического прихода св. Николая. 1850–1875. С. 332.
- ³ Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1881. № 15. С. 229.
- ⁴ Памятная книжка Люблинской губернии на 1874 год. С. 53.
- ⁵ Санкт-Петербургский духовный вестник. 1897. № 51–52. С. 1007.
- ⁶ Там же. 1895. № 42. С. 967.
- ⁷ Там же. 1897. № 51–52. С. 1022–1024, 1026–1028.
- ⁸ Годичный акт в С.-Петербургской духовной академии в 1898 году (17 февраля). СПб., 1898. С. 57.
- ⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 463. Л. 83.
- ¹¹ Литовские епархиальные ведомости. 1900. № 48. С. 379; Памятная книжка Виленской губернии на 1901 год. С. 134.
- ¹² Литовские епархиальные ведомости. 1900. № 48. С. 229–230.
- ¹³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 406. Оп. 12. Д. 1189. Л. 8.
- ¹⁴ Черниговские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 144.
- ¹⁵ Приложение к записке священника Романа. Машинопись. С. 5, 14–16.
- ¹⁶ В общее собрание всех полноправных и приемных братьев Крестовоздвиженского трудового братства священника Романа Медведя заявление о религиозно-нравственной стороне жизни братства. Машинопись.
- ¹⁷ Там же.

- ¹⁸ В общее собрание всех полноправных и приемных братьев Крестовоздвиженского трудового братства священника Романа Медведя заявление о религиозно-нравственной стороне жизни братства. Машинопись.
- ¹⁹ *Священник Роман Медведь*. Почему священники долго не могут жить в Крестовоздвиженском трудовом братстве? Рукопись.
- ²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1910 г. Д. 894. Л. 5.
- ²¹ Вестник военного духовенства. СПб., 1903. № 6. С. 161.
- ²² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1189. Л. 8.
- ²³ Вестник военного духовенства. СПб., 1903. № 3. С. 89–90.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1189. Л. 8.
- ²⁵ Отчет о деятельности Братства Св. Креста при церкви училища лекарских помощниц и фельдшерниц за 1904-й год. СПб., 1905. С. 4.
- ²⁶ Вестник военного духовенства. СПб., 1904. № 1. С. 21.
- ²⁷ Там же. 1905. № 13. С. 392.
- ²⁸ Правда православия. СПб., 1906. № 8. С. 15.
- ²⁹ Там же. № 3. С. 3–4.
- ³⁰ Там же. С. 4.
- ³¹ Вестник военного духовенства. СПб., 1907. № 1. С. 14.
- ³² Там же. С. 15.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 16.
- ³⁵ Там же. С. 20.
- ³⁶ Там же. 1908. № 24. С. 753.
- ³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 120. Л. 2; Вестник военного духовенства. СПб., 1910. № 20. С. 609.
- ³⁸ *Цитович Г. А., священник*. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск, 1913.
- ³⁹ Таврические епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 278.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 681. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1235. Л. 9.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Таврический церковно-общественный вестник. 1911. № 6. С. 208–209.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42304. Л. 95.

- ⁴⁵ *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том I. Нью-Йорк, 1954. С. 352.
- ⁴⁶ Вестник военного и морского духовенства. СПб., 1914. № 13–14. С. 458.
- ⁴⁷ Там же. № 15–16. С. 552.
- ⁴⁸ ОР РГБ. Ф. 369. Оп. 311. Д. 10.
- ⁴⁹ Из бесед протоиерея Романа Медведя (1912 год).
- ⁵⁰ Вестник военного и морского духовенства. СПб., 1915. № 7–8. С. 194.
- ⁵¹ Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 3. С. 42–44.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1235. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Л. 10–12, 18, 21.
- ⁵⁵ Там же. Л. 25.
- ⁵⁶ Там же. Л. 25–26.
- ⁵⁷ Научная библиотека Военно-исторического музея Черноморского флота. Ф. «Редкие книги». Ед. хр. «Приказы командующего Черноморским флотом 1917 г.». Часть II (№ 622–1612, февраль–апрель 1917 г.). Приказ от 17.02.1917 г. № 629.
- ⁵⁸ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 340–341 об. // Цит. по: Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 360–362.

⁵⁹ **«Проект Устава Православного Братства**

1. Братство есть учреждение чисто церковное, руководящееся в своей жизни и устройстве точными основаниями православной христианской веры.

Примечание. Подчиняясь на общем основании всем законам государства Российского, в своей внутренней жизни Братство пользуется полной независимостью от нецерковных организаций.

Цель Братства.

2. Цель Братства — помогать личному и общему спасению в христианском смысле этого слова через **устроение церковной общины на подлинных православно-христианских, церковно-исторических основаниях.**

3. Для достижения этой цели Братство правомочно открывать всякого рода **частные учреждения с целью организации на христианских основах всех сторон жизни** до христианской организации труда включительно, в частности, устраивать:

- а) собрания для общей молитвы и взаимоназидания в Божественном учении,
- б) собрания для общего церковного пения,
- в) кружки ревнителей храмового благолепия,
- г) церковного чтения,
- д) церковного пения,
- е) христианского благотворения,
- ж) защитников веры против 1) атеистов, 2) иноверцев,

ОТКРЫВАТЬ:

- з) кассы взаимопомощи на случаи болезни, смерти и т. д.,
 - и) приюты для детей обоего пола с целью христианского их воспитания,
 - к) богадельни для призрения немощных,
 - л) христианские школы разных типов, в которых обучение, воспитание и весь строй жизни должны быть построены на основах христианской веры,
 - м) артели труда по разного рода специальностям на основах самоотверженного христианского братолюбия,
 - н) создавать свои печатные органы, издавать книги, брошюры и листки, открывать библиотеки-читальни и т. д.
4. Для возможности осуществления этих задач Братство пользуется всеми правами юридического лица, т. е. приобретения и отчуждения недвижимого имущества, всякого рода сделок и т. п.

О вступлении в Братство.

5. Вступать в Братство может всякий православный христианин, добровольно выражающий желание вступить в члены Братства и подчиняться настоящему Уставу.

Примечание. Всякий член Братства свободен в любое время из него выйти, когда почему-либо посчитает для себя пребывание в Братстве нежелательным.

6. Степень материального и духовного участия в Братстве определяется свободным решением каждого его члена.

Примечание. Материальные пожертвования не являются непременным условием для вступления и состояния в Братстве, чтобы в Братстве имели возможность участвовать и совершенно неимущие.

7. Принадлежность к тому или другому сословию, то или иное общественное положение, государственное звание, чин, имущественное состояние, национальное происхождение, мужской или женский пол сами по себе не могут ни препятствовать, ни способствовать приему или вступлению в Братство.

Поименованные положения и звания не дают права и на преимущественное положение в Братстве, которое может определяться исключительно степенью самоотверженного служения общему делу. Не дают никакого права сами по себе и материальные пожертвования, как бы велики они ни были.

Отношения к другим церковным союзам.

8. Свои отношения к более широким церковным организациям, как то: епархии, Церкви Поместной и Церкви Вселенской Братство определяет как истинно сыновние.
9. К организациям однородным, как то: приходам и братствам Православной Церкви, и в особенности к соседним, Братство определяет как истинно братские.
10. Братства могут быть основываемы как при приходских храмах, так равно и при бесприходных монастырских и при своих собственных братских храмах.
11. Основываемые при существующих храмах братства организуются на основах полной внутренней независимости как своей, так равно и тех православных учреждений, при которых они открываются.

В частности: члены Братства, в силу того что они члены Братства, не получают никаких особых прав по той церкви, при которой возникает Братство, равно как и члены причта, старосты, ктитория и прихожане, не вступившие в члены Братства, в силу только своих отношений к местному храму не получают никаких прав по Братству.

12. В открываемые братства могут вступать все православные, независимо от принадлежности к другим приходам, братствам и т. п. и вовсе не порывая с ними своей связи.

Организация Братства.

13. Принимая во внимание различие в Церкви двух ее составных частей — клира и мирян, или точнее — пастыря и паствы, Братство организует свой строй на основах христианской любви, чуждой лжи, лицемерия и самопревозношения, а наоборот — полной взаимного уважения, взаимного самоотвержения и смирения.
14. В случаях нарушений истинно братских отношений между членами, Братство руководится тем путем для уничтожения взаимных огорчений, который указан Христом Спасителем в Ев. Мф. Гл. XVIII, ст. 15–17 со всеми его последствиями, т. е. вплоть до исключения упорных из состава Братства.
15. В построении отношений между пастырями и мирянами Братство отвергает пути господства как пастырей над мирянами, так равно и мирян над пастырями, согласно (Мф. XX, 25–28).

Примечание. Господство над пастырями имелось у нас в России, когда светская власть присвоила себе распоряжение Церковью через обер-прокуроров и их органы.

Господство над паствой сказывается в отсутствии организации мирян и ее совершенствования, вследствие чего миряне во многих местах превратились у нас в раздробленные и бесправные единицы.

16. Братство, как православная община, может быть организовано только на общих для всех православных общин основаниях, т. е. во главе Братства может быть только пастырь, т. е. лицо, облеченное священным саном — епископ или священник.

О руководителе Братства.

17. Стоящий во главе Братства пастырь называется руководителем Братства.
18. Руководитель Братства избирается на общем собрании Братства из лиц священного сана, не только вошедших в Братство, но и посторонних, непременно из лиц, засвидетельствованных своей духовной настроенностью, сильных в молитве и слове, с глубокими познаниями истин христианской веры и способностью руководить других.

Примечание. Избрание является уместным лишь тогда, когда первый руководитель Братства умрет или почему-либо оставит Братство. Священник, устроющий

Братство по своей собственной инициативе, является естественным руководителем Братства без всякого избрания.

Примечание 2. В случае избрания руководителем Братства мирянина, по своим качествам отвечающего требованиям к руководителю Братства, он должен принять священный сан.

19. Избранный руководитель Братства утверждается в своей должности епархиальным епископом.
20. В своих отношениях к членам Братства руководитель должен подавать пример христианской самоотверженной любви и в случаях нарушения отношений с отдельными членами Братства должен подавать пример смирения в подчинении братскому делу на общих для всех членов Братства основаниях согласно ст. 14 (Мф. XVIII, ст. 15–17).
21. Руководитель Братства может быть смещен со своей должности только по церковному суду.

Примечание. Обращение к светской власти по делам Братства не допускается.

22. Преимущественное служение братского руководителя есть молитва и служение слова, но принципиально руководитель не может быть отстранен от руководства и прочими делами Братства.
23. Входящие в состав Братства другие пастыри по мере сил разделяют с руководителем служение слову и молитве, но непременно в полном духовном с ним согласии для того, чтобы в жизни Братства было одно направление.
24. Желательно, чтобы руководитель Братства и другие пастыри, входящие в состав Братства, вовсе не брали на себя не соответствующих пастырскому званию материальных забот.

Примечание. Пастыри, входящие в Братство, могут становиться руководителями отдельных кружков и организаций в Братстве, но непременно в полном согласии и единении с руководителем Братства.

О Совете Братства.

25. Совет Братства составляется из руководителя Братства и выборных Братства, количество которых и самое избрание определяется общим собранием Братства.

26. На первых порах среди членов Совета должны быть следующие лица: а) старшина Братства, б) казначей, в) секретарь, г) организатор братских собраний с внешней стороны, д) заведующий внешней организацией Братства по кружкам и отделам Братства.
27. Старшина Братства является его представителем в сношениях со всеми нецерковными учреждениями и с церковными в случаях, предусмотренных ст. 18–21. Он председательствует в Совете в случаях отсутствия руководителя Братства.
28. Казначей Братства принимает денежные пожертвования и взносы, хранит деньги и расходует их на основании указаний Братства и ведет денежную отчетность по общепринятым образцам.
29. Секретарь Братства руководит всей братской канцелярией, составляет протоколы, отчеты, заведует печатанием братских книг, брошюр, листов и проч.
30. Организатор братских собраний своевременно заботится о приискании и оборудовании помещений для братских собраний, наблюдает на собраниях за внешним порядком.
31. Заведующий внешней организацией Братства ведет списки членов Братства как общие, так и по кружкам и организациям, изыскивая и средства к возможно стройной организации Братства для достижения более скорых взаимных отношений и проч.
32. Братство, по мере надобности, восполняет членов Совета Братства любым числом своих выборных.
33. Стоящие во главе отделов Братства и его кружков входят в Совет Братства как его члены.
34. Руководитель Братства является естественным председателем Братского Совета, делающего постановления в полном духовном единении и согласии с руководителем.
35. Нравственную и церковную ответственность за направление жизни и деятельности Братства несет перед Церковью руководитель Братства, а посему он не может быть отстранен от участия в решении каких бы то ни было дел Братства, но, для того чтобы руководителю Братства не отвлекаться от чисто духовного служения, по взаимному соглашению Совета и руководителя и с одобрения общего собрания Братства, руководитель может быть освобожден от участия в решении дел

хозяйственного и вообще мирского характера. В таком случае постановления Совета получают свою силу и при отсутствии на собраниях руководителя Братства.

36. В случаях несогласия с постановлениями Совета руководитель переносит решение дела на общее собрание, в случаях несогласия и с общим собранием необходимо решение епископа, а в случае нужды даже и Поместной Церкви.

Примечание. В вопросах веры решение дел может восходить даже и ко Вселенской Церкви.

Общие собрания.

37. Общим собраниям принадлежит решение главнейших дел Братства. Текущие дела решает Совет Братства.
38. Общие собрания созываются по мере надобности. Председателем общих собраний является также руководитель Братства, за исключением случаев, предусмотренных ст. 18–21, когда председательствует старшина Братства.
39. Собрания Братства могут быть открытыми для всех или закрытыми, по усмотрению Братства.

О голосовании.

40. Братство решает все дела путем открытого голосования.

Примечание. Для тайного голосования в Братстве не может быть оснований, так как отношения между всеми членами Братства должны быть проникнуты полной открытостью, чужды лести, лицемерия, лжи, запугивания и страха. А посему, если бы в Братстве эта общая почва для нормального духовного строения оказалась поколебленной, то прежде голосования необходимо восстановить в Братстве нормальные христианские отношения и только после этого приступать к решению дел согласно Мф. V, 24–25.

О средствах Братства.

41. В приискании материальных средств Братство должно держаться принципа, что оно само обеспечивает себя и свои учреждения путем добровольных самообложений и пожертвований своих членов.

Примечание. Пожертвования могут быть принимаемы и от посторонних лиц, но под условием, чтобы прием их не возлагал на Братство обязательств, противных его Уставу и основному направлению его жизни.

Братство не имеет права принимать для осуществления своих целей государственных субсидий для сохранения своей церковной независимости.

42. Характер всей отчетности по жизни Братства как в духовном отношении, так и в материальном нормируется им самим путем отдельных постановлений и инструкций» *.

⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 314.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Л. 344.

⁶³ Московские церковные ведомости. 1918. № 3. С. 5.

⁶⁴ Московские церковные ведомости. 1918. № 2 // Цит. по: Православная Москва в 1917–1921 годах. М., 2004. С. 362.

⁶⁵ ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.

⁶⁶ Там же. Л. 96.

⁶⁷ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 279.

⁶⁸ Там же. Л. 303.

⁶⁹

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В МОСКОВСКИЙ СОЮЗ
РЕВНИТЕЛЕЙ И ПРОПОВЕДНИКОВ ПРАВОСЛАВИЯ

Члены Союза словом и делом служат Христу и Матери-Церкви.

Я, нижеподписавш _____ даю сию мою подписку в том, что:

- 1) содержу и исповедую святую православную веру по учению Святой Соборной и Апостольской Церкви и по сей вере обещаю жить и спасать свою душу и в том же помогать другим членам родной Церкви;
- 2) в отлучении от Церкви и ее таинств не состою и через них надеюсь получить помощь Божию во всяком добром деле;
- 3) обещаю всеми силами своими хранить мир и братскую любовь со всеми членами Союза и, по возможности, со всеми

* ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 314–317 об.

христианами; буду сам____ молиться обо всех, испрашивая и вашей братской обо мне молитвы;

- 4) сознаю себя грешн____, немощн____ и нуждающ____ в помощи, а посему прошу вас с любовью, по-братски руководить меня по разумению вашему в благочестивой и добродетельной жизни по правилам Св. Церкви и исправлять меня, если в чем погрешать буду, и содействовать мне во всех добрых начинаниях; я же советы ваши и содействие со вниманием и любовью приму и послушаю вас, ибо хочу быть чист____ в совести моей перед Богом и вами;
- 5) намереваюсь и обязуюсь при посредстве Союза служить Церкви Божией по силам моим. В частности, буду:
- а) исповедовать Христа и веру православную бесстрашно, никого не стыдясь и никого не боясь,
 - б) проповедовать Христа и веру православную всюду, где к тому будет возможность, а именно: в народе — на фабриках, заводах, в казармах, на улицах и площадях, в частных домах и, с благословения духовных отцов, и в храмах, а равно также в селах и деревнях,
 - в) служить тому же печатным словом или распространением изданий Союза и других церковных изданий,
 - г) ревностно привлекать к Союзу новых членов,
 - д) принимать посильное участие в строении своего прихода и других церковных союзов,
 - е) готов____ способствовать распространению слова Божия работой: на пишущей машине, в типографии, литографии и т. д. бесплатно или же, например, печатать в собственной типографии по себестоимости издания Союза,
 - ж) для той же цели жертвую пишущую машину, бумагу, множитель, типографию или часть ее и т. д.,
 - з) предоставляю для целей Союза помещение для собрания, для конторы, редакции, библиотеки, читальни и т. п.,
 - и) в случае выселения священников, иноков и инокинь из церковных домов могу приютить ____ человек или предоставить комнату или угол на такое-то время, на ____ срок принять на мое полное иждивение, помочь в приискании им труда и т. п.,
 - и) для организации обучения детей Закону Божию ежемесячно обязуюсь жертвовать ____ руб. ____ коп. или же предлагаю

- свою помощь священникам по надзору за детьми на уроках, а также за богослужением, буду помогать детям готовить уроки по Закону Божию и наблюдать за их жизнью,
- к) вносить ежемесячно на цели Союза ____ руб. ____ коп.,
- л) буду помогать бедным Союза из достатков моих и личным трудом моим служить им:
- 1) посещением нуждающихся, 2) исследованием их нужд, 3) разноской им пособий от Союза или 4) провизии, 5) уходом за больными ежедневно от ____ до ____ час. или в такие-то дни ____ от ____ до ____ час.,
- м) буду иметь попечение о порученных мне лицах,
- н) могу вести письменное дело в Союзе,
- о) буду шить, вязать, стирать, стряпать для больных и неимущих в помещении Союза или у них на дому,
- п) могу для них или для Союза работать черную работу, не требуя себе ни за что вознаграждения,
- р) хочу помогать убираться в храме ____,
- с) могу вести чтения по лазаретам, частным домам и в читальне Союза,
- т) заведовать библиотекой,
- у) раздавать и принимать книги от ____ до ____ час., в такие-то дни,
- ф) помогать при похоронах бедных, читать Псалтирь, давать помощь вещами и средствами при похоронах,
- х) давать лошадей или телегу для Союза и его бедных бесплатно или по уменьшенной цене,
- ц) соглашаюсь покупать и продавать, что Союз найдет надобным,
- ч) соглашаюсь отпускать товары для нужд Союза и его бедных по себестоимости или со скидкой ____% с установленной цены,
- ш)буду присылать в Союз для бедных такие-то товары,
- щ)предлагаю ____ работу ищущим труда,
- э) предлагаю обучать ____ мастерству,
- ю)соглашаюсь исполнять поручения по разноске талонов, повесток, наклеивать объявления,
- ь) предлагаю услуги собирать пожертвования по квитанционным книжкам или в кружку,
- ть) еще могу или предлагаю (давать или делать) ____.

Сие мое обязательство обещаюсь исполнять точно по совести, если же что мне будет не под силу, о том заблаговременно обязуюсь заявить Совету. Прошу сим принять меня в братскую любовь и общение и зачислить меня в члены Союза.

Представляя при сем ___ руб. ___ коп. (по усмотрению каждого); долг имею сообщить, что в сем году я исповедовал ___ и Св. Тайн причастия удостоен ___ духовником моим ___ в церкви ___ (такой-то), прихожанином же я состою при ___ церкви (адрес церкви) ___.

Подпись (имя, отчество, фамилия, звание и лета) _____

191___ г. ___ «___» дня.

Адрес мой: _____

Примечание: 1. Те обязательства, которые на себя вступающий не может принимать, следует зачеркнуть.

Примечание: 2. По заполнении настоящее обязательство просим вернуть в Совет по адресу: Страстной бульв[ар], д. 4, кв. 114. И. В. Борисову*.

⁷⁰ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 138.

⁷¹ Благовестник. Издание Московского Братства Союза ревнителей и проповедников православия. № 3. М., 1918. С. 1–3.

⁷² Там же. С. 14.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 300–301 об.

⁷⁵ Там же. Л. 290–291.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Благовестник. Издание Московского Братства Союза ревнителей и проповедников православия. № 2. М., 1918. С. 1–2.

⁷⁹ Там же. С. 10–12.

⁸⁰ Там же. № 3. С. 6–8.

⁸¹ Когда же мы исполним свои обещания? М., 1918. С. 4–14.

⁸² Благовестник. Издание Московского Братства Союза ревнителей и проповедников православия. № 1. М., 1918. С. 9–10.

⁸³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 186.

* ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 138–138 об.

- ⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 321.
- ⁸⁵ Там же. Л. 324–325.
- ⁸⁶ Там же. Л. 292–292 об.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. Л. 101.
- ⁸⁹ Там же. Л. 234.
- ⁹⁰ Там же. Л. 35.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же. Л. 111.
- ⁹³ Там же. Л. 388.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. Л. 393.
- ⁹⁶ Там же. Л. 403.
- ⁹⁷ Там же. Л. 408.
- ⁹⁸ *Иванова М. А.* Воспоминания. Машинопись. Л. 1.
- ⁹⁹ Там же. Л. 2–4.
- ¹⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 об.
- ¹⁰¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 716. Л. 1.
- ¹⁰² Там же. Л. 3.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 6–7.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 716. Л. 7.
- ¹⁰⁶ *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 534–535.
- ¹⁰⁷ *Борютина З. Н.* Братская община при храме свят. Алексия в Глинцевском пер. на Большой Димитровке в Москве, возглавляемая отцом Романом в 20–30-х годах нашего столетия. Рукопись.
- ¹⁰⁸ *Иванова М. А.* Воспоминания. Машинопись. Л. 4–10.
- ¹⁰⁹ ЦГА Москвы. Ф. 376. Оп. 3. Д. 95. Т. 8. Л. 5.
- ¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-37681. Л. 4.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Л. 12.
- ¹¹³ Там же. Л. 13 об.–14.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 18 об.–19.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. Р-3917. Оп. 2. Д. 1455. Л. 3.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3917. Оп. 2. Д. 1455. Л. 1.

¹¹⁷ Там же. Л. 4.

¹¹⁸ Там же. Ф. 10035. Д. П-37681. Л. 25.

¹¹⁹ Там же. Л. 27 об.

¹²⁰ Там же. Л. 32 об.–33.

¹²¹ Там же. Л. 44 об.–45.

¹²² Там же. Л. 68–70.

¹²³ Там же. Л. 71.

¹²⁴ Там же. Л. 72.

¹²⁵ Там же. Л. 74.

¹²⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 157 об.

¹²⁷ «От своего имени, от всего состава причта церкви святителя Алексия митрополита <...>, а также от всей общины верующих нашего храма долг имею засвидетельствовать нижеследующее:

- 1) Ко всему так называемому обновленческому движению в Российской Церкви („Ж.Ц.“, „Содац“, „Возрождение“ и пр.) относимся отрицательно и непримиримо от его начала и до конца во всех его моментах и проявлениях, как то: В.Ц.У., М.Е.У., собору 1923 года, В.Ц.С. и пр.; считаем всё это движение еретическим и глубоко преступным.
- 2) Практическое наше отношение к этому движению мы определили согласно выраженной (п. 1) нами принципиальной точки зрения, в частности:
 - а) ни в какие сношения с В.Ц.У. и В.Ц.С. и его органами — М.Е.У. и благочинным мы не входили, ни с епископом Антонином, ни к священнику Красницкому и К° мы не ходили. Ни одного предписания, шедшего от В.Ц.У. (В.Ц.С.), М.Е.У. и благочинного, мы не исполняли;
 - б) ни от себя, ни от членов причта, ни от храма и общины верующих на труды В.Ц.У., М.Е.У., благочинного, собор и т. д. мы ни одной копейки не дали;
 - в) ни одной бумаги, даже такой, как например клировые ведомости, мы самозваному церковному правительству не посылали;
 - г) анкеты от В.Ц.У. мы не заполняли;
 - д) ни в храмах, ни на дому с членами обновленческого движения и теми, кто ему подчинился, ни единого разу молитвенного общения мы не имели; <...>

- е) молитвенных возношений за богослужениями об епископе Антонине, В.Ц.У. и т. п. мы не делали;
- ж) ни на какие совещания благочиннические, епархиальные и т. п., где были обновленцы и им подчинившиеся, мы не ходили;
- з) выборов на незаконный их собор (сатанинское собрание) мы не производили;
- и) на новый стиль не переходили;
- к) за всеми постановлениями обновленческого собора 1923 года не признаем никакой силы;
- л) Святейшего Патриарха Тихона поминали до момента, когда сам Святейший благословил перестать возносить его имя; теперь за богослужениями имя Святейшего стали вновь возносить»*.

¹²⁸ *Иванова М. А. Воспоминания. Машинопись.*

¹²⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42304. Л. 23.

¹³⁰ Там же. Л. 17.

¹³¹ Там же. Л. 75.

¹³² Там же. Л. 29.

¹³³ Там же. Л. 45.

¹³⁴ Там же. Л. 36.

¹³⁵ Там же. Л. 38.

¹³⁶ Там же. Л. 63, 96.

¹³⁷ Там же. Л. 51.

¹³⁸ Там же. Л. 57.

¹³⁹ Там же. Л. 69.

¹⁴⁰ Там же. Л. 81–81 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 121.

¹⁴² Там же. Л. 143.

¹⁴³ Там же. Л. 127.

¹⁴⁴ Там же. Л. 155.

¹⁴⁵ Там же. Л. 161.

¹⁴⁶ Там же. Л. 173.

¹⁴⁷ Там же. Л. 95.

* РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 19–20.

¹⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42304. Л. 99.

¹⁴⁹ Там же. Л. 193.

¹⁵⁰ *Борютина З. Н.* Братская община при храме свят. Алексия в Глинищевском пер. на Большой Димитровке в Москве, возглавляемая отцом Романом в 20–30-х годах нашего столетия. Рукопись.

¹⁵¹ *Протоиерей Роман Медведь.* Основы истинного христианства. Рукопись. Л. 1, 29–31, 37.

¹⁵² *Борютина З. Н.* Братская община при храме свят. Алексия в Глинищевском пер. на Большой Димитровке в Москве, возглавляемая отцом Романом в 20–30-х годах нашего столетия. Рукопись.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Еще при жизни священноисповедника бывали случаи, когда по его молитвам люди получали исцеления. Весной 1932 года, когда сам отец Роман был в концлагере, тяжело заболела его духовная дочь Ксения Калошина, которой было тогда двадцать пять лет. Врачи поставили диагноз: воспаление подъязычной железы. В течение пяти суток она не могла ни есть, ни пить и температура держалась около 40 градусов. Шею раздуло, язык опух и стал синим; врач, чтобы как-то облегчить страдания больной, капал на ее язык воду. Ксения тогда ясно почувствовала, что умирает, и послала матери записку, чтобы она пришла к ней проститься. Но ее не допустили в палату, опасаясь, что заболевание инфекционное. Заведующий больницей сказал: «Если Николай Александрович Семашко подпишет разрешение, то я пушу». В тот же день мать Ксении нашла доктора Семашко и рассказала ему об умирающей дочери. Он тут же написал записку, чтобы ее немедленно пропустили.

Всё это время мать Ксении обращалась с горячей молитвой к протоиерею Роману и, когда она пришла к дочери, то застала ее выздоравливающей. Ксения рассказала, что в предыдущую ночь ей явился протоиерей Роман. Он шел по воздуху в облачении красного цвета и с чашей в руках. Приблизившись, он причастил ее Святых Христовых Таин. И с этого момента к ней стали возвращаться силы. Она вскоре выздоровела и прожила впоследствии долгую жизнь.

Оглавление

В преддверии священства	5
Проблемы христианской общины	29
В Церкви нет овец бессловесных	46
Богом дарованную свободу мы вправе употреблять лишь на служение Ему — Богу правды	66
На путях сохранения церковной свободы	91
Служение Христу — чистое, без примеси лжи и лукавства	105
Готов сам идти на Голгофу, но не посылать на Голгофу других	127
На пастырской страде	151
Моя работа исключает всякое двоедушие и лицемерие	170
Предпочитаю разделение свободных — единению рабов	202

Блажен, кто закалил себя, приучив с юности к суровой жизни	218
Учу себя быть готовым с христианским достоинством встретить всякие обстоятельства	229
Я целую свои узы и знаю, что они мне во благо	243
Иисусова молитва, по милости Божией, со мной непрестанно	258
<i>Примечания</i>	273

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Бог судил мне быть исповедником

Житие
священноисповедника
Романа Медведя

Редактор *Н. В. Злых*

Корректоры: *Н. В. Злых, Е. Г. Криницына*

Художественный редактор *Е. Ю. Тихонова*

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ 29 12 2010)

Подписано в печать 27 10 2020

Формат 70 × 100 1/16 Бумага офсетная Печать офсетная

Шрифт «Minion» Уч -изд л 12,62 Усл печ л 23,73

Тираж 1000 экз Заказ № 0000

Издание Регионального общественного фонда

«Память мучеников и исповедников

Русской Православной Церкви»

127253, Москва, Дмитровское ш , д 116, корп 2

info@fond.ru

www.fond.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул Свободы, 97

www.arvato.ru